ОСОБАЯ ПАПКА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС
ОРГАНИЗАЦИОННОЕ БЮРО И СЕКРЕТАРИАТ ЦК ВКП(б)
Фонд №
Опись №
Ед. хр. №
Начато 18 июня
Окончено 28 июня
На 176

Г. А. КУРЕНКОВ

ОТ КОНСПИРАЦИИ К СЕКРЕТНОСТИ

ЗАЩИТА ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В РКП (Б) – ВКП (Б) 1918 – 1941 гг.

Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)
Проект Стивена Коэна и Катрины ванден Хювел

Серия «АИРО — монография»

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	Журнал «Политический класс», МГУ им. М. В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Г. А. КУРЕНКОВ

ОТ КОНСПИРАЦИИ К СЕКРЕТНОСТИ

ЗАЩИТА ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В РКП (Б) — ВКП (Б)

1918 — 1941 гг.

Москва
АИРО-XXI
2015

Рецензенты:

Войтиков Сергей Сергеевич,
кандидат исторических наук, Главархив Москвы

Зеленов Михаил Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, РГАСПИ

Дизайн обложки *К. Струков*

Г. А. Куренков. От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП (б)–ВКП (б). 1918 – 1941 гг. / [Текст]. (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО–XXI, 2015. – 252 с.

Монография посвящена малоизвестной стороне деятельности ЦК большевиков в целом, освещению механизма и уровня решений по вопросам защиты партийно-государственной и военной тайны в партийных органах и в стране, разного круга вопросов и сведений, не подлежащих разглашению, секретных подразделений и комплексовдокументов РКП (б) – ВКП (б). И главное, насколько была оправдана система защиты информации в партийных комитетах и в стране в целом в 1918–1941 годах.

ISBN 978-5-91022–215-4

© Г. А. Куренков, 2015 г.
© «АИРО–XXI», 2015 г.

Содержание

Введение 7

I. Секретные партийные подразделения. От технического до режимно-секретного органа

1.1. Структура и кадровое обеспечение секретных подразделений партии 24

1.2. Организационные формы работы и документальное обеспечение защиты информации в структурах РКП (б)–ВКП (б). «Закрытые письма», «Особая папка» ... 48

1.3. Секретные архивы партии 69

II. Становление механизма и направления деятельности по защите информации в партийных органах РКП (б)–ВКП (б)

2.1. Вопросы защиты информации на заседаниях и в решениях высших органов РКП(б)–ВКП(б) 80

2.2. Установление порядка доступа к секретной информации как направления деятельности по защите партийно-государственной тайны 104

2.3. Организация защиты информации техническими средствами 119

2.4. Создание нормативной базы по обеспечению режима секретности и секретному делопроизводству 137

2.5. Партийно-государственный контроль за соблюдением конспирации, условий хранения и использованием секретных документов и информации 153

2.6. Ограничение распространения и цензура информации как деятельность РКП(б)–ВКП(б) по защите партийно-государственной тайны 167

2.7. Взаимодействие партийных комитетов с органами ВЧК-НКГБ по обеспечению защиты информации 187

Заключение 206

Приложения

Приложение I.
Штаты Бюро Секретариата [Утверждены Секретариатом ЦК РКП (б) 22 ноября 1922 года] 222

Приложение II.
Структура и штаты Бюро Секретариата [со второй половины 1924 года] 223

Приложение III.
Правила ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами в партийных комитетах 224

Приложение IV
Подписка [Прилагалась к анкете кандидата, поступающего в секретный орган на работу] 236

Приложение V.
Инструкция секретным сотрудникам секретариата ЦК РКП(б) 237

Приложение VI.
Порядок опечатывания и охраны помещений бюро Секретариата ЦК 238

Приложение VII.
Положение о шифрбюро Секретариата ЦК РКП 239

Приложение VIII.
Секретные циркуляры ЦК РКП (б) за период XII – XIII съездов (май 1923 – 1924 гг.) 241

Приложение IX.
Перечень входящей корреспонденции, подлежащей регистрации в Секретной регистратуре 242

Приложение X.
Получают закрытые письма и знакомятся с его содержанием следующие товарищи [Список] 243

Приложение XI.
Круг лиц и организаций, которым надлежит рассылка стенограмм Секретариата, Оргбюро, Политбюро и Пленумов ЦК. (Утверждено Секретариатом ЦК на заседании от 30.1–25 г.) .. 244

Приложение XII.
Круг лиц и организаций, которым рассылались секретные циркуляры ЦК [13 февраля 1925 г.] 245

Список использованных источников и литературы 246

Указатель имен 252

ВВЕДЕНИЕ

Становление и формирование многополярного мира и глобализация с одной стороны и попытки создания структуры международных отношений, основанной на доминирующем значении западных стран, причем значение военно-силовых, разведывательных и контрразведывательных аспектов продолжает оставаться существенным, – реальность сегодняшнего дня. Актуальность темы определяется наличием ныне существующих для нашей страны угроз и вызовов, активизацией попыток игнорировать или ослабить позиции России в политической, экономической, военной и других областях, одним из способов, противодействия которым, и служит система защиты информации. В настоящее время много говорится о секретности, о защите информации, об отношении к государственной тайне. Историки, правоведы, политики, военные высказывают на этот счет различные мнения. Ясно одно; всякое государство имеет право на защиту государственной тайны. Но важно то, в чьих интересах проводится работа по защите информации, что именно, какие сведения засекречиваются, какие критерии секретности существовали и существуют в государстве в тот или иной исторический период.

На мой взгляд не вызывает сомнения, что государственная тайна как феномен конкретно исторична и зависит от таких основополагающих столпов государственности как общественно-политический строй и политическая власть и, конечно, от исторических временных рамок, связанных с определенной общественно-экономической формацией. Неоспоримо и то, что пока существуют государства, каждые со своими интересами, существует и «тайная война» разведок и контрразведок. Она не знает иных законов, для достижения успеха – как охрана собственных тайн и раскрытия секретов других государств.

Данная деятельность не только конкретно исторична, но и диалектична, изменяющаяся во времени и пространстве, а подход к защите

тайн, как и к любой деятельности, меняется с течением времени. Охрана тайн как деятельность человека и общественное явление существует давно, начиная с доисторических времен охраны секретов первобытного племени и рода. Сначала – это были определенные табу, затем тайны охранялись неписаными и писаными традициями, регламентами и правилами, затем – законами. Но вид целостной системы и деятельности, защита информации, получила свое развитие с образованием классов и государственных институтов. В процессе развития она видоизменялась и совершенствовалась, уходили в прошлое одни и возникали новые формы, методы, субъекты и объекты – носители информации или структуры, осуществляющие и контролирующие данную работу. Очевидно также и то, что определенные сведения, считавшиеся секретным, в процессе развития общественно-экономических отношений теряли статус секретности или наоборот, несекретная информация, в силу политических и иных обстоятельств, становилась секретной. Сведения приобретали секретный статус ввиду изменений в условиях функционирования общества, в основном таких определяющих моментов как, переход от мирного к военному времени, внутриполитический переход власти в государстве, обострение классовой, внутриполитической и внутрипартийной борьбы и т. д. Всегда на особом месте в плане ограничения и защиты стояла информации внешнеполитической, разведывательной и контрразведывательной деятельности.

Сведения, составляющие тайну, классифицировались по определенным категориям. В новое и новейшее время, наряду со сведениями, оставляющими государственную (в начальный период это могла быть или имелась в виду и как династическая, монархическая в смысле образного выражения «государство – это я») тайну, появляются, так называемые ведомственные, конфиденциальные, коммерческие тайны, а также частные сведения, не подлежащие разглашению. С появлением партий и других общественно-политических организаций внутри данных политических образований также складывались определенные системы защиты партийной, политической тайны. Так, в уставах политических партий имелись пункты, где члены организаций обязывались хранить партийную тайну, а нарушителям грозило расстаться с партийным билетом. Определенную специфическую систему охраны тайны, конспирации, имели (и имеют до настоящего времени) организации, находившиеся на нелегальном или в полулегальном положении (партии, организации, ложи, секты и т. д.). Сведения, составляющие определенную тайну, откладывались в специальных документальных источниках и находились на особом положении. Данные документы содержат, в большинстве своем, сведения (и сами документы как носители информации), которые пока не полностью введены еще в научный оборот и представляют

большую информационную ценность, ибо содержащиеся в данном материале факты малоизвестны или же вообще не известны научной общественности. Все это, образно говоря, дает историку, после рассекречивания, право первооткрывателя.

В новейшее время для охраны секретов в государственных структурах создавались определенные режимно-секретные службы по защите и дальнейшему хранению секретной информации. Работа данных структур регламентировалась или ведомственной необходимостью или рамками закона. В процессе использования секретных материалов, по истечении оперативной необходимости, документы передавались в архивы организаций на особое хранение, а затем, сдавались на постоянное хранение или в ведомственный или государственный архив на особое хранение до момента рассекречивания или же уничтожались. В любом случае, допуск к данным документам всегда был и остается строго ограниченным.

В настоящее время исследователи получили возможность ознакомиться со многими документами, ранее находившимися на секретном хранении. Данные документы представляют определенный интерес для исторической науки, ибо содержат порой специфическую информацию, которую больше нельзя встретить в других документальных комплексах. Особый интерес в этом плане представляют документы центральных органов власти и управления. Но, как правило, большинство документов государственных ведомств и учреждений, содержат сведения, относящиеся именно к определенному направлению деятельности по специализации ведомств.

Специфическими же документами, отражающими почти все стороны деятельности государства, являются документы Коммунистической партии Советского Союза, являвшейся правящей партией на протяжении более чем 70-ти лет. Коммунистическая партия в условиях однопартийности контролировала и направляла все стороны деятельности государства. За время правления РКП(б) – КПСС в государстве сложился определенный партийно-государственный механизм власти и порой трудно определить разграничения деятельности функций партии и государства. Хотя в механизме принятия решений и осуществления властных функций и была определенная регламентация, но она носила зачастую условный характер, так как многие важнейшие государственные вопросы определялись совместными решениями партии и правительства.

Как известно, большевики до Великой октябрьской социалистической революции, находились на нелегальном или в полулегальном положении. С приходом к власти в октябре 1917 г. и, превратившихся в силу политических и исторических обстоятельств в правящую партию при однопартийной системе, вопрос о защите информации превратился из чисто партийного в партийно-государственный. К тому же, разразившаяся

Гражданская война усиливала тенденцию к секретности. После войны положение мало чем изменилось. Страна продолжала находиться во враждебном окружении капиталистических стран, под постоянной угрозой новой интервенции и войны. Во время Гражданской войны создавалась партийная структура РКП(б) и была создана и определенная система защиты информации в партийных органах, начиная с ЦК и кончая местными партийными организациями. Основываясь на основополагающих принципах защиты информации, таких как, принцип обоснованности доступа (доступ к сведениям – санкционированное ознакомление конкретного лица со сведениями, составляющими государственную и партийную тайну) т. е. – ограничения – «известна лишь тем, кому положено знать по служебной необходимости»), принцип персональной ответственности, принцип материального и морального стимулирования «носителей секретов», система защиты информации в партийных органах РКП(б) – ВКП(б) развивалась в рамках сложившейся партийно-государственной системы.. Сломав «старую» государственную машину, необходимо было строить новое, по своей сути, государство. Необходимо было перестроить партийную работу на условия государственного управления, теперь уже в легальном, более того, – правящем положении. Многие вопросы, решаемые на партийном уровне, теперь относились к государственным. Большевиками были реорганизованы партийные структуры, начиная от ЦК до низовых партийных ячеек, ориентируя их на выполнение не только чисто партийных, но и государственных задач. Так, документы Совета Народных Комиссаров – постановления и распоряжения по отдельным отраслям народного хозяйства, оборонного комплекса, внешней и внутренней политики были тесно связаны с документами Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК партии большевиков. Нередко Политбюро и Совнарком, а затем и Совет министров, принимали совместные решения и поэтому разделить такие материалы на чисто партийные и государственные (решаемые в советском порядке) чрезвычайно трудно.

В связи с этим в процессе деятельности партийных органов откладывались документы, содержащие сведения, составляющие не только партийную, а партийно-государственную тайну. Значительная часть партийных документов сопровождается грифом секретности. Данные ограничения мотивировались государственными интересами, интересами политической целесообразности, а порой и политической перестраховкой от нежелательного просачивания партийной и государственной информации. Учитывая, что, система защиты информации в партии большевиков складывалась в период сначала нелегальной, конспиративной работы, а затем под влиянием Гражданской войны, сложного и противоречивого времени при постоянном внешнем прессинге, внутренней

политической борьбой и морально-психологическом напряжении сил, – можно понять причины секретности.

Хронологические рамки монографии охватывают период с 1918 г. до июня 1941 года, т. е. начала Великой Отечественной войны. Они затрагивают период организации и становления защиты информации в РКП (б) – ВКП (б), во взаимосвязи со становлением и укреплением партийной и советской системы государственности. Именно в этот период в развитии страны складывалась однопартийная государственная система. Одновременно, в данный период происходит становление системы защиты информации в партийных органах, как одной из важных составляющих сторон функционирования партийно-государственного механизма власти в Советской России – СССР в 1918 – 1941 гг. XX века. Начальная дата с 1918 года обусловлена проведением VII съезда большевистской партии, – первого съезда, проходившего в легальных условиях, когда были намечены разработка новой программы партии, организационные мероприятия по созданию партийного аппарата и созданы условия для организации защиты информации в партийных структурах, применительно уже к легальным условиям правящей партии. Конечной датой является июнь 1941 года, т. е. начало Великой Отечественной войны и обусловлен окончанием относительно мирного периода и началом войны, когда коренным образом меняются и условия функционирования государства (создание чрезвычайных органов власти и проведение чрезвычайных мер) и условия обеспечения секретности в целом, значительным расширением круга сведений, составляющих военную и государственную тайну, исходя из действующего на тот момент «Перечня сведений составляющих государственную тайну..». Таким образом, в данной работе освещен тот период советского государства, когда складывалась партийно-государственная система, прошедшая через Гражданскую войну, строительство нового государственного устройства и его укрепления в «сталинский период», и вместе с тем становления системы защиты информации в партийных органах РКП(б) – ВКП(б), как одной из важных сторон функционирования партийно-государственного механизма.

Следует отметить, что работы по проблеме защиты информации в партийных структурах РКП(б) – ВКП(б), в 1918 – 1941 гг. в открытых публикациях практически отсутствуют. Данная тема как самостоятельный аспект, пока не имеет собственной историографии. Историография представлялась различными по своей научной значимости общими работами, в которых лишь косвенно или недостаточно полно затрагивались отдельные проблемы. В советский и постсоветский периоды тема комплексного изучения защиты информации в партийных органах в открытых источниках специально не освещалась. Усилия, направленные на

выявление исследований по данной теме показали, что можно говорить только о ее сегментарном изучении. Специальная литература по защите информации в целом занималась анализом истоков современной системы защиты информации и изучением ее специфики.

Изучение поставленной проблемы было невозможно без осмысления политического строя в СССР в 1920 – 1950 годы. Некоторые вопросы по данной тематике затрагивались в связи с научным осмыслением механизма политической власти. В советский период политическая власть рассматривалась с точки зрения изучения процесса государственного строительства во взаимосвязи с партийным строительством. Надо ли говорить, что руководящая роль партии в механизме политической власти и ее роль в государственном строительстве представлялась только с положительной стороны. Процесс критического переосмысления начался в период «перестроечной» публицистики и историографии. Но большинство авторов «...остановились на стадии вульгарного антисталинизма, делая упор больше на вопрос "кто виноват?", а не на вопрос "почему?"»[1]. Что касается документальной базы представленной темы, то, в основном, материалы, освещающие в той или иной степени представленный вопрос, являлись до недавнего времени секретными, находились на хранении в партийных архивах, допуск к которым был ограничен. Только в 1990-х годах появилась возможность для работы с ранее секретными, партийными документами, основной массы исследователей. Этим объясняется небольшое количество работ по данной теме. В частности, до сих пор нет полноценной исторической работы, конкретно осмысляющей проблему защиты информации, вопросы критериев и целесообразности соблюдения секретности (конспирации) в партийных органах в 1920 – 1930 годы. Однако наличие, выявление и ввод в научный оборот рассекреченных архивных документов и намеченная разработка отдельных компонентов темы сделало возможным постановку и решение исследовательских задач. Так, в 1990-е годы проблема политической власти затрагивалась в связи с изучением общего процесса возникновения и функционирования однопартийной партноменклатурной политической системы в 1920 – 1930 годы. В вышедшем в 1991 году сборнике[2], в статье Т. П. Коржихиной «Политическая система в СССР в 20–30 годы» автор отмечает, что сложившаяся административно-командная система балансировала межу бюрократическим аппаратом и трудящимися массами; между чрезвычайными мерами и энтузиазмом масс; между диктатурой пролетариата и режимом диктатуры. В статье И. В. Павловой

---

[1] *Цакунов С. В.* В лабиринте доктрины. (Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы). М. С. 7.

[2] См. Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 1920 – 60-е годы. / Ответ. ред. А. Ф. Носкова. М., 1991.

«Становление партаппаратной системы в СССР», вышедшей в 1990 г. в сборнике трудов Института филологии и философии Сибирского отделения РАН[1], автор отмечает, что одной из причин, объясняющих, почему в стране сложилась однопартийная тоталитарная политическая система, автор видит в отсутствие демократических традиций в России, а началом обособления аппарата от основной партийной массы считает в решении высших органов РКП (б) в 1922 – 1923 гг. в определении круга лиц для ознакомления с секретными документами партии. Изучение процесса функционирования политической власти и экономического анализа ситуации в СССР в 1920 годах, в период НЭПа с точки зрения доктринального, политологического и социологического подходов предлагает в своей работе С. В. Цакунов[2].

Конкретно проблема защиты информации в партийных органах, в определенной степени, затрагивалась в связи с изучением общего процесса функционирования политической власти в 1920 – 1930 годы, в вышедшей в 1996 году монографии О. В. Хлевнюка[3]. В данной работе дается краткая история и общая характеристика секретных подразделений ЦК, как части центрального партийного аппарата. В 1998 году в журнале «Вопросы истории» вышла в свет статья И. В. Павловой, упоминавшаяся в данной работе[4]. Наиболее ценным для нашего исследования в статье И. В. Павловой является то, что автор дает более подробное изложение истории создания структуры и функционирования секретных органов ЦК и местных партийных комитетов, связывая его с механизмом становлением партаппарата в целом, а также то, что автором впервые упоминаются секретные партийные архивы ЦК, засекреченные («конспиративные») комплексы партийных документов, такие как «закрытые письма», «особые папки», секретные инструкции и т. д. Давая общую характеристику механизма политической власти в СССР в 1920 – 1930 годы, И. В. Павлова делает вывод, что секретность являлась главным принципом существования «коммунистической власти».

Определенный интерес в плане общего осмысления проблемы секретности в России и СССР западными историками с точки зрения политической, социальной и психологических функций, представляет статья французского историка Франсиса Конта «Секретность и гласность в

---

[1] См. Актуальные проблемы истории советской Сибири. Сборник трудов Института филологи и философии Сибирского отделения РАН. / Ответ. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск. 1990.

[2] См. *Цакунов С. В.* В лабиринте доктрины. (Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы). М., 1994.

[3] См. *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М. 1996.

[4] *Павлова И. В.* Механизм политической власти в СССР в 20–30 годы. // Вопросы истории. 1998.№ 11–12. С. 49–66.

России и в Советском Союзе» в вышедшем в 2003 г. сборнике его статей[1]. Отмечая, что в любой стране имеются определенные зоны закрытости, СССР отличался от других стран, кроме всего прочего, тем исключительным значением, которое придавалось секретности. Приняв в качестве отправной гипотезы, что секретность кроется в самой сердцевине советской системы, он попытался определить наличие стратегии в данной области, структурные особенности, формы существования, цели, области применения, а также последствия как конструктивные, так и деструктивные. Ф. Конт замечает, что большевики, как профессиональные революционеры-подпольщики, выработали в себе определенный тип мышления, выразившийся в психологии «осажденной крепости», когда жизнь на военном положении требует максимальной секретности. Отсюда, отмечает автор, обостренная бдительность, постоянный настрой на борьбу, поиск врага. Главной целью секретности, по мнению автора, являлось создание, сохранение и усиление власти благодаря манипуляциям с секретами и их разоблачениями. Высшим достижением секретности автор считает создание «организованного хаоса». Секретность, по мнению О. Конта, породила социальные извращения и непроизводительные материальные затраты.

Впервые анализ состава и содержания одного из ранее сверхсекретных комплексов партийных документов – «особой папки» Политбюро ЦК ВКП (б), дается в статье Л. И. Гинцберга «По страницам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП(б)», опубликованной в журнале «Вопросы истории» № 8 в 1996 году[2]. Хронологические рамки статьи в освещении данного вида источника охватывают период с 1929 по 1934 год. С точки зрения внешней критики документа, отмечается разграничение протоколов на общие и особо секретные – откладывавшихся в «особую папку» Политбюро. Автор отмечает краткость секретных протоколов, отсутствие записей выступлений, фиксации прений («глухой» вид протокола), что естественно, снижает их ценность как исторического источника. Но, в тоже время, перечень вопросов секретных протоколов дает полное представление о круге (своего рода номенклатуре вопросов), их составе и значимости – какие вопросы считались особенно секретными, уровне принимаемых решений, а принятые решения по ним – о политическом внешнем и внутреннем курсе. Как отмечает автор работы, круг вопросов, зафиксированных в «особой папке», был весьма широк. В основном он был постоянен, но менялся в зависимости от оперативной политической обстановки – от самых важных, требующих обще-

---

[1] См. *Конт Ф.* К политической антропологии советской системы. Внешнеполитические аспекты / Пер. с фр. Я. Ю. Богданова. М. 2003.

[2] См. *Гинцберг Л. И.* По страницам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП (б). // Вопросы истории № 8. 1996. С. 16–30.

партийного или государственного решения, до мелких, социальных, административно-хозяйственных. Следует отметить, что при сопоставлении круга основных и постоянно проходивших вопросов, зафиксированных в «особой папке» с «Перечнем сведений, составляющих государственную тайну» за данный период мы наблюдаем почти полную идентичность[1]. В заключении автор дает вполне определенную характеристику «особой папки» Политбюро как ценного исторического источника по изучению истории СССР в 1920 – 1930 –е годы. Он пишет: «Этот источник раскрывает такие факты и обстоятельства, сведения о которых нельзя найти ни в каком другом источнике»[2].

Наиболее, объективной, на наш взгляд, работой, связанной с одним из направлений деятельности по защите информации – цензурной политикой, с одной стороны как результата развития любого государства, и с другой, как компонента «тоталитарного государства», является монография М. Н. Зеленова[3]. В монографии, на основе ранее закрытых архивных материалах (протоколы заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК, документы «Истпарта», Института Ленина, Главлита и др.) рассматривается становление и функционирование цензурной системы Советской России, раскрывается руководящая роль высших органов партии в решении данных вопросов. Особое место в работе занимает источниковедческий анализ документов высших партийных органов и советского государства как исторического источника, анализ схемы, системы и технологии оформления и прохождения партийных документов, принятие управленческих решений, взаимоотношение ЦК и государственных структур в области цензурной политики. В своей работе автор отмечает, что ограничение доступа к архивной информации в России началось, конечно, не при большевиках. Их приход к власти дал начало «открытию» одних документов и в тоже время ожесточение классовой борьбы привело к ужесточению контроля над прессой.

Упоминаются в работе М. В. Зеленова и секретные подразделения ЦК. Давая им краткую характеристику, автор отмечает установление монополии Секретного отдела ЦК на формирование повестки дня и подготовку заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК. Как известно, секретные подразделения ЦК всегда возглавляли первые помощники Сталина, и именно поэтому, он мог влиять на порядок рассмотрения вопросов и ход заседаний высших партийных органов. С

---

[1] *Куренков Г.А.* 1922 г. Что было государственной и военной тайной в РСФСР. // Отечественные архивы. № 6. 1993. С. 80–86.

[2] *Гинцберг Л. И.* По страницам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП (б). // Вопросы истории № 8. 1996. С. 29.

[3] *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы – далее *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б)...

данным мнением, по-моему, не всегда можно согласиться, так все-таки, ведущую роль в составлении и очередности вопросов и повесток дня заседаний и, особенно комиссий ЦК, определяли секретари ЦК, курирующие те или иные вопросы. Автор также отмечает, что: «Постепенный переход почти всей документации отделов ЦК в архив Секретного отдела дало возможность Сталину контролировать не только делопроизводство, но и использование партийных документов в политических целях»[1]. М. В. Зеленов определяет делопроизводство ЦК как техническую и политическую функцию аппарата ЦК, показывает основные этапы документооборота, условия формирования и характер повесток дня заседаний (открытые или закрытые), так как, конкретной инструкции на этот счет не было. Особое внимание автор, в своей монографии уделяет характеристике видов протоколов высших органов партии и подготовительных материалов к ним. Он определяет их как исторический источник, по которому можно проследить время проведения и состав участников заседаний, порядок ознакомления, рассылки и использования протоколов, связь содержания постановлений и решений с процедурой их принятия, «механизм» принятия решений (например, голосование «в круговую» и т. д.). С точки зрения внешней критики определенное место уделяется оформлению заседаний высших органов партии. В частности, автор отмечает, что В. И. Ленин был противником стенографирования и протоколирования заседаний Политбюро, так как, по его мнению, это могло явиться предметом политических спекуляций. И. В. Сталин придерживался противоположного мнения и часто использовал документы в своих интересах. М. В. Зеленов отмечает, что на заседаниях Политбюро было принято оформлять «глухой» протокол заседаний, т. е. наиболее краткий по содержанию. В начале многие заседания не оформлялись в виде протоколов совсем или же не нумеровались. Некоторые протоколы начала 1920-х гг. не найдены, протоколы II пол. 1920-х гг. сохранились практически полностью. В работе автор также затронул вопросы комплектования архивов ЦК документами, ограничения доступа и сохранности материалов к протоколам ЦК. Освещая основную тему своей монографии, М. В. Зеленов отметил что, по сути, по решению ЦК создается Главлит и система цензурных органов. Но, как отмечает автор, в начале функционирования цензурных органов основным аргументом цензоров было «классовое чутье», личностные мотивы и собственное понимание. Определенное место и как важный фактор определяется и значение самоцензуры. В конце 1920-х – начале 1930-х гг., в связи с разработкой и появлением соответствующих нормативных документов и инструкций, данная работа приобретает организованный и

---

[1] *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б)... С. 93.

направленный характер. В итоге автор делает основополагающий вывод, что: «Специфика общественного развития, определенная не только революцией 1917 года, но и всем историческим развитием России, формировала и цензурную политику и уровень исторических знаний»[1].

Что касается историографии вопроса, напрямую относящегося к теме нашей работы (динамика и структура высших органов большевистской партии, аппарата ЦК и секретных подразделений партии в 1920 – 1930-е годы в частности), можно согласится с мнением М. В. Зеленова, что современная историография этого вопроса практически отсутствует, хотя и намечается серьезное изучение[2]. В дополнение автор также отмечает, что: «Не смотря на появление в последние годы ряда интересных и профессиональных работ по истории делопроизводства аппарата ЦК в 1920 – 1930-е годы, историографические и источниковедческие проблемы делопроизводства ЦК требуют дальнейшего изучения»[3]. Из тех же работ, что существуют, в целом в методике анализа проявляется «позитивизм». М. В. Зеленов считает, что на данном этапе и уровне исторических знаний по данному вопросу это оправдано, так как « нет фактической базы и не накоплен эмпирический материал»[4]. С точки зрения М. В. Зеленова: «Очевидным кажется факт, что назрела необходимость не только публикаций по истории структуры партийного аппарата, но и серьезного исследования на эту тему» [5].

Опубликованных источников, специально посвященной секретности и защите информации в партийных органах, практически не существует. Первые документы, касающиеся вопросов секретности и партийного секретного делопроизводства в партийных органах, были опубликованы в журнале «Источник» кандидатом исторических наук В. Лебедевым[6]. В ведении к данной публикации автор негативно оценивает обеспечение секретности в партийных органах. Он отмечает, что «усилия были направлены на то, чтобы потомки никогда не узнали истинных целей и

---

[1] *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б)... С. 458

[2] См. *Гинцберг Л. И.* По страницам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП (б). // Вопросы истории. 1996. № 8. С 16–30; *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород. 2000; *Куренков Г. А.* Зарождение и становление секретных архивов партии. 1917 – 1941 гг. // Вестник архивиста. 2003. № 2. С. 111–121; Организация секретных подразделений в РКП (б) – ВКП (б) в 1918 – 1941 гг.// Вестник архивиста. 2006. № 2–3. С. 255–272; *Павлова И. В.* Механизм политической власти в СССР в 20–30 годы. // Вопросы истории.1998. № 11–12. С. 49–66; *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.

[3] *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б)...С. 32

[4] Там же. С. 32.

[5] Там же. С. 28.

[6] См. *Лебедев В.* Правящая партия оставалась подпольной. // Источник. 1993. № 5/6. С. 88–95.

намерений коммунистических вождей», «...подавляющих любое проявления инакомыслия» [1]. Вывод автора таков: «Партия большевиков, возникнув, как подпольная организация, придя к власти в октябре 1917 г., так и оставалась законспирированной» [2].

Специфика темы и разорванность архивов Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК, их закрытость, создают определенные трудности для исследователей. Но ныне открытые документы Политбюро, Оргбюро, Секретариата и ранее секретных подразделений ЦК, наличие научно-справочного аппарата, созданного сотрудниками РГАСПИ, в частности, опубликованные повестки дня заседаний Политбюро РКП(б) – ВКП(б), позволяют в какой-то мере осветить проблемы функционирования высших органов партии. В этой связи, в частности, необходимо отметить сборник документов из архивных фондов РГАСПИ «Сталинское Политбюро в 30-е годы», вышедший в 1995 году3. Для темы монографии интерес представляют документы, опубликованные в подразделе «Рассылка решений и инструкций по конспирации». Данные документы освещают общие вопросы обеспечения секретности, рассылки, хранения, ознакомления и учета протоколов заседаний и других секретных документов. Это вместе с публикацией В. Лебедева, единственные опубликованные источники, касающиеся вопросов секретности (конспирации) в партийных органах в 1920 – 1930-е годы.

В работе на темой автором был использован ряд специальных статей, посвященных защите информации[4]. Принципиальный интерес для решения задач предлагаемой темы с точки зрения понятийного и методологического подхода представляют работы кандидата исторических наук А. И. Алексенцева[5]. В своих статьях А. И. Алексенцев дает сущ-

---

[1] *Лебедев В.* Правящая партия оставалась подпольной. // Источник. 1993. № 5/6. С. 88.

[2] Там же.

[3] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. // Составители: О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1995.

[4] *Беляев Е. А., Лаврухин Ю. Н., Пицик В. В.* Государственная система защиты информации в Российской Федерации от технических разведок и от ее утечки по техническим каналам. Структура, задачи и перспективы развития. // Безопасность информационных технологий. 2000. № 3. С. 25–39; О Доктрине информационной безопасности. // Безопасность информационных технологий 2000. № 3. С. 21–24; *Ананьин О. Б., Горбатов В. С., Васильева Т. Г.* Информационная безопасность и человеческий фактор. // Безопасность информационных технологий. 2000. № 3 С. 60 –61; *Волобуев С. В.* Системный подход в решении задач защиты информации. // Безопаасность информационных технологий. 2000. № 3 С. 94 –97.

[5] *Алексенцев А. И.* Сущность и соотношение понятий «защита информации», «безопасность информации», «информационная безопасность». // Безопасность информационных технологий. 1999. № 1. С. 16–20; *Алексенцев А.И.* Понятие и структура угроз защищаемой информации. // Безопасность информационных технологий. 2000. № 3. С. 79–85; *Алексенцев А. И.* Каналы и методы несанкционированного доступа к конфиденциальной информации // Безопасность информационных технологий. 2001. № 3. С. 69–75.

ностные характеристики понятий «защита информации», «безопасность информации», «информационная безопасность»«, как содержательной части, так и способа их реализации и делает вывод, что между этими всеми понятиями существует прямая связь и зависимость, а между «защитой информации» и «информационной безопасностью» – опосредственная связь. А. И. Алексенцев также изложил методологические подходы к определению понятия и раскрытия сущности угрозы защищаемой информации, определил каналы и методы несанкционированного доступа к конфиденциальной информации.

Таким образом, анализ современной использованной литературы, касающейся непосредственно темы позволяет определить три направления в ее освещении: историческая, политико-публицистическая, специальная. Необходимо отметить, что изучались в основном отдельные аспекты. К ним можно отнести состав и содержание некоторых ранее секретных партийных документов, секретные подразделения партии, сущность политической системы и некоторые механизмы принятия политических решений по вопросам секретности в изучаемый исторический период, секретные архивы большевистской партии, цензурная политика аппарата ЦК РКП (б) – ВКП (б), специальные вопросы защиты информации. В общем можно констатировать, что, будучи одной из интереснейших проблем советской политической истории, организация защиты информации и деятельность секретных подразделений по обеспечению секретности в партийных органах, фактически еще не стала предметом специального углубленного исследования и остается еще малоизученной. В целях более полного понимания вопроса как с точки зрения изучения исторического процесса и специфики защиты информации в данной работе автор попытался объединить историческое и специальное направления исследования данной темы в целом.

В настоящее время действуют, в основном, два закона, находящиеся в известном противоречии друг с другом. Это основы законодательства об Архивном фонде России и архивах, предусматривающие возможность рассекречивания документов и Закон о государственной тайне, устанавливающий порядок работы с секретными документами. Сложность заключается в том, что механизм запуска нормативных актов по рассекречиванию только сложился, есть много накладок и неясностей, особенно связанных с партийными документами, когда значительная часть данных документов имеет гриф секретности. Здесь опять встает вопрос о соотношении секретной и несекретной информации, государственных и общественных интересов, которые не всегда совпадают, срока давности истечения секретности, определения критериев, классификации, направленности, задачах и целях работы по защите государственной тайны.

Международный опыт и ход новейшей истории, показывает, что количество секретных документов не сокращается. Так, например: «По данным американской печати, в 1983 году число засекреченных государственными ведомствами США документов возросло на 24 процента, по сравнению с предыдущим годом» [1] Особенно, если речь идет о документах спецслужб. Так: «Архив АНБ *[Агентство национальной безопасности США – Г. К.]* содержал миллионы бумажной ленты с перехватом. Для ее хранения было построено специальное хранилище, где поддерживались постоянная температура и влажность. Данные за 1980 год свидетельствовали, что АНБ засекречивало в среднем от 50 до 100 миллионов документов в год. В них секретной информации содержалось больше чем в документах американских вооруженных сил, ЦРУ, Гос. департамента и всех других правительственных агентств и ведомств США, вместе взятых. В среднем уничтожению подлежало около 40 тонн секретных бумаг в день»[2]. Так же не ослабевали и требования к служащим, допущенным к государственной тайне: «...Президент Рейган издал приказ с целью не допустить разглашения секретных данных. Каждый государственный служащий дает подписку выполнять эти правила и в случае нужды проходит проверку на детекторе лжи ...Отныне каждый имеющий доступ к секретной работе должен получать разрешение на каждую публикацию или даже выступление с лекцией в университете»[3].

В настоящее время начавшийся процесс обострения международной обстановки в целом и процесс глобализации, вызывают определенное беспокойство. Политические, экономические, военные конфликты, вполне могут привести к серьезным войнам большего масштаба. Особенно они опасны на европейском континенте. Тому пример общее положение на Украине, где столкнулись противоположные интересы России и европейских стран. Особо следует напомнить и позицию стран Запада по чеченскому вопросу и военный конфликт России с Грузией и обстановку в арабских странах, а также на Украине. Политическая ситуация, сложившаяся в мире в результате прекращения холодной войны между Западом и Востоком, по сути, не затронула разведывательную деятельность. Хотя, ведущие государства мира в некоторой степени научились договариваться друг с другом, но с другой, по-прежнему существует и «тайная война» разведок. Ведущие западные страны продолжают модернизировать и развивать свои разведывательные службы. Приоритетами разведок являются процессы становления новой российской государственности в структуре мирового сообщества, ее внутренние и

---

[1] *Шебаршин Л. В.* Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. С. 298.

[2] *Анин Б., Петрович А.* Радиошпионаж. С. 98.

[3] Цит. по *Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. С. 398.

внешние ориентиры, военная политика, экономическое состояние, направленность научно-исследовательских, технических работ и экспериментов и др. «Говорят, что у нас теперь нет врагов. Но это не повод для беспечности. Надо присмотреться к тем, кто делает такие заявления. С чего бы это? А между тем в мире сохраняются огромные атомные арсеналы, создаются новые военные базы, разрабатываются самые эффективные виды оружия. Не сданы в архив планы достижения решающего военного превосходства над СССР, хотя страны с таким названием больше уже и не существует. Запад, с одной стороны поддерживает наши преобразования, в тоже время не желает, в частности, отменить ограничения по поставкам в Россию новейшего оборудования и технологий»[1]. Жизнь показывает, что с такими доводами и утверждением трудно не согласиться. В связи с этим защита информации от внешних и внутренних угроз остается актуальной и в настоящее время

Наиболее актуально вопросы секретности и защиты информации стояли перед молодым советским государством в период становления новой государственной системы, борьбы за выживание в кольце враждебных капиталистических государств и внутренних врагов и в период между двумя мировыми войнами в 1920 – 1930-ые годы и непосредственно перед и во время Второй мировой войны. Обеспечение секретности, как в государственных органах, так и в структурах ВКП (б), как правящей партии, особенно в период подготовки нападения Германии и ее союзников на СССР, на наш взгляд, не позволило противнику собрать достаточно полную информацию об экономическом, военном и политическом потенциале страны, что в конечном итоге явилось одним из факторов победы нашего государства в Великой Отечественной войне.

Данная работа состоит из двух глав, каждая из которых имеет право на самостоятельное существование. В первой главе автор осветит вопросы истории и становления партийных органов защиты информации, секретных подразделений ЦК, кадровый состав секретных работников, виды документального обеспечения, систему хранения секретных документов партии.

Во второй главе автор затронет как общие, так и конкретные вопросы и направления деятельности по защите партийно-государственной тайны, систему и функциональные обязанности, нормативное обеспечение секретной партийной работы, проверки соблюдения режима конспирации, меры, принимаемые по устранению утечек информации, взаимодействие партийных комитетов со службами государственной безопасности по защите партийно-государственной тайны. Внутри каждой главы вопросы будут освещаться в хронологическом порядке.

---

[1] *Судоплатов А.П.* Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце. Т. 2 . С. 413.

Секретной работой по документальному обеспечению управления, в том числе и ведением секретного делопроизводства, техническим обслуживанием деятельности высших органов партии ведали, носившие разные названия подразделения: с 1920 г. – Секретный отдел (в структуре Управления делами); с сентября 1921 г. Бюро Секретариата; с 1926 г. – Секретный отдел; с 1934 г. – Особый сектор. Но с некоторыми изменениями основные функциональные обязанности оставались прежними. Так, 19 марта 1926 года вместо Бюро Секретариата, занимавшееся делопроизводством руководящих органов ЦК и ведением секретной переписки был создан Секретный отдел с более широкими полномочиями. В ноябре 1933 года Секретный отдел был реорганизован, он начал обслуживать только Политбюро и подчинялся непосредственно Сталину. После принятия на XVII съезде нового устава ВКП (б), в начале 1934 года, Секретный отдел был преобразован в Особый сектор. Все данные подразделения всегда возглавляли непосредственно помощники И. В. Сталина; сначала И. П. Товстуха, затем А. Н. Поскребышев.

Документальную основу для изучения и раскрытия темы данной работы составляют открытые протоколы заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата. В РГАСПИ наряду с картотекой, где зафиксированы конкретные вынесенные вопросы (повестки дня) заседаний, хранятся материалы в виде сброшюрованных машинописных протоколов и материалов к ним, «До конца 30-х годов такие протоколы тиражировались для рассылки должностным лицам, которым было положено знакомиться с решениями Политбюро. Несколько экземпляров этих протоколов оставались в ЦК»[1].

Большинство документов высших органов партии имели гриф «секретно», «совершено секретно, «строго секретно». Так обычные протоколы Политбюро и включенные в них материалы (постановления, решения и т. д.) имели гриф «совершенно секретно». Опубликование их в печати производилось по решению Политбюро, после чего они утрачивали ограничительный гриф. Ряд постановлений обнародовались совместно или от имени советских органов (СНК, СТО и т. д.). Определенная часть решений Политбюро, по наиболее важным вопросам, имели гриф высшей степени секретности и защиты – «особая папка». Эти решения фиксировались в особых протоколах и печатались всего в нескольких экземплярах. Указание о том, что решение или постановление по определенному вопросу имеет данный гриф, давалось в обычных протоколах в глухой форме, например: «Вопросы НКИД. Решение – особая папка». Наряду с протоколами Политбюро, значительный интерес представляют протоколы и другие документы Оргбюро и Секретариата

---

[1] Цит. по О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 8.

ЦК, которые также являлись высшими органами партии. Ряд членов Политбюро одновременно входил в состав Оргбюро и Секретариата. Материалы этих органов, отложившиеся в РГАСПИ, более полны, так как во многих случаях они проводили всю подготовительную работу по определенному вопросу, вынося решение на утверждение Политбюро. Значительный круг вопросов Оргбюро и Секретариат решали самостоятельно (существовала определенная регламентация) или по поручению Политбюро. Оправданная, на мой взгляд, во многих случаях на тот исторический момент, закрытость материалов «особой папки» создает определенные трудности для историков. Однако доступные уже сегодня документы позволяют, в определенной мере, осветить вопросы по представленной теме.

В данной работе автор выявил специфические секретные органы, их структуру с1919 по 1941 гг., отметил функции и задачи, стоявшие перед секретными подразделениями, определил круг вопросов и информации, подлежащих засекречиванию, критериев, взаимодействия с государственными структурами, в частности, с ВЧК–ГПУ–НКВД–НКГБ, отвечающими за соблюдение секретности и охране государственной тайны в масштабе всей страны. Так же автор постарался ответить на такие вопросы, как и насколько, была эффективна, целесообразна и оправдана система защиты партийно-государственной тайны в данный период, насколько она отражала и охраняла вопросы государственного строительства, внутриполитической борьбы и международной обстановки. Автор отметил и то значение, которое придавали вопросам соблюдения режима секретности и защиты информации партийные органы, и прежде всего высшие партийные инстанции ЦК, на каком уровне решались данные вопросы.

Основной целью работы является ознакомление исследователей истории советского периода, партийно-государственной власти с механизмом и уровнем принятия решений по вопросам секретности, защиты партийно-государственной тайны, защиты информации в целом, некоторым кругом сведений, подлежащих засекречиванию, а также с комплексом документов, освещающих данные вопросы, которые отложились в материалах высших органов партии. Используя данные материалы, автор не претендовал (и не мог претендовать в плане обширности и многообразия аспектов темы) на то, чтобы ответить на все вопросы, касающиеся предлагаемой темы. В силу этого работа дает общее представление о затронутой проблеме и служит отправной точкой для исследования на основе изученных и новых архивных документов.

В предлагаемой работе не рассматриваются вопросы обеспечения режима секретности в ИККИ, как специфического международного органа, требующего отдельного изучения.

I. СЕКРЕТНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ. ОТ ТЕХНИЧЕСКОГО ДО РЕЖИМНО-СЕКРЕТНОГО ОРГАНА

1.1. Структура и кадровое обеспечение секретных подразделений партии

На VII съезде в марте 1918 года партия большевиков РСДРП(б) переименовывается в РКП(б), намечается разработка структуры партийного аппарата и новой программы партии. Через год, на VIII съезде, принимается новая программа, а также организационно оформляются партийные структуры и партийный аппарат. Следует отметить, что собственно аппарата у ЦК до 1919 года не было. Все решения партийных органов, включая ЦК, проводились через государственные органы власти и управления. Высшим политическим органом партии с апреля 1919 года становится Политбюро, высшим организационными органами – Оргбюро и Секретариат ЦК. Для ведения технической и секретной работы в аппарате партии также создаются определенные структуры. Опыт секретной работы большевики приобрели еще во время конспиративной, подпольной деятельности в дореволюционный период. В новых условиях необходимо было налаживать секретную работу, находясь не в подполье, а обладая властью правящей партии. До 1918 – 1920 гг. все мероприятия в области защиты информации проводились в рамках государственного строительства и проводились по государственной линии.

О времени возникновения секретных или режимно-секретных подразделений в аппарате ЦК и местных партийных органов пока не найдено официального документа, не в опубликованных, не в архивных партийных документах. Но в открытых протоколах Оргбюро и других

документах ЦК РКП за 1919 г. имеется ряд упоминаний и косвенных данных. Так, на заседании Оргбюро от 31 марта 1919 г. обсуждался вопрос « О постановке общей работы в Секретариате и тех отделах, на которых необходимо немедленно разбить работу и подыскать заведующих ими», наряду с девятью намеченными отделами в структуре Секретариата зафиксирован и Специальный отдел, а в документах за 1920 год Управления делами Секретариата ЦК есть упоминание о конспиративном отделе Секретариата ЦК. Здесь, возможно, речь идет о Секретном отделе ЦК.

На заседании Оргбюро от 20 октября 1920 г. был рассмотрен вопрос о Секретно-оперативном отделе Секретариата ЦК РКП(б) на котором постановили: «а) Секретно-оперативный подотдел секретно-директивной части преобразовать в самостоятельный отдел. б) Заведующим секретно-оперативным отделом назначить т. Г. И. Бокия»[1]. В фондах ЦК РКП (б) документов, обозначающих функции и назначение данных подразделений, не обнаружилось.

В приказах Управления делами Секретариата ЦК за первую половину июля 1921 г. упоминается: в первом случае – секретно-директивная часть в административном подотделе Секретного отдела, а во втором случае – Секретный отдел с его частями (шифрование, регистратура, общая канцелярия, экспедиция, учет личного состава). Позже, в приказе от 16 августа 1921 года по Управлению делами, дается распоряжение с 15 августа 1921 г. упразднить административную часть Секретного отдела, а все личные дела сотрудников передать в общую канцелярию Секретного отдела. Общую канцелярию создали из подотделов: архивного и исполнительного со столами: личного состава и приказов. Приказом от 3 марта 1921 г. утверждалось Положение об общей канцелярии Секретного отдела. В Положении указывалось, что общая канцелярия составляет часть Секретного отдела, которая состояла из четырех частей: исполнительной, регистрационной, архивной, экспедиционной. Исполнительная часть, в свою очередь, разделялась на столы: приказный, личного состава, текущей переписки. Регистрационная часть делилась на столы: входящей почты, карточное бюро входящей почты, исходящей почты, карточное бюро исходящей почты. Наряду с этим, существовала также архивная и экспедиционная часть. По постановлению Оргбюро Секретариата от 17 сентября 1921 г. Шифрбюро также передавалось в общее бюро Секретариата. Общая канцелярия Секретного отдела ведала приказами. Эти приказы издавало Управление делами ЦК, которые шли за подписями Управляющего делами И. К. Ксенофонтова или А. А. Андреева, который был заведующим административной частью, а после ее упразднения – помощником заведующего общей канцелярией.

---

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (ЦК КПСС) – далее РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 81. Л. 6.

В документах ЦК имеется приказ по Управлению делами от 15 августа 1921 г. в котором объявляется, что в целях улучшения работы аппарата Управления делами Секретариата ЦК все заведующие отделами, подотделами и столами должны ежедневно отчитываться перед помощниками Управляющего делами. Приказ обязывал являться с докладом за прошедший день работы к помощнику Управляющего делами Н. Л. Мещерякову следующих должностных лиц: секретаря Политбюро, секретаря Оргбюро, заведующего Шифрбюро, заведующего личным столом, заведующего исполнительной частью, заведующего экспедицией, заведующего архивом, заведующего административной частью (была упразднена 15 августа 1921 года), заведующего общей канцелярией и т. д. Отсюда можно предположить, что секретари Политбюро и Оргбюро со своими помощниками входили в Секретный отдел, как в него входило, например, Шифрбюро, и что Секретный отдел являлся частью Управления делами Секретариата ЦК. Также можно сделать вывод, что Управляющий делами Секретариата ЦК РКП (б) в 1920 г. руководил исполнительной и технической работой таких ответственных участков аппарата ЦК, как Секретариаты Политбюро, Оргбюро, Шифрбюро и других частей Секретного отдела.

Из всего этого следует, до сентября 1921 года общая канцелярия Секретного отдела и, таким образом, секретное делопроизводство ЦК, были в ведении Управления делами. Согласно постановлению Оргбюро (протокол заседания Оргбюро № 68) и приказа Управления делами № 85 от 19 сентября 1921 г. канцелярии Политбюро, Оргбюро, Шифрбюро выделяются из Секретариата, и на их базе организовывается Бюро Секретариата. Этот приказ опять же подтверждает предположение о том, что Секретари Политбюро, Оргбюро, также как и Шифрбюро, входили ранее в Секретный отдел. Также из документов можно заключить, что на тот момент Секретный отдел входил в состав Управления делами и, наконец, из приказа № 85 вытекает, что Секретариат Управления делами и Секретный отдел это, возможно, один и тот же отдел или имел два названия.

Таким образом, можно констатировать, что Секретный отдел возник, примерно, в 1920 году как часть Управления делами Секретариата ЦК. В состав Секретного отдела входили секретари Политбюро, Оргбюро и Управления делами, Шифрбюро, Общая канцелярия с ее частями. По всей видимости, наряду с этим, некоторое время, (с 20 октября 1920 года) существовал и самостоятельный Секретно-оперативный отдел, функции которого не выяснены. Функции Секретного отдела, в основном, заключались в регистрации всех секретных документов и ведении секретного делопроизводства (корреспонденция, протоколы, переписка и т. д.). Секретный отдел также готовил материалы к заседаниям По-

литбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК, осуществлял шифровку и передачу документов по закрытым техническим каналам, а также (до образования Бюро Секретариата) вел учет личного состава и регистрацию входящих и исходящих документов всего аппарата ЦК, а также вел делопроизводство административной части Управления делами.

Конец Гражданской войны, экономический и политический кризис, обострившийся вместе, с исчерпавшей себя, политикой «военного коммунизма» и, в связи с этим, переход партии в 1921 году к принятой на X съезде новой экономической политике, потребовал усиления политической и организационной работы партийных структур. Технический аппарат Политбюро, Оргбюро, и Секретариата ЦК в период «военного коммунизма» усложнился, стал крупнее, а его функции становились громоздкими и сложными. В связи с этим, необходимо было реорганизовать аппарат ЦК и отделить его от регистратуры и других мелких звеньев канцелярской работы.

В сентябре 1921 года Секретный отдел, вернее, его основная группа (секретари Политбюро, Оргбюро, а также Шифрбюро) был преобразован в Бюро Секретариата и стал одним из отделов ЦК РКП (б). Став самостоятельной структурой, увеличивается роль и влияние данного подразделения ЦК. Важно отметить то, что работники этой структуры, будут в дальнейшем активно участвовать в таком важном для партийной работы деле как, формирование повесток дня заседаний ЦК. Менее же значительная часть Секретного отдела – общая канцелярия, осталась в ведении Управления делами, войдя во вновь образовавшийся Общий отдел ЦК.

Уже с самого начала, большой объем и круг решаемых вопросов, требовал определенной регламентации работы Бюро Секретариата. В связи с этим в апреле 1922 года был подготовлен проект, а затем утверждено «Положение о Бюро Секретариата и работе помощников секретарей ЦК».

По данному Положению в Бюро Секретариата монополизировалась важная функция аппарата, – первые помощники Секретарей должны были принимать, вскрывать, подготавливать и систематизировать полученный материал для доклада Секретарям, следить за исполнением всех резолюций по докладам в ЦК и, наконец, выполнять отдельные поручения Секретарей ЦК. Ввиду единства технического аппарата Секретариата первые помощники Секретарей и образовывали Бюро Секретариата. Работой бюро руководил, как помощник Генсека по должности, первый помощник И. В. Сталина. Таким образом, повышалась роль и значение Генерального секретаря не только как простого технического исполнителя решений ЦК, но и как инстанции, влияющей на повестку дня заседаний ЦК, принятие решений и контроля за их исполнением,

что в дальнейшем будет иметь важное значение в политической борьбе. Контроль за выполнением постановлений Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК возлагался на помощников секретарей ЦК (Бюро Секретариата). Заведующий Бюро Секретариата (помощник И. В. Сталина) на каждом заседании Секретариата был обязан докладывать о результатах этого контроля. Более того, важно было и то, что в Секретном отделе сосредотачивалась вся важная и секретная информации поступающей в ЦК из различных источников как в центре, так и на местах.

В распоряжении помощников Секретарей ЦК имелся технический аппарат, который состоял из канцелярии, в нее входили четыре отделения: регистратура, делопроизводство, машинистки, приемная секретариата; секретари Политбюро и Оргбюро, шифротделение и архив. Для выполнения срочных дел, возникающих во внеурочное время, устанавливалось постоянное дежурство из помощников Секретарей ЦК.

Одновременно с принятием положения о Бюро Секретариата было произведено распределение функций непосредственно между Секретарями ЦК: И. В. Сталиным, В. В. Куйбышевым, В. М. Молотовым и определены дни заседаний Оргбюро, Секретариата и состав присутствующих на данных заседаниях. На И. В. Сталина возлагалось ведение вопросами, связанными с работой Политбюро ЦК и сношениями преимущественно с областными организациями РКП (б). В задачу Бюро Секретариата, как и ранее Секретного отдела, входило объединение технической работы Политбюро, Оргбюро и помощников Секретарей ЦК, а также сосредоточение секретной переписки Секретариата, в том числе шифрованной. В утвержденном Секретариатом ЦК 22 ноября 1922 года штатном расписании ЦК РКП (б) штаты собственно Бюро Секретариата, секретного делопроизводства и Шифрбюро составляли 59 человек. Но в дальнейшем на заседании Оргбюро 14 декабря 1922 года был заслушан доклад штатной комиссии ЦК на котором утвердили штаты отделов ЦК, в том числе Бюро Секретариата, в количестве уже 68 человек[1]. Это был четвертый по величине отдел ЦК. Настоящие штаты должны были быть введены в действие с 1 января 1923 года. На заседании Секретариата ЦК 25 января 1923 года было принято решение об увеличении штата Секретариата ЦК РКП и РКСМ на 5% – с 822 до 863 человек. Но уже в конце 1923 года была произведена реорганизация штатов ЦК РКП (б). Аппарат ЦК сокращался на 10 % – с 682 до 618 человек, но, следует заметить, что количество сотрудников Бюро Секретариата не сокращалось

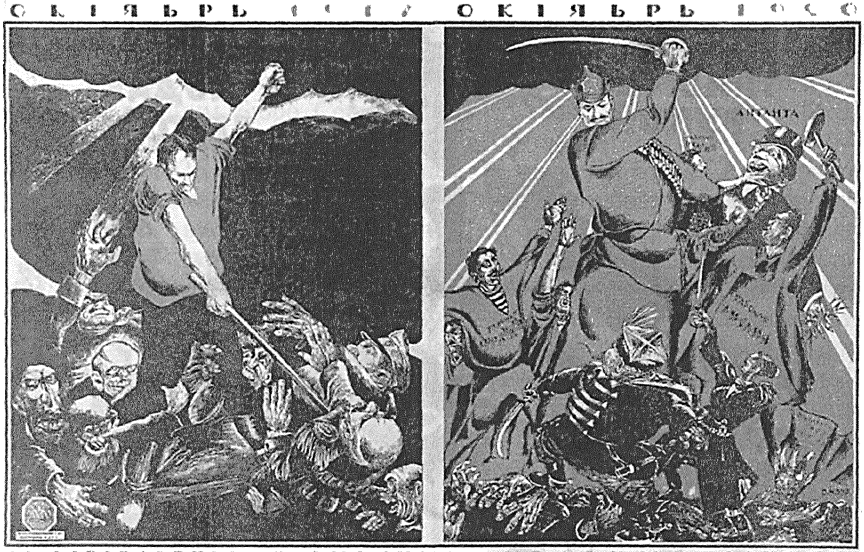
В 1924 году в ЦК снова работала Комиссия по персональному сокращению штатов. Всего в Бюро Секретариата на данный момент штат составлял 93 человека. Постановлением Оргбюро он был сокращен на

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 397. Л. 295.

ОКТЯБРЬ 1917 ОКТЯБРЬ 1920

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВСЕМИРНЫЙ КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ

Вперёд на защиту
Урала!

Да здравствует
Красная
армия —
оплот
мирной политики
советской
власти и
верный страж
границ
СССР

К России
с миром
тянется
рукой —
А полякам
винтовки
подает
другой
Мир
снятие
блокады
Лига наций

9 человек и составлял 84 сотрудника. Сокращению подлежали два помощника В. М. Молотова, один помощник А. А. Андреева и курьер. Но оставались две вакансии помощника И. В. Сталина и одна машинистки. Другого сокращения штатов Бюро Секретариата не производилось, и на тот момент там работало 85 человек[1].

Но увеличение нагрузки на Бюро Секретариата, и в связи с этим большое количество сверхурочных работ, потребовало увеличение штата Бюро Секретариата. Так в 1924 году на одном из заседаний Секретариата ЦК ВКП (б) был рассмотрен вопрос о штатах Бюро Секретариата. Так как И.П. Товстуха находился в отпуске, с докладом по этому вопросу выступил Л. З. Мехлис. В результате, в середине 1924 года было утверждено расширение штата Бюро Секретариата до 112 человек[2].

В итоге, в 1924 году в Бюро Секретариата входили: непосредственно Бюро Секретариата, включавшее в себя помощников секретарей ЦК И. В. Сталина, В. М. Молотова, А. А. Андреева, Л. З. Кагановича, заведующий Бюро Секретариата, секретарь Бюро Секретариата, помощник заведующего Бюро Секретариата, заведующий приемной, технические аппараты Политбюро, Оргбюро, Шифрбюро, Секретная регистратура, Архив Бюро Секретариата. Кроме того, свои архивы имелись в Технических секретариатах Политбюро и Оргбюро.

Решением Оргбюро 9 июня 1924 года Заведующим Бюро Секретариата был утвержден помощник Сталина И. П. Товстуха, который до этого с небольшим перерывом занимал должность заведующего Секретным отделом. Короткий период Заведующими Бюро Секретариата были А. М. Назаретян. (судя по протоколам Оргбюро с конца 1923 по июнь 1924) и Л. З. Мехлис (на заседании Секретариата 21 ноября 1921 года заведующим Бюро Секретариата ЦК был утвержден Л. З. Мехлис). Оба также были помощниками И. В. Сталина.

19 марта 1926 года постановлением Оргбюро ЦК Бюро Секретариата было преобразовано в Секретный отдел. После преобразования в структуру последнего входили: заведующий Секретным отделом, заместители заведующего Секретным отделом, помощники Секретарей ЦК (И. В. Сталина, В. М. Молотова, С. В. Косиора, Н. А. Угланова, Н. М. Шверника, Н. И. Бухарина), помощники заведующего Секретным отделом, референты, помощники для поручений, заведующий приемной, переводчики, телеграфисты, Контрольный подотдел, Справочно-кодификационный подотдел, технический Секретариат Пленумов и Политбюро ЦК, Технический Секретариат Оргбюро и Секретариата, Шифровальный подотдел, Секретный архив, Подотдел учета и возврата документов (в обязанности входило учет, рассылка секретных документов и контроль возврата),

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 488. Л. 75.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 590. Л. 11.

Общий подотдел. В Секретном отделе также имелось Бюро машинописи с его особо секретной частью, Экспедиция, Секретная регистратура, Текущее делопроизводство Секретного отдела, Бюро Стенографов (Секция стенографистов). Всего по сведениям на апрель 1926 года – 128 человек[1]. Архив Бюро Секретариата превращается в Секретный архив. Как видно, здесь мы наблюдаем небольшое увеличение числа подразделений и количество работающих сотрудников Секретного отдела по сравнению с Бюро Секретариата.

Функции Секретного отдела ЦК оставались такими же, как и Бюро Секретариата[2]. Заведующим отделом остался И. П. Товстуха. В мае 1929 года заместителями И. П. Товстухи были назначены Б. А. Двинский и А. Н. Поскребышев.

Как видно, в 1920-е годы ЦК проводил определенную работу по сокращению своего аппарата но, учитывая все возрастающее значение секретных подразделений, их штат сотрудников не только не сокращался, но даже увеличивался. К 1924 году И. В. Сталин обладал почти монопольным правом на подготовку вопросов к заседаниям Политбюро и общее руководство Секретариатом ЦК. Через своего подчиненного, сотрудника Бюро Секретариата – дежурного секретаря Политбюро, Оргбюро, Секретариата, он почти полностью подготавливал заседания руководящих органов ЦК. Именно поэтому Генсек, сосредоточив в своих руках данную функцию, мог влиять на ход заседаний не только Секретариата, но и Политбюро. При очередном распределении обязанностей на И. В. Сталина возлагалась подготовка вопросов к заседаниям Политбюро и общее руководство работой Секретариата в целом. Так постепенно, организационная должность Генерального секретаря превращается в первую политическую силу. С 1923 года Бюро Секретариата, а затем и Секретный отдел располагались на пятом этаже нового здания по адресу: Старая площадь, дом 4. О возросшей значимости Секретного отдела говорил тот факт, что пропуск в Кремль, например, в 1927 году, имели 29 человек «ответственных сотрудников» данного подразделения.

Соответствующие секретные подразделения также были созданы и в партийных комитетах на местах. Документов, когда первоначально были образованы секретные подразделения в парткомах на местах, также как и документов, регламентировавших их деятельность, не обнаружено, но можно предположить, что они образовались одновременно с секретными подразделениями аппарата ЦК. В 1928 году Секретным отделом ЦК были разработаны и утверждены «Правила ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами в партийных комитетах». Данным нормативным документом было

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 792. Л. 208–209; Ф. 17. Оп.85. Д. 539. Л. 84–86.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 176. Л. 9.

юридически закреплено уже имеющееся «де-факто», положение дел. В партийных комитетах на местах имелись секретные отделы или секретные части, а в парткомах, где количество проходящих секретных документов было невелико, работа возлагалась на отдельного, специально для этого выделенного доверенного.

Основным принципом работы данных подразделений и предпосылкой конспирации являлся принцип обоснованности доступа и принцип персональной ответственности, где действовало одно правило: чем меньше людей имеют доступ (в той или иной форме) к секретным материалам – тем больше гарантий сохранения конспирации. Лица, виновные в нарушении конспирации (разглашение, утеря и халатное обращение с секретными документами), на основании постановления ЦИК СССР отвечали во внесудебном порядке через коллегию ОГПУ.

В основные обязанности секретных органов парткомов входило:

– ведение секретного делопроизводства (прием, регистрация, печатание, экспедиция, ведение и хранение секретных дел, возврат и уничтожение конспиративных материалов и т. д.);

– наблюдение, инструктирование и проверка секретного делопроизводства, проверка и учет сотрудников, допускаемых к секретной переписке в подведомственных парторганизациях и фракциях ВКП (б) в местных советских, хозяйственных и общественных организациях;

– инструктирование, контроль и помощь нижестоящим организациям в ведении секретной работы;

– ведение шифропереписки (шифровальное дело велось согласно особой инструкции).

Ответственные сотрудники данных подразделений, почти в обязательном порядке, были членами партии. Назначения заведующих секретными органами и уполномоченных проходило через постановления бюро парткома, согласованного с Секретным отделом ЦК ВКП (б) и лишь после проверки и с согласия местных органов государственной безопасности. Все сотрудники секретных подразделений состояли на учете в местном отделе ОГПУ.

Для приема и возврата секретных документов в ЦК и парткомах существовала система доверенных лиц по 1-ой и 2-ой категориям. Доверенное лицо назначалось постановлением бюро парткома предварительно согласованное с Секретным отделом ЦК ВКП (б). В основном ими являлись: зав. секретной частью, уполномоченный по ведению секретного делопроизводства или заведующий шифровальной частью. При увольнении с бывшего сотрудника секретной части бралась подписка о неразглашении секретных сведений и обязательство в течение 2-х лет сообщать парткому о перемене места жительства. Сотрудникам секретных частей категорически запрещалось посвящать своих знакомых и родных о характере выполняемой работы, составе секретных ра-

ботников, указывать в документах, выдаваемых этим сотрудникам должности и секретные органы, а вместо этого указывалось: «сотрудник парткома».

Как видно из направлений деятельности и круга обязанностей, а также статуса сотрудников данных подразделений, на лицо функции режимно-секретного подразделения. В начале своей деятельности секретные подразделения самостоятельной роли в формировании системы защиты информации не играли, но постепенно их функции, роль и значение как специального органа по защите информации увеличивалась. Если изначально на них была возложена только организация секретного делопроизводства ЦК, то затем все больше секретные подразделения выступали инициаторами постановлений высших органов партии по организации защиты информации. Они готовили проекты распорядительных и разрабатывали организационно-нормативные документы (инструкции, циркуляры, правила, положения и т. д.) уточняющие и разъясняющие политику ЦК по защите информации. Например, ими разрабатывались инструкции по ведению секретного делопроизводства и соблюдению конспирации, что оказало влияние на складывание и состояние системы защиты информации в целом и, к примеру, на состояние секретных архивов партии. Руководители секретных подразделений определяли порядок доступа к секретным партийным архивам, что заложило основу для складывания партийных спецхранов.

10 мая 1929 года, в записке Заведующего Секретным отделом ЦК И. П. Товстухи, Секретарям ЦК И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, И. Н. Смирнову, К. Я. Бауману было предложено вместо новых наименований частей отдела ввести сектора: «В целях большего законспирирования функций Секретного отдела, а также во избежание возможного злоупотребления названиями, как «Политбюро», «Оргбюро», «Шифрбюро» и т. п., я считал бы целесообразным весь отдел, вместо прежних наименований частей: «аппарат Политбюро», «аппарат Оргбюро» и т. д. переименовать на 7 секторов:

I-й сектор – помы секретарей ЦК и их аппараты (референты, порученцы);

II сектор – секретариат, ведущий делопроизводство П/Б;

III сектор – делопроизводство О/Б;

IV сектор – шифрделопроизводство;

V сектор – учет и контроль за возвратом конспиративных документов;

VI сектор – секретный архив ЦК; и

VII-й – канцелярия (регистратура, внешняя и внутренняя связь, машинопись и стенография)[1].

---

[1] О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов Л. 26–27. Цит. по «Источник» 1993. № 5–6. С. 94.

Также должны были переименованы и названия должностей сотрудников Секретного отдела.

Секретари ЦК не возражали. На тексте записки резолюции: За. Сталин. Молотов». Таким образом, с 1929 года в Секретном отделе начало функционировать 7 секторов.

С 1 декабря 1929 года вводились новые тарифные ставки заработной платы сотрудников аппарата ЦК (были утверждены Секретариатом ЦК 20 января 1930 г.), причем имелись две ставки сотрудников – ответственная ставка и нормированная ставка. Ответственная ставка была у «ответственных сотрудников», работа которых приравнивалась к массовой партийной работе, и была выше, чем нормированная. В Секретном отделе ее имели: Заведующий отделом, Заместители заведующего, Заведующие отделениями, помощники Секретаря ЦК[1].

Примечателен и социальный состав сотрудников Бюро Секретариата и Секретного отдела в 1920-е годы. Так, на 1 ноября 1923 года в Бюро работало 55 женщин и 37 мужчин, всего – 92 человека, т. е. больше было женщин. Из работающих большинство составляли члены партии – 85 человек, но было и 7 беспартийных. По партстажу было большинство – 44 человека, кто вступил в партию не ранее 1919 года (значит уже после революции); 29 человек в 1915–1918 гг.; 8 человек в 1906–1914, 4 человека в 1898 – 1905 гг. Подавляющее большинство из работающих составляли сотрудники в возрасте от 23 до 32 лет (55 чел.), затем до 22 лет (18 чел.), т. е. всего молодежи – 73 человека; от 33 до 53 лет – 17 человек и всего 2 человека от 53 лет. Из них большинство имели среднее образование (44 чел.), затем 42 человека имели низшее образование, и всего 2 человека имели высшее образование и 4 домашнее и самообразование. По национальному составу большинство составляли русские (64 чел.), затем евреи (15 чел.), латыши (7 чел.) и армяне (2 чел.). В Бюро Секретариата работал также 1 украинец, эстонец, немец, француз. По сословному дореволюционному происхождению большинство было из крестьян (51 чел.), затем из мещан (28 чел.), дворян (6 чел.), по 2 человека из купцов и граждан, по 1 человеку из чиновников, военных и духовного звания. По социальному происхождению на тот момент большинство было служащих (60 чел.), затем рабочих (22 чел.), крестьян (3 чел.), прочих – 7 человек[2].

Таким образом, при сравнительно равном количестве женщин и мужчин большинство работающих составляла молодежь от 22 до 33 лет, членов партии с минимальным партстажем в 4 года (чуть больше – 9 лет), служащие преимущественно со средним образованием, русские,

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 868. Л. 24 об.–25.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 488. Л. 55.

большинство из крестьян в прошлом (скорее всего, по родителям). Следует отметить, что здесь мы наблюдаем, как и во всей партии того времени в целом, феномен пролетарской партии «рабочих из крестьян». В одном из самых важных подразделений ЦК пролетарской партии в 1923 году (через 6 лет после революции) из 92 сотрудников пролетарская прослойка составляла всего 22 человека. Думается, что здесь сказывалась нехватка грамотных вообще и в достаточной степени образованных людей среди рабочих, которых можно было рекрутировать для этой работы. А также, здесь мы видим социальный срез партии: «Согласно партийной статистике, в 1922 году насчитывалось 170 – 180 тысяч членов партии, которые в анкетах указывали, что являются служащими. Видимо, большая часть этих людей работала в партийном аппарате. Они составляли примерно 30 процентов всех членов партии»[1].

В 1923 году из 92 человек всего количества сотрудников, работающих в Бюро Секретариата, членов партии было 85 человек. В 1927 году из 125 сотрудников членами партии было 115 человек, из них с дооктябрьским партийным стажем – 19 человек; с партстажем 1917–1919 гг. – 67 человек; 1920 – 1925 гг. – 29 человек. Кроме того, было 2 кандидата в члены ВКП (б), 5 комсомольцев и 2 беспартийных[2].

В целом можно констатировать, что большинство работающих в секретном подразделении ЦК, составляли члены партии, мужчины и женщины молодого и среднего возраста, вступившие в нее уже после революции, в период Гражданской войны, считающие себя служащими, но по происхождению большинство из крестьян, что было естественно в крестьянской стране. Такое положение в социальном составе сотрудников было типичным в тот период и для всех государственных учреждений страны. К сожалению, мы не обладаем данными по социальному составу сотрудников секретных подразделений ЦК, работавших в 1930-е годы.

Проведение ускоренной сверх-индустриализации и коллективизации, претворение в жизнь жестких планов I пятилетки, и в связи с этим, усложнение задач партийного строительства, связанных с расширением круга народно-хозяйственных вопросов, а также усиливающаяся внутрипартийная борьба по вопросам методов и темпов индустриализации и коллективизации, партийные чистки и перемещения на первый план выдвигали вопросы кадрового и организационного обеспечения сталинской политики, усиления его личного влияния в партии и государства в целом. Необходимо было перестроить партаппарат на решение задач как партийного, так и хозяйственного строительства, а также внутрипартийной борьбы и кадровой политики, обеспечивающей поддержку курса

---

[1] *Белади Л., Краус Т.* Сталин. – М. 1989, С. 112.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 544. Л. 696.

И. В. Сталина и большинства Политбюро на ускорение темпов индустриализации и коллективизации. В связи с этим необходимо было реорганизовать аппарат ЦК ВКП (б), национальных ЦК, краевых, областных и окружных комитетов ВКП (б), в свете новых решений и указаний. В преамбуле к вопросу о реорганизации аппарата ЦК ВКП (б), рассмотренном и утвержденном на заседании Политбюро 5 января 1930 года говорилось: «Необходимо реорганизовать аппарат ЦК, а в дальнейшем не только аппарат ЦК, но и аппараты местных парторганизаций... Упростив и сократив аппарат, необходимо больше его дифференцировать по функциональным признакам»[1]. 5 января 1930 года Политбюро установило и утвердило новую схему аппарата ЦК. На 1 января 1930 года в штате Секретного отдела было 104 сотрудника, а всего в ЦК 467 человек, т. е. штат секретного подразделения составлял чуть меньше одной четвертой штата всего ЦК. На заседании Политбюро 1 января 1930 года наряду с другими заведующими отделами Зав. Секретным отделом вновь утверждался И. П. Товстуха. Как видно, Секретный отдел ЦК, как и его руководитель, сохранялись.

Были реорганизованы и аппараты национальных ЦК, краевые, областные, окружные комитеты по схеме аппарата ЦК, но без организаций Секретных отделов и Управлений делами. Предлагалось парткомам провести реорганизацию в двухнедельный срок. Оргбюро поручалось провести реорганизацию аппаратов горрайкомов, сельрайкомов и работы партячеек привести в соответствии с принятой реорганизацией партаппарата»[2].

По штатному расписанию отделов Секретариата ЦК ВКП(б), утвержденном Секретариатом ЦК 28 января 1930 года было принято: «По Секретному отделу – 103 шт. единиц, передав перевозку секретной корреспонденции на обслуживание технического аппарата ОГПУ... 2) Принять предложение тов. Товстухи поручить группе тов. Гроссмана (ЦКК–НК РКИ) произвести в Секретном отделе просмотр структуры, штатов и постановки работы, в целях рационализации (улучшения) таковой. Ту же работу поручить т. Гроссману провести в тот же срок и по Управделами ЦК»[3]. Секретный отдел по величине уступал лишь Управлению делами (123 сотрудника) и значительно превосходил другие отделы: Распределительный (51 сотрудник), организационно-инструкторский (41 сотрудник), отдел культуры и пропаганды (36 сотрудников), агитации и массовых комиссий (21 сотрудник). В постановлении Секретариата ЦК предусматривалось, что штаты Секретного отдела еще будут дополнительно просмотрены. В целом штат отделов Секретариата ЦК

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 771. Л. 24.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 772. Л. 12.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 819. Л. 41.

сокращался на 175 человек или 31,7 %, т. е. вместо 550 штатных единиц было утверждено 375[1].

Для более оперативной работы и решения вопросов, особенно вынесенных на Политбюро, как в организационном, так и техническом плане, необходимо было территориально приблизить аппарат Секретного отдела к высшему органу партии, работавшем в Кремле. Так решением Политбюро 20 октября 1930 года было: « Признано необходимым в кротчайший срок перевести Секретный отдел ЦК со Старой площади в Кремль»[2].

На заседании Политбюро 25 июля 1930 года рассматривался вопрос о заведующем Секретным отделом ЦК. Новым заведующим вместо И. П. Товстухи был утвержден его заместитель – А. Н. Поскребышев. Следует отметить, что И. П. Товстуха, одновременно являясь помощником И. В. Сталина, возглавлял Секретный отдел (Бюро Секретариата) с 1920 года. Политбюро освободило его от работы в ЦК, как указывалось, по личной просьбе и назначило заместителем директора Института Ленина, где он проработал до 1935 года. На наш взгляд, это перемещение было организовано специально для усиления личного влияния И. В. Сталина в Институте Ленина, партийном и идеологическом учреждении, где тогда были сильны позиции Л. Б. Каменева. На заседании Секретариата 26 июля 1930 года первым заместителем Зав. Секретным отделом ЦК был утвержден Б. А. Двинский и вторым – К. Р. Герценберг.

О масштабах работы Секретного отдела наглядно говорит объяснительная записка Зав. Секретным отделом ЦК А. Н. Поскребышева «О расходах Секретного отдела ЦК ВКП (б) за 1932 г.» и «Справка об ориентировочной стоимости содержания аппарата 5-го этажа здания ЦК ВКП (б)» от августа 1932 года (на пятом этаже в здании ЦК на Старой площади размещались секретари ЦК)[3].

Состав Секретного отдела по должностям и функциям остался почти без изменений. В него по-прежнему входили помощники Секретарей ЦК и их аппараты. Четыре подразделения занимались непосредственно делопроизводством. Из них два – делопроизводством Политбюро и Оргбюро, третье – обеспечивало рассылку документов в зашифрованном виде, четвертое – учитывало возврат документов высших органов партии, рассылавшихся для исполнения и информации на места, а также определенному кругу партийно-государственных руководителей и учреждений, состав которых постоянно менялся. Канцелярия Секретного

---

[1] См. Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 819 Л. 23.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 54.

[3] См. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. Л. 28–30.

отдела обеспечивала вспомогательные операции: регистрацию, связь, перепечатку документов, стенографирование заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата. В состав Секретного отдела входил и Секретный архив ЦК.

13 ноября 1933 года Секретариат ЦК ВКП (б) принял постановление о реорганизации Секретного отдела ЦК. Исходя из данного постановления Секретный отдел ЦК реорганизовывался путем выделения из него аппарата, обслуживающего Политбюро ЦК. Выделенная часть стала именоваться Секретным отделом ЦК. Суть реорганизации сводилась не только к тому, что в Секретном отделе ЦК номинально был оставлен только аппарат, обслуживающий Политбюро, но и в том, что таким образом высший орган партии в еще большей степени попадали под контроль лично Генсека. Секретный отдел, как и прежде, подчинялся непосредственно И. В. Сталину, а в его отсутствие – Л. М. Кагановичу. Персональный состав Секретного отдела также оставался полностью подконтрольным Генсеку. Прием и увольнение работников Секретного отдела производилось только с ведома и согласия Секретарей ЦК, т. е. И. В. Сталина и Л. М. Кагановича.

Наряду с ограничениями и принципом персональной ответственности к сотрудникам секретных подразделений ЦК применялся метод морального и материального стимулирования защиты информации. Так, например, устанавливалось, что зарплата сотрудников Секретного отдела ЦК (шифрбюро, стенографы и машинистки) должна быть выше на 30–40% ставок соответствующих категорий работников в других учреждениях. Так ЦК обязало Управляющего делами ЦК Т. П. Самсонова в месячный срок удовлетворить все заявки на квартиры сотрудников Секретного отдела ЦК и предоставить в полное распоряжение Секретного отдела ЦК 5 дач с обслуживанием их аппаратом Управления делами ЦК[1]. Кроме того, в Секретном отделе ЦК имелись «ответственные сотрудники», работа которых по нагрузке приравнивалась к массовой партийной работе, что вело за собой повышенную заработную плату, наличие определенных льгот и улучшенное бытовое обслуживание. Повышенные нагрузка и статус работы, обладание секретной государственной и партийной информацией все это говорит как о мере ответственности, так и о привилегированном положении данного подразделения в аппарате ЦК. Значимым было также и то, что во время определенных сокращений аппарата ЦК, количество сотрудников Секретного отдела не только не уменьшалось, но и неоднократно увеличивалось.

По решению XVII съезда ВКП(б) партийный аппарат перестраивался по производственно-территориальному принципу. Претерпевал измене-

---

[1] См. Там же. С. 27.

ния и аппарат ЦК. В ЦК были образованы восемь отделов и два сектора: Особый сектор и сектор Управления делами. «...Суть этой реорганизации пока не ясна. Но, скорее всего, Особый сектор сохранил функции реорганизованного в конце 1933 г. Секретного отдела, т. е. занимался только делопроизводством Политбюро и обслуживал лично Сталина. 10 марта 1934 года Политбюро назначило заведующим Особым сектором А. Н. Поскребышева[1]. Заместителями оставались Б. А. Двинский и К. Р. Герценберг.

На мой взгляд, функции Особого Сектора не ограничивались лишь делопроизводством Политбюро и обслуживанием лично Сталина. Круг обязанностей и решение вопросов был значительно шире (о которых говорилось выше) и даже происходило некоторое расширение функций. К примеру, уже в феврале – апреле 1934 года, Бюро международной информации, находившееся в аппарате ЦК, фактически включалось в состав Особого сектора ЦК.

Постановлением Политбюро от 4 июня 1934 года «О распределении обязанностей между секретарями ЦК» за И. В. Сталиным уже однозначно оставался контроль за Особым сектором. Кроме того, за ним также закреплялся контроль за приемом и увольнением на работу сотрудников уже во весь аппарат ЦК, а не только сотрудников секретных подразделений. Постановлением Секретариата ЦК ВКП (б) «О приеме работников в аппарат ЦК» от 17 января 1934 г. устанавливалось, что прием и увольнение всех, без исключения работников в аппарат ЦК, должен производится лишь с утверждения И. В. Сталина или М. Л. Кагановича. Секретариат ЦК обязывал всех заведующих отделами ЦК ВКП (б) строго придерживаться этого постановления[2].

По подобию ЦК реорганизовывались и структуры партийных комитетов на местах. Особые сектора, с аналогичными функциями, были образованы и в ЦК компартий союзных республик, крайкомах, обкомах. Так на местах, как и в ЦК, предполагалось наличие шифрработников, которые входили в штат Особых секторов. К примеру, Секретариатом ЦК в апреле – мае 1930 года было принято постановление: «Обязать крайкомы, обкомы и ЦК нац. Компартий обеспечить наличие в Особых секторах штатных шифрработников, работающих исключительно на шифрработе...»[3].

После XVIII съезда ВКП (б) структура ЦК снова претерпевает изменения. Были созданы управления и отделы, Управления делами и Особый сектор, а также Институт Маркса-Энгельса-Ленина. Как видно

---

[1] См. *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизм политической власти в 30-е годы. С. 275.

[2] См. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 138.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 562. Л. 10–11.

Особый сектор сохранялся. В партаппаратах на местах также сохранялись Особые сектора, где заведующие Особыми секторами одновременно стали заведующими Шифрбюро. Кроме того, по решению Секретариата ЦК ВКП (б) обкомам, крайкомам, ЦК союзных республик запрещалось снимать и перемещать на другую работу заведующих Особыми секторами и шифрработников без согласия ЦК ВКП (б), а также не допускать к шифррботе сотрудников, не утвержденных ЦК ВКП (б). Секретариат обязал обкомы, крайкомы и ЦК национальных Компартий союзных республик до 1 августа 1939 г. представить на утверждение ЦК ВКП (б) Заведующих особыми секторами и шифрработников обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик»[1].

Штат сотрудников Особых секторов на местах был достаточно велик. К примеру, в Особом секторе ЦК компартии Украины по штатному расписанию было: «Ответственных работников – 9 чел; технических работников – 68 чел. В Московском обкоме: Ответственных работников – 6 чел; технических работников – 53 чел»[2]. Что касается кадрового состава то, как уже отмечалось выше, в подавляющем большинстве сотрудники секретных подразделений ЦК должны были быть членами партии (кроме мелкого технического персонала) и любое нарушение с их стороны не только по работе, но и в быту считалось нарушением партийной дисциплины. Более того, по постановлению Политбюро от 5 мая 1927 года по поводу сотрудников, ведущих секретную работу, указывалось, что: «В отношении преступлений по секретным делам все сотрудники учреждений и организаций, ведущие секретную работу, подлежат ответственности во внесудебном порядке»[3].

Как видно, качеству кадрового состава сотрудников секретных подразделений, ЦК уделяло повышенное внимание. Секретность определяла характер и специфику работы – они считались секретными сотрудниками Секретариата ЦК. Обладание секретной партийной и государственной информацией налагало определенную повышенную ответственность за ее сохранность. Назначения, перемещения и освобождение секретных сотрудников от работы, утверждалось Секретариатом ЦК по представлению заведующего секретным подразделением ЦК. Сотрудники этих подразделений в известной степени были ограничены в своих правах и действиях. Никто, даже родственники, не должны были знать о характере их работы. К примеру, о требованиях, предъявляемых к секретным сотрудникам ЦК можно судить по утвержденной 15 сентября 1923 года Секретариатом ЦК РКП (б) «Инструкции секретным сотрудникам Сек-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 8. Л. 103–104.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1011. Л. 78.

[3] Цит. по О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 77.

ретариата ЦК РКП (б)». В ней было зафиксировано, что никто из секретных сотрудников не мог вести переговоров и разговоров не в порядке выполнения своих прямых обязанностей, не по поводу постановлений парторганизаций, не в быту. Сотрудник не имел права раскрывать состав секретных сотрудников и посвящать знакомых и родных в характер своей работы. Они не могли посещать иностранных миссий и кого-либо из их состава по личным делам. Обо всех своих знакомых в иностранных миссиях, своих и своей семьи родственниках или знакомых, находящихся за границей, с которыми поддерживается связь, секретные сотрудники должны были извещать Заведующего Бюро Секретариата. Никто из секретных сотрудников не мог работать по совместительству в другом учреждении без согласия Секретариата ЦК»[1]. С данной инструкцией знакомили всех секретных сотрудников под роспись с вытекающими отсюда последствиями в случае нарушения.

Также о степени засекреченности сотрудников секретных частей парткомов и шифровальщиков можно судить по направленному на места всем ЦК компартий, областным бюро ЦК, крайкомам, обкомам, губкомам и окружкомам секретному циркулярному указанию № 6 от 25 ноября 1926 года, подписанному Секретарем ЦК С. В. Косиором, по поводу прохождения Всесоюзной переписи. В письме, в обязательном порядке, рекомендовалось сотрудникам секретных частей парткомов и шифровальщикам в переписных карточках в графах о месте службы и роде занятий не указывать должностей, раскрывающих существование шифровальных частей и специфику выполняемой работы. Вместо этого, надлежало указывать название отдела, в состав которого входит шифрчасть (шифровальщик) или секретная часть и должность по тарификации, равную действительной должности. Например, вместо «шифровальщик» указывать: «технический секретарь общего отдела», вместо «делопроизводитель секретной части» указывать: «делопроизводитель общего отдела» и т. п. Настоящий циркуляр относился только к прохождению Всесоюзной переписи и не относился к переписи партийной.

Специальными постановлениями Секретариата ЦК определялся и статус секретных работников. Так на заседании Секретариата ЦК 19 декабря 1924 года рассматривался вопрос о секретных работниках Бюро Секретариата ЦК, на котором постановили: «а) Работу сотрудников Бюро Секретариата считать конспиративной партийной работой. б) Установить, что все сотрудники Бюро Секретариата должны по предложению Зав. бюро Секретариата немедля выполнять даваемую им работу, приурочивая выполнение поручений низовых профессиональных и партийных организаций на свободное время. в) Поручить тт. Шкирятову и Мехлису представить на утверждение Секретариата список секретных

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 482. Л. 78.

работников Бюро Секретариата, работа коих по нагрузке должна быть приравнена к массовой партийной работе»[1]. 30 января 1925 года на заседании Секретариата ЦК был утвержден список секретных сотрудников Бюро Секретариата ЦК, работа которых по нагрузке приравнивалась к массовой партийной работе. В списке значилось 27 человек[2]. Из списка видно, какие должности входили в основной состав, так называемых «ответственных работников» Бюро Секретариата. Состав сотрудников секретного подразделения, ввиду различных перемещений, постоянно менялся. Все изменения в списке утверждались на заседаниях Секретариата или Оргбюро ЦК[3]. Все назначения сотрудников секретных подразделений также проходили через утверждение на заседаниях Политбюро, Оргбюро, Секретариата, т. е. на самом высоком партийном уровне. Заведующий Секретным отделом (Бюро Секретариата) утверждался Политбюро; заместители и другие ответственные сотрудники – Оргбюро, Секретариатом ЦК.

Таким образом, придя к власти, большевики до 1919 г. еще не создавали не партийный аппарат как таковой, не специальных структур по защите информации. Многие вопросы по защите информации и секретности решались на государственном уровне, в основном по линии СНК, ВЧК и Реввоенсовета. Только с образованием полноценной партийной структуры и партийного аппарата на VIII съезде РКП (б) в марте 1919 года появляются первые секретные подразделения партии именно как партийные структуры. Они создавались параллельно с организацией всего партийного аппарата и были призваны, поначалу, обеспечить организационную и техническую работу высших органов партии и осуществлять конспиративность в работе путем организации секретного делопроизводства. До образования в сентябре 1921 года Бюро Секретариата на правах отдела, данные подразделения входили в состав Управления делами ЦК. Ввиду отсутствия и ограниченности информации за 1918 – 1919 гг. по структуре ЦК, а также специфики этих подразделений как конспиративных, трудно говорить о точном времени их возникновения. Автор не обнаружил документы, освещающие, в какой-либо мере, структуру и функциональное назначение секретных подразделений ЦК за данный период как таковых. Необходимость создания определенных структур и мер по защите партийной, а, придя к власти, теперь уже и государственной информации, диктовала сама жизнь. Защита информации лишь тогда приносит успех, когда она принимает вид системы в целом. В систему входят объекты защиты информации и органы защиты информации, использующие в своей работе специфические методы, сред-

---

[1] РГАСПИ Ф. 17 Оп. 112. Д. 621 Л. 10.

[2] Там же. Ф. 17 Оп. 112. Д. 635. Л. 21.

[3] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 707. Л. 8; Ф. 17. Оп. 113. Д. 244. Л. 9.

ства, формы и мероприятия, также имеются и пользователи данной информаций. Первым органами защиты партийно-государственной информации (тайны) и были секретные подразделения партии. В итоге, в аппарате ЦК с 1919 г. создается Специальный отдел Секретариата; 1920 – 1921 гг. Секретный (конспиративный) отдел. 20 ноября 1920 г. был образован самостоятельный секретно-оперативный отдел – его задачи и время функционирования автору работы не известны. В 1921–1926 гг. функционировало Бюро Секретариата, в 1926–1934 гг. – вновь образовавшийся Секретный отдел. В 1934 году на базе Секретного отдела создается Особый сектор ЦК ВКП (б). Наименования данных подразделений менялись, но функции, как и количественный состав, не только оставались прежними, но и расширялись. Секретный отдел (Бюро Секретариата, Особый сектор) были относительно многочисленными по количеству работающих сотрудников. Так, в начале 1930-х годов это было второе по численности подразделение, уступая лишь Управлению делами. Фактически после каждого сокращения аппарата ЦК, количество сотрудников секретных подразделений не только не уменьшалось, но и затем пересматривалось в сторону увеличения. Основной костяк сотрудников секретных подразделений ЦК составляли помощники Секретарей ЦК. На протяжении всего времени существования данных подразделений один из помощников И. В. Сталина становился руководителем подразделения и подчинялся лично ему. Секретный отдел (Бюро Секретариата) возглавляли помощники И. В. Сталина И. П. Товстуха, затем А. Н. Поскребышев (короткое время были А. М. Назаретян и Л. З. Мехлис). В состав данных структур также входили технические службы Политбюро, Оргбюро, Секретариата, подразделения, ведущее секретное делопроизводство, обеспечивающие секретную шифрованную связь, секретное хранение документов и другие, более мелкие службы. Со временем расширялись и функции секретных подразделений ЦК. Сотрудники Секретного отдела (Бюро Секретариата) кроме обеспечения технической, организационной, документационной работы высших органов партии, ведения секретного делопроизводства осуществляли, по сути, также и другие режимно-секретные мероприятия.

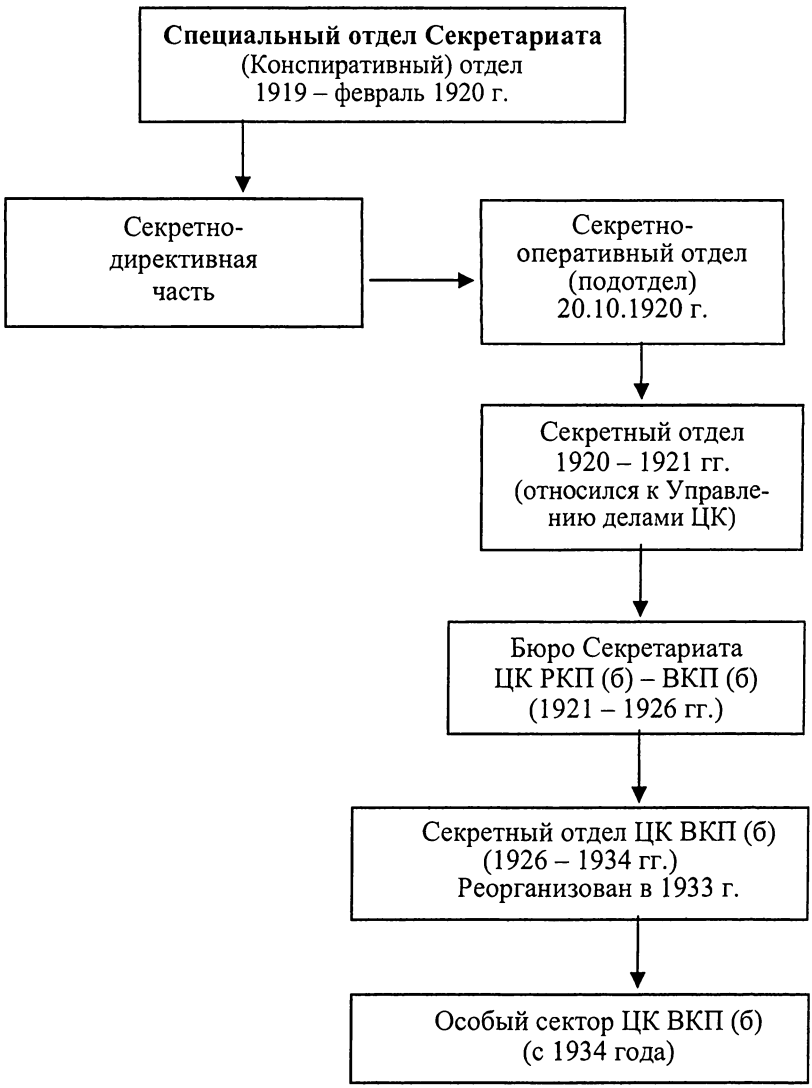
Первоначально самостоятельной роли в формировании системы защиты информации эти подразделения не играли, но постепенно их роль и значение как специального органа увеличивалась. Все больше секретные подразделения ЦК выступали инициаторами решений (готовили проекты постановлений высших органов партии, разрабатывали собственные акты, инструкции, циркуляры и т. д.) в области защиты информации. Из изученных документов пока не совсем ясно, были ли в данный период в составе ЦК, кроме перечисленных подразделений, структуры в полной мере выполнявшие функции режимно-секретного

органа, либо частично, еще подразделения ЦК, на которых возлагалось исполнение режимно-секретных функций? Но вполне определенно можно сказать, что кроме ведения секретного делопроизводства, секретные подразделения проводили почти весь комплекс режимно-секретных мероприятий: проверяли условия хранения и использования секретных документов, расследовали факты нарушений требований инструкций и правил по секретному делопроизводству, хранению и использованию секретных документов. Совместно с органами ВЧК, ГПУ, НКВД, НКГБ данные подразделения ЦК расследовали факты утери секретных документов и разглашения секретных сведений, разрабатывали секретные нормативно-правовые документы, вели шифровальную и дешифровальную работу, осуществляли другие режимно-секретные функции. В начале 1930-х годов происходит усиление Секретного отдела, возрастает его роль, отдел переводят со Старой площади непосредственно в Кремль.

Таким образом, можно констатировать, что Бюро Секретариата, Секретный отдел, Особый сектор, были специальными оперативными секретными подразделениями ЦК, обеспечивающими работу высших партийных органов, Генерального секретаря и, почти в полной мере, выполнявшими функции режимно-секретного подразделения. По его подобию были созданы такие подразделения и в парткомах на местах, где работа их строилась по принципу Секретного отдела ЦК и подчинялась непосредственно секретарям партийных комитетов, так же выполняя, кроме всего прочего, функции режимно-секретного органа, обеспечивали сохранность сведений, составляющих партийно-государственную тайну. Работа ответственных сотрудников данных подразделений приравнивалась по нагрузке к массовой партийной работе и считалась конспиративной.

Отвечая на вопрос, использовал ли И. В. Сталин секретные подразделения партии в политической борьбе можно констатировать, что он, несомненно, использовал их в той мере, в какой использовал весь партийный аппарат, главой которого как Генеральный секретарь, он был. Секретные подразделения ЦК и в партийных органах на местах в своей динамике прошли путь от чисто технических до режимно-секретных подразделений. Не смотря на постоянно проводимые реорганизации аппарата ЦК, изменение наименований, функции и задачи, созданного в 1920 году Секретного отдела ЦК и его приемников, оставались неизменными вплоть до Великой Отечественной войны. Это давало И. В. Сталину определенное преимущество в борьбе за лидерство и, в конечном итоге, предопределило исход внутриполитической борьбы. Посредством подчиненного ему партийного аппарата он владел полной и достоверной информацией, как в центре, так и на местах. Именно «полной и достоверной» информация была, к примеру, в закрытых письмах секретарей

Схема 1.
Секретные подразделения ЦК РКП (б) – ВКП (б)
в 1919 – 1941 гг. (до Великой Отечественной войны)

партийных комитетов и сводках ВЧК–ОГПУ–НКВД, которые проходили через секретные подразделения ЦК. И, видимо, первыми, куда они попадали, – был рабочий стол И. В. Сталина. Он больше своих оппонентов знал и был в курсе всего, что происходило в партии и в стране как в центре, так и на местах, был в курсе настоящего положения дел, настроения широких масс и партийных работников. И. В. Сталин, обладая определенной информацией, мог предугадать реакцию большинства, как партийных работников, так и народа на те или иные принимаемые решения. Это давало ему возможность подготавливать, а затем и реализовывать адекватные политические решения. В определенной мере он или выражал политические настроения большинства (народа и аппарата) или мог противопоставить большинству свои аргументы. И. В. Сталин, будучи хорошим организатором и партийным функционером, понял и значимость данного подразделения, так как именно через него проходила наиболее достоверная и важная информация. Он, в конце концов, владел кадрами, выдвигая для работы, как в аппарат, так и на массовую партийную работу, нужных ему людей, через которых и проводил свою политику.

1.2. Организационные формы работы и документальное обеспечение защиты информации в структурах РКП (б)–ВКП (б). «Закрытые письма», «Особая папка»

Для документального обеспечения управления и создания оптимальных условий по работе с документами в деятельности государственных и иных структур ведется общее делопроизводство, которое несет в себе управленческие функции. В тоже время секретное делопроизводство с точки зрения защиты информации является одним из организационных методов по защите информации. Партийные нормативные документы, начиная с 1922 года, разграничивали ведение партийного и государственного делопроизводства. Кроме этого в государственном делопроизводстве запрещалась устная или письменная ссылка на секретные партийные документы. Первоначально секретные подразделения партии были созданы для ведения секретного делопроизводства, выполнявшие чисто технические функции. Так в 1922 году в Бюро Секретариата входило Секретное делопроизводство со штатом 18 человек. Подразделением руководил заведующий, секретное делопроизводство вели старшие делопроизводители и делопроизводители 1-го разряда. В штате также имелись машинистки, телеграфисты, курьеры. Секретное партийное делопроизводство существовало, но общих правил его ведения не было. Так, в секретном циркулярном письме ЦК всем Областным бюро ЦК, национальным КП, обкомам, горкомам, направленном в январе 1923 года, ЦК предлагало всем партийным комитетам руководствоваться, установленной для советских учреждений «Инструкцией о порядке хранения и движения секретных документов». Причем, персональная ответственность за правильное применение инструкции возлагалась на ответственных сотрудников[1].

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 697. Л. 335.

Первые партийные инструкции, относящиеся к работе с секретным документам, касались только наиболее важных секретных документов, таких как протоколы заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата. Только в 1923 году в ЦК разрабатывается и партийная «Инструкция о порядке хранения и движения секретных документов», а также инструкция, регламентирующая порядок заготовления, регистрации, пересылки, хранения секретной корреспонденции и порядок пересылки секретной корреспонденции за границу[1]. В том же году в аппарате ЦК были упразднены входящие журналы регистрации конспиративных документов и разносные книги, которые были заменены карточной системой регистрации. В 1923 году Управление делами ЦК проводит работу по унификации и приведению в порядок делопроизводства и архивов аппарата ЦК. В мае – июне 1923 года было утверждено «Положение о единой системе делопроизводства, регистратуре и архива Секретариата ЦК РКП (б)»[2]. В ЦК была создана единая Центральная регистратура, где принималась и регистрировалась вся поступающая корреспонденция. Секретная корреспонденция, адресованная в Политбюро или Секретариат ЦК принималась и регистрировалась на карточках, затем рассылалась исполнителям непосредственно через Бюро Секретариата, в котором была своя секретная регистратура.

Разным было отношение в ЦК к исполнению несекретных и секретных документов. Простая корреспонденция рассылалась по принадлежности не позднее двух часов после получения, а секретная немедленно после регистрации. После исполнения и временного хранения в делопроизводстве, документы сдавались в особый секретный архив. Секретные документы в Центральный архив не сдавались. Если простые справки можно было получать из регистратуры устно, то секретные выдавались по письменным требованиям Секретарей ЦК, заместителей и заведующих отделами.

В 1924 году в Бюро Секретариата секретное делопроизводство было в ведении Секретаря Бюро Секретариата, которому подчинялись старшие делопроизводители, референты, переводчики, регистраторы, машинистки и т. д. – общим количеством более 40 сотрудников. Количество секретных документов проходящих через секретную регистратуру и экспедицию Бюро Секретариата было достаточно большим. К примеру, за период с апреля по сентябрь 1925 года в секретной регистратуре было зарегистрировано 15960 документов, в среднем от 103 – до 109 документов в день[3]. Отправлено по адресам через секретную экспедицию за апрель – сентябрь 1925 г. было иногородних пакетов –

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 697. Л. 343–346.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 488. Л. 60–62 об.

[3] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 944. Л. 268.

11635; по г. Москве – 27 095; посылок – 167. Иногородней корреспонденции было отправлено от Секретариата Политбюро – 1508; от Секретной регистратуры – 9775; ЦК ЛКСМ – 3765; Отделов ЦК – 2790. Городской корреспонденции было отправлено от Секретариата Политбюро – 7958; от Секретной регистратуры – 15817; ЦК ЛКСМ – 1089; Отделов ЦК – 2228[1]. Через Секретную регистратуру Бюро Секретариата с 25 мая 1924 по 25 января 1925 года было отправлено 108142 пакета[2]. Как видно, цифры значительные, но необходимо заметить, что это всего лишь пятая часть из общей корреспонденции ЦК за данный период, что является вполне нормальным в соотношении несекретной и секретной информации.

Ко второй половине двадцатых годов оформилась и структура подразделений, занимающихся секретным делопроизводством. 1926 году, после создания на базе Бюро Секретариата Секретного отдела ЦК в его составе было несколько подразделений, которые обеспечивали секретное делопроизводство. К ним относились: Текущее делопроизводство, Контрольный подотдел, Справочно-кодификационный подотдел, Подотдел учета и возврата документов, Общий подотдел, Секретная регистратура, Бюро машинописи с его особой секретной частью, Экспедиция, Бюро (секция) стенографистов. К примеру, Текущее делопроизводство являлось частью Секретной регистратуры и состояло из 9 частей. Оно занималось приемкой, классификацией, учетом движения, раскладкой документов по соответствующим делам, ведением карточек, контролем исходящих документов. В их обязанность также входила раскладка поступающих газет и журналов, хранение и учет писем, поступающих на имя Секретарей ЦК, подготовка материалов к уничтожению, выдача справок и т. д. В Текущем делопроизводстве хранились документы по вопросам, не подлежащим обсуждению на Политбюро, Оргбюро, Секретариате. В данном подразделении также имелся архив в составе старшего и трех архивариусов[3]. Через Секретную Экспедицию осуществлялась отправка секретной корреспонденции по Москве, иногородней корреспонденции, документов за границу. Корреспонденция перевозилась самокатчиками и через органы фельдсвязи.

В 1926 – 1927 гг. наблюдается активизация всей секретной работы ЦК, в том числе и работа по организации и регламентации секретного делопроизводства ЦК. Так, к примеру, в 1926 г. были разработаны «Инструкция Секретной экспедиции Бюро Секретариата ЦК ВКП (б)»[4], инструкция «О порядке регистрации и отправке исходящих секретных

---

[1] См. Там же Л. 265.

[2] См. Там же Л. 350.

[3] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 539. Л. 1–7.

[4] См. Там же. Л. 62–70.

бумаг»[1]. Исходя из данной инструкции, вся секретная корреспонденция, в том числе и отделов ЦК, подлежала отправке только через секретную регистратуру. В 1927 году были подготовлены: положение – «О секретной части Машинописного бюро при Управлении делами ЦК ВКП (б) и ЦК ВЛКСМ»[2], а также «Инструкция по регистрации секретных входящих бумаг ЦК ВКП (б)»[3]. В этом же году был определен состав секретных документов ЦК, имеющий важное оперативное значение для регламентации и определения секретных и несекретных документов ЦК. Состав входящих секретных документов был зафиксирован в «Перечне входящей корреспонденции, подлежащей регистрации в Секретной регистратуре»4. В конце 1926 года также был определен порядок вечерних дежурств регистратора Секретной регистратуры по исходящей корреспонденции, на что была составлена соответствующая инструкция, согласованная с заведующим Секретным отделом И. П. Товстухой и заведующим Секретной канцелярией Бреманном[5]. Вечерние дежурства в регистратуре осуществлялись с 15.30 до 23.00 по рабочим и с 11.00 по 19.00 выходным и праздничным дням.

В 1929 году в целях конспирации вместо наименований отделов вводятся цифровое обозначение секторов, за которыми скрывалось подлинное назначение подразделений Секретного отдела. Это относилось и к секретному делопроизводству. Так шифровались подразделения ведущие секретное делопроизводство: Секретариат, ведущий делопроизводство Политбюро – II сектор; делопроизводство Оргбюро – III сектор; учет, контроль и возврат конспиративных документов – V сектор; канцелярия (регистрация, внешняя и внутренняя связь, машинопись, стенография) – VIII сектор.

В 1930-е годы система секретного делопроизводства немного изменилась. В 1932 году четыре подразделения Секретного отдела занимались непосредственно секретным делопроизводством. Из них два – делопроизводством Политбюро и Оргбюро, третье – обеспечивало рассылку документов в зашифрованном виде, четвертое – учитывало возврат документов высших органов партии, рассылавшихся для исполнения и информации на места, а также определенному кругу партийно-государственных руководителей. Канцелярия Секретного отдела обеспечивала вспомогательные операции: регистрацию, связь, перепечатку документов, стенографирование заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата. В дальнейшем секретное делопроизводство сосредотачива-

---

[1] См. РГАСПИ. Л. 21–22.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 537. Л. 42–44.

[3] См. Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 538. Л. 195–198.

[4] См. Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 542. Л. 336.

[5] См. Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 539. Л. 19–20.

лось в организованном в 1934 году Особом секторе ЦК. К сожалению, автор не располагает документами, освещающими процесс ведения секретного делопроизводства Особым сектором. Но известно, что Особый сектор по своему функциональному назначению продолжал работу Секретного отдела ЦК.

Таким образом, организация секретного делопроизводства, являлось основным и важнейшим организационным мероприятием РКП (б) – ВКП (б) по защите информации в партийных органах, так как именно организационные формы в данный исторический период были определяющими и преобладали над техническими средствами защиты информации. Это было, прежде всего, связано с низким уровнем развития специальной техники, когда человеческий фактор и организационные методы защиты информации были основными.

Другим средством защиты информации в партийных органах в данный период являлось организация закрытых (секретных) заседаний высших органов партии. Несмотря на секретность обычных заседаний, решением Политбюро от 5 февраля 1927 года, два раза в месяц вводится проведение регулярных закрытых заседаний Политбюро. На заседаниях, кроме членов Политбюро, могли присутствовать только кандидаты в члены Политбюро и представители Президиума ЦКК в Политбюро, а в их отсутствие – заместители, а с 5 мая было разрешено присутствовать и Секретарям ЦК. С 12 мая 1927 года вместо закрытых заседаний Политбюро устанавливалась закрытая часть обычных заседаний, на которых присутствовали члены и кандидаты в члены Политбюро, а также члены Президиума ЦКК. Однако известно, что в ряде случаев, как, например 23 июня 1927 г. на закрытой части заседаний Политбюро присутствовали и рядовые члены ЦК[1]. Вызов докладчиков на закрытые заседания Политбюро устанавливался Секретариатом ЦК. Всего было проведено 11 закрытых заседаний, на которых рассматривались вопросы внешней политики и международных отношений (возможно в связи с ультиматумом Керзона). Но 11 августа 1927 года Политбюро упразднило регулярное проведение закрытых заседаний. Решено было собирать закрытые заседания по отдельным вопросам каждый раз по особому постановлению Политбюро. Но позже, постановлением Политбюро от 30 декабря 1930 года, практика регулярных закрытых заседаний была восстановлена: «Слушали: 17/27. – О заседаниях Политбюро (т. Сталин). Постановили: а) На заседаниях Политбюро по 10-м, 20-м и 30-м числам заслушивать только вопросы ГПУ, НКИД, обороны, валютные (секретные) и некоторые внутрипартийные вопросы, перенося рассмотрение остальных вопросов на очередные заседания Политбюро (5,

[1] См. *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б)... С. 119.

15 и 25 каждого месяца). в) Поручить составление повестки Политбюро Секретариату ЦК совместно с т. Молотовым.

Следующее заседание ПБ назначить на 7 января (в 12 часов дня)»[1].

Постановления принятые на закрытых и внеочередных заседаниях Политбюро чаще всего фиксировались в виде приложений к протоколам очередных заседаний в рубрике «решения Политбюро» без указания списков присутствующих на заседаниях»[2]. В 1929 году, к примеру, было проведено три закрытых заседания, на которых рассматривались вопросы обороноспособности страны.

В процессе усиления личного влияния И. В. Сталина, когда все больше вопросов решалось непосредственно им, членами Политбюро – его сподвижниками и сторонниками, а также в связи с обострением международной обстановки, особо важные секретные вопросы рассматривались узким кругом доверенных Генеральному секретарю партии, лиц. Для решения таких вопросов постановлением Политбюро от 14 апреля 1937 года были созданы специальные комиссии при Политбюро ЦК ВКП (б): «Слушали: 53. О подготовке вопросов для ПБ ЦК ВКП (б). Постановили: В целях подготовки для ПБ, а в случае особой срочности – и для разрешения вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики, создать при ПБ ЦК ВКП (б) постоянную комиссию в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л., Ежова.

В целях усиленной подготовки для ПБ срочных текущих вопросов хозяйственного характера создать при ПБ ЦК ВКП (б) постоянную комиссию в составе тт. Молотова, Сталина, Чубаря, Микояна и Кагановича Л.»[3]. Эти комиссии просуществовали и до Великой Отечественной войны.

Информационному обеспечению работы центральных органов партии, ЦК придавал особо важное значение. В структуре Центрального комитета с самого начала существовало подразделение обеспечивавшее сбор, систематизацию и направление информационного материала заинтересованным инстанциям ЦК и на места. Данная информация, в форме информационных и статистических отчетов, носила как открытый, в определенных рамках для членов партии, так и закрытый характер. Секретная (закрытая) информация предназначалась для строго определенного круга пользователей. Образовались и определенные специфические виды и целые комплексы секретных документов. Наиболее известные из них, так называемые «закрытые» или «политические» письма

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 112.

[2] См. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов Л. 176.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 986. Л. 16–17.

и «Особые папки». Система информационного обеспечения через закрытые письма сложилась в начале 1920-х годов. Первое упоминание о них в протоколах Оргбюро секретариата ЦК встречается в 1922 году. Так, в разъяснении циркуляра ЦК РКП (б) № 31, направленным всем обкомам, национальным ЦК и облбюро ЦК РКП (б), подтверждается, что наряду с открытыми информационными и статистическими отчетами: « ...один экземпляр политического письма секретарей организаций высылается в областной комитет или областное бюро ЦК или в свой национальный ЦК, а другой в ЦК РКП (б). ЦК РКП (б) предлагает всем областным бюро ЦК, обкомам и национальным ЦК, наблюдать за точным выполнением указанного циркуляра местным организациям... В политписьмах секретарей обкомов, национальных ЦК и облбюро должны даваться согласно предложенного плана, общие обзоры о положении всей области с краткой оценкой и характеристикой состояния и работы парторганизаций, входящих в данное объединение»[1]

По материалам закрытых писем секретарей, Орготделом ЦК ежемесячно составлялись письменные сводки для Секретариата ЦК. Следует отметить и состав сведений, который должен был освещаться в закрытых письмах. Так, например, в политическом докладе Харьковского губкома в ЦК, за май – август 1922, были освещены вопросы экономического и политического состояния губернии; состояние партийной организации; рост партийной организации и ее состав; работа на производстве; работа среди беспартийных, женщин, молодежи, профсоюзах; работа в милиции, военных ячейках; работа в селе, шефство над селом; агитработа[2]. Для чего это делалось? Так, на заседании Секретариата, 27 сентября 1922 года, на котором рассматривался вопрос о закрытых письмах, постановили: «Поручить Орготделу в конце каждого месяца составлять письменные сводки о состоянии и работе партийных организаций о политическом настроении населения и о важнейших явлениях экономической жизни, пользуясь материалами закрытых писем секретарей, полученных за данный месяц. 2. В случае необходимости немедленного принятия мер по тому или иному закрытому письму, предложить Орготделу вносить практические предложения на Секретариат»[3]. В ноябре 1923 года Бюро Секретариата составило сводку для Секретариата ЦК по закрытым письмам за июль – сентябрь и первую половину ноября 1923 года. В сводке отмечались такие направления деятельности, как практические и общие вопросы, выдвигаемые секретарями; предложения об улучшении в той или иной области; положительные мероприятия;

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 356. Л. 73.
[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84 Д. 362. Л. 9.
[3] Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 374. Л. 3.

ЗОРКО ОХРАНЯЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ УРОЖАЙ

БУДЬ
БДИТЕЛЬНЫМ!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ НАСТУПЛЕНИЕМ
ПРЕОДОЛЕЕМ СОПРОТИВЛЕНИЕ КЛАССОВОГО ВРАГА, ТРУДНОСТИ
и УМНОЖИМ ДОСТИЖЕНИЯ

ЗАВОЕВАНИЯ
ОКТЯБРЯ
НЕ ОТДАДИМ!

РЕБЯТА, ЗАЩИЩАЙТЕ РОДИНУ!
ВЫСЛЕЖИВАЙТЕ ВРАГОВ, СООБЩАЙТЕ ВЗРОСЛЫМ!

ВКП(б)
ВОСПИТАЕМ ПОКОЛЕНИЕ, БЕЗЗАВЕТНО
ПРЕДАННОЕ ДЕЛУ КОММУНИЗМА!

отрицательные явления внутрипартийного характера; наиболее яркие факты из жизни РКСМ; деятельность антисоветских партий[1].

Как видно, информация, заключенная в «закрытых» письмах, служила не только источником, содержащим информацию для сведения, но и давала возможность высшим органам партии принимать практические действия для решения тех или иных вопросов. Но, все же, информация, получаемая Орготделом от секретарей парторганизаций, не всегда удовлетворяла Центральный комитет. Поэтому ЦК направлял на места секретные указания по поводу составления закрытых писем. Так в конце 1922 года всем секретарям облбюро ЦК, национальных ЦК, обкомов и губкомов, заведующим Орготделом ЦК было направлено секретное письмо с разъяснениями, в каком виде и какую информацию предоставлять в ЦК. В письме указывалось: «В циркуляре об отчетности ЦК были даны общие указания о характере содержания закрытых писем секретарей партийных комитетов. Не смотря на это, полученные письма в большинстве страдают отсутствием плана и конкретизации сообщений, бледны по своему внутреннему содержанию и, почти не освещают жизнь партии ее работу среди рабочих и крестьянских масс. Поэтому ЦК, в дополнение к уже изданным циркулярам о закрытых письмах, считает необходимым сделать следующие указания: Оставляя прежний план изложения закрытых писем (цирк. № 31), необходимо главное внимание в них сосредоточить на состоянии и работе парторганизаций: выявление отрицательных и положительных процессов в них и на работу партии среди беспартийных масс. Эти сообщения необходимо подкреплять больше цифрами, фактами и иллюстрациями. 2. При освещении политического и хозяйственного положения данной области или губернии необходимо избегать повторений в сообщениях, а также отказаться от загромождения писем административно-хозяйственными вопросами, которые могут быть и должны решаться в советском порядке. 3. Необходимо больше внимания уделять процессам социального и политического характера, происходящим в деревне, как то: рост политической активности кулачества, факты классовой борьбы в деревне и т. п. Наравне с этим необходимо освещать в письмах формы и содержания движения среди интеллигенции и духовенства. 4.При составлении закрытых писем необходимо руководствоваться уже ранее сделанными указаниями о размерах последних, составлять их по возможности короче, но и конкретнее. Вместо общих рассуждений и общих фраз при оценке тех или иных событий, в роде, – «настроение удовлетворительное» или «не удовлетворительное», «промышленность развивается», «духовенство благополучно раскалывается», «про-

[1] См. Там же. Ф. 17. Оп. 84 Д. 492. Л. 139–142.

фессура под видом науки проводит буржуазную идеологию» и т. п., необходимо так сгруппировать наличный конкретный материал и снабдить его иллюстрациями, наиболее яркими и характерными фактами и цифрами, чтобы оценка сама вытекала из приводимых данных[1]. Как видно, ЦК подробнейшим образом инструктировал партийные комитеты как готовить закрытые письма.

В 1923 году в аппарате ЦК был установлен порядок работы с «закрытыми» письмами секретарей обкомов. Разработка данных писем поручалась Орготделу и Бюро Секретариата: « 1) Разработка вопросов по партийной линии сосредотачивается в Орготделе. 2) Разработка вопросов по хозяйственной и советской линии сосредотачивается в Бюро Секретариата. 3) Бюро Секретариата и Орготдел взаимно осведомляют друг друга путем обмена копиями переписки по закрытым письмам. 4) Закрытые письма прорабатываются в недельный срок»[2]

Но установленный таким образом порядок не отменял рассылку материалов по «закрытым» письмам и протоколам губкомов и обкомов и самих «закрытых» писем, осуществляемую Информотделом в отделы ЦК. Надо отметить, что секретная информация, исходящая из информационного отдела, должна была быть за подписью или с визой одного из Секретарей ЦК.

Количество и категории должностных лиц, имеющих право знакомиться с содержанием «закрытых» писем, было строго ограничено. Так, 8 марта 1923 года на заседании Политбюро был утвержден список должностных лиц, получающих и имеющих право знакомиться с содержанием «закрытых» писем: «Приложение: к п.17 пр. ПБ № 54 от 8. 3. 23 г.

Вместе с тем указывалось, что секретарь губкома имеет право знакомить с содержанием письма секретарей укомов, приезжающих в губком и что секретарь губкома или член Бюро губкома может, в необходимых случаях, делать на собраниях партактива инструктирующий доклад, используя материал и выводы письма. В мае 1923 года на заседании Оргбюро, видимо по просьбе политуправлений, было принято решение осуществлять посылку закрытых писем политуправлениям фронтов, округов, армий и флотов. Данный вопрос был вынесен на утверждение Политбюро. Состав получателей «закрытых писем» постоянно менялся в зависимости от политической обстановки и принципа целесообразности. Как видно, право получать и знакомиться с данной информацией, имел лишь высший партийно-государственный аппарат. Пересылка секретной информации осуществлялась только через секретное делопроизводство.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 395. Л. 57.

[2] Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 480. Л. 15.

Получают закрытые письма и знакомятся с его содержанием следующие товарищи:

Знакомятся:	Получают:
Члены и кандидаты в члены ЦК	Каждый персонально
Члены и кандидаты в члены ЦКК	Президиум ЦКК в количестве 3–5 писем
Члены Президиума ЦКК	Каждый персонально
Члены УРК	Каждый персонально
Зав. и зам. отделами ЦК и ответственные сотрудники под ответственностью заведующего	Зав. отделом
Ответственные инструктора ЦК	Зав. Орготделом
Редактора: «Правды», «Известий», «Экономической жизни», «Бедноты», «Рабочей газеты».	Ответственный редактор каждой из упомянутой газеты
Члены ЦК РКСМ	Секретарь ЦК РКСМ
Зам. Председателя СТО	Каждый персонально
Члены (коммунисты) Малого СНК	Председатель Малого СНК
Члены (коммунисты) коллегий Наркоматов	Нарком
Председатель Главного концессионного Комитета	Он же
Коллегия ГПУ	Председатель
Члены коллегии ГПУ	Председатель
Нач. ПУР и зам. ПУРа	Начальник ПУР
Члены фракции Президиума ВЦИК	Секретарь
Члены фракции Президиума СОЦИК	Секретарь
Члены фракции Президиума ВЦСПС	Секретарь
Члены и кандидаты ЦК, нац. Компартий, Облбюро, Обкома, Губкома, ГКК, Губ. Рев. Ком, Ответственные инструктора Губкома, Зав. Отделами, Секретарь ГК РКСМ, Редактор, Члены фракции Президиума ГСПС, Президиума ЦИК и Президиума ГИК, Председатель и зам. Председателя ГО ГПУ, командующий войсками округа и нач. ПУ округа	Секретарь ЦК, обкома, Губкома:
Члены райкомов Москвы и Питера и др. промышленных пунктов по списку Орготдела	Секретарь райкома»[1]

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3..Д. 340. Л. 7–8.

Весь, поступавший в ЦК, информационный материал концентрировался в Информационном отделе ЦК. Необходимо было обобщить собираемую информацию, разработать и предоставить материал высшему руководству для принятия соответствующего решения. Особенно это важно было в период усиления внутрипартийной борьбы, связанной с трудностями экономического развития, восстановлением хозяйства после Гражданской войны, неурожаями, безработицей, усилением классовой борьбы в деревне. В свою очередь, Информотдел готовил и рассылал закрытые письма ЦК секретарям парткомов на места и выносил в ЦК вопросы по вопросы по улучшению и совершенствованию информационной работы Необходимо было обобщать собираемую информацию, разрабатывать и предоставлять материал высшему партийному руководству для принятия соответствующих решений. Информотдел ЦК поднимал вопросы, касающиеся информационного обеспечения перед высшими партийными инстанциями. В июле 1924 года отдел подготовил доклад для Оргбюро, где затронул весь комплекс вопросов, связанных с сосредоточением, собиранием и разработкой информации, в том числе и по закрытым письмам.

7 июля 1924 года Оргбюро подготовило проект, а затем утвердило Постановление по докладу Информотдела ЦК. В постановлении обращалось внимание Информотдела на собирании информации о внутрипартийной жизни, о процессах, происходящих в рабочем классе и в деревне, связанных с уровнем зарплаты, безработицей, неурожаями, торговлей и кооперацией. Предлагалось освещать работу Пленумов, Политбюро, Секретариата, в «Правде» и через «Роста», рассылать губкомам, обкомам и укомам ежемесячные обзоры о внутрипартийной жизни и работе ЦК в виде писем. Оргбюро поручало Информотделу, совместно с Орграспредотделом, Агитпропом, Женотделом и отделом Печати, разработать вопрос о концентрации всей информации в Информотделе, приступить к переработке существующей схемы отчетности местных комитетов с тем, чтобы отчетность отражала наиболее важные моменты в текущей жизни партии.

По поводу закрытых писем отмечалось, что: «В целях более полного осведомления губкомов и обкомов о политическом положении и более полного освещения деятельности ЦК признать необходимым наряду с рассылкой протоколов Пленумов и Политбюро рассылку закрытых писем секретарям раз в 3 месяца, при чем материал для них должен подготовляться Информотделом.

6. Отмечая это большое значение, которое имеет регулярная рассылка губкомами и обкомами закрытых писем для оглашения и обсуждения на собраниях ячеек предложить Информотделу разработать имеющийся опыт и подготовить предложение, сводящееся к тому, чтобы в ближайшее время добиться рассылки таких писем всем ГК и ОК

для своих ячеек....Регулярно обращать внимание ГК и ОК на вопросы, которые требуют особого внимания со стороны секретарей ГК и ОК при составлении закрытых писем и отчетов»[1]. Как видно, в данном постановлении намечались основные направления по собиранию, концентрации, разработке и направлении информации как в ЦК, так и на места. Намечалось более шире знакомить членов партии с материалами закрытых писем, вынося их обсуждение на собрания ячеек, т. е. широких партийных масс, смягчая тем самым режим секретности. Особо важно было то, что в своих письмах руководители парторганизаций обязаны были отмечать и негативные моменты. Так, в присланном в Бюро Секретариата ЦК закрытом письме Псковского губкома за май – июнь 1924 года, при анализе состояния парторганизации, политического настроения населения, интеллигенции и крестьянства, в частности, отмечалось, что наряду с ростом организации за счет рабочих от станка, имело место недовольство крестьянами советской властью. Крестьяне были недовольны большим процентом ссуды, медленным темпом землеустроительных работ, взяточничеством лесничих. В письме секретарь также отмечал, что большим вопросом является принятие решения о расформировании ЧОН. Секретарь отмечал в своем письме, что, несмотря на то, что губерния пограничная, сил у советской власти мало, а бандитизм высок[2].

Важно было и то, что в письмах руководители парторганизаций должны были делать свои заключения и выводы, а также вносить предложения по поднятым вопросам. К примеру, в закрытом письме за октябрь – ноябрь, 1924 года, секретарь Омского губкома ВКП (б) осветил общее экономическое положение в губернии, состояние сельского хозяйства и недород урожая, бюджет, хлебозаготовки и торговлю, хлебофуражный баланс, сельхозналог, сбор семенной ссуды, кооперацию, цены и начало заготовительной компании, профсоюзную работу, поднятие производительности труда и заработной платы, безработицу, настроение и процессы в деревне, перевыборы в сельсоветы и райисполкомы, крестьянские комитеты, сельскую интеллигенцию, преступность. В части состояния партийной организации в письме были затронуты такие моменты, как состав партии, социальное положение членов организации, настроения, «болезненные уклоны и явления», отклики на выступления Л. Д. Троцкого, работа в деревне, комсомоле. В заключении секретарь делает выводы об усилении воспитательной работы, о борьбе с пьянством, усилении работы в профсоюзах и деревне, борьбе с частными заготовителями, о сборе семенной ссуды, о поднятии производительно-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 578. Л. 7–8.

[2] См. там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 733. Л. 39–44.

сти труда, об укомплектовании и организации без дефицитной работы кооперации, о пересмотре кадров хозяйственников и т. д..[1]

Для решения вопросов, поднятых в закрытых письмах, ЦК оперативно пересылало информацию определенным ведомствам для рассмотрения. Так, например, письмо Самарского губкома, присланное в ноябре 1925 года, где отмечаются факты превышения налогов с частных торговцев, было направлено заместителю Наркома финансов СССР Н. П. Брюханову, для конкретного решения вопроса. В июне 1924 года, Секретариат поручил Орграспреду систематически отвечать на вопросы, поднимаемые секретарями ГК в своих закрытых письмах, путем инструктивных писем, постановке отдельных вопросов на Секретариате и т. п. За период с мая 1923 по май 1924 года (от XII до XIII съездов) Секретариат ЦК направил местным партийным органам 150 циркулярных документов, из них 30 секретных, т. е. 1/5 часть.

В свою очередь Информационный отдел также направлял Секретарю ЦК И. В. Сталину ежедневные и ежемесячные информационно-политические сводки для постановки вопросов перед Секретариатом. Так, в сводке присланной И. В. Сталину в ноябре 1924 года, были подняты и проанализированы такие наиболее важные для страны вопросы, как экономическое состояние, заработная плата, кооперация, бандитизм, религиозные движения, настроение крестьян, состояние партийных организаций, ленинский призыв, советское строительство, агитационно-пропагандистская работа, работа в деревне и среди женщин, о национальных организациях»[2]. Данные сводки имели гриф «совершенно секретно» и «хранить как шифр». Нередко данные сведения передавались в Центральный комитет совместно со сводками ОГПУ, в обязательном порядке получаемые в ЦК.

Секретариат ЦК также осуществлял контроль и регулярно проводил обследования партийных организаций на местах. Доклады инструкторов ЦК о результатах обследования проходили также через Бюро Секретариата. В тоже время на Оргбюро и Секретариате отмечалось нарушение исполнительской дисциплины, так как не всегда секретари парткомов на местах присылали закрытые письма в ЦК. Так, по постановлению Секретариата ЦК РКП(б) от 16.10.25 г. «О пересылке ГК, ОК, Крайкомов, бюро ЦК и нац. Компартий» говорилось, что: «В связи с не высылкой рядом парторганизаций закрытых писем, ЦК подтвердил необходимость регулярной посылки губкомами, обкомами, крайкомами, бюро ЦК, ЦК нацкомпартий и выделенными для информационной связи закрытых писем в ЦК. ЦК установил присылку закрытых писем 1 раз в месяц, включая в это число писем и донесений по от-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 730. Л. 36–56.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 682. Л. 10–16.

дельным срочным вопросам. ЦК указал, что в закрытых письмах секретари должны освещаться только основные вопросы политической жизни, внутрипартийное состояние и работы организаций, требующие информации ЦК, а также принятия практических мер и дачи указаний, при чем, письма не должны загромождаться местным материалом общеполитического характера»[1].

В 1927 году Информотдел ЦК подготовил ряд основополагающих документов по содержанию информационной работы, такие как «Основные виды информационных материалов, их составление и использование», «Техника информработы (О порядке собирания, обработки и хранении информматериалов)», «Схема учета информационных материалов (по десятичной системе классификации)», где подробно описывались все виды информационной работы и информационных документов. Естественно, в них были проанализированы и личные (закрытые) письма секретарей парткомов. Закрытые письма были отнесены к материалам «для информирования аппарата парткома» и «материалам для информирования вышестоящих парторганов». Так же как и подлинные экземпляры протоколов заседаний съездов, Пленумов, Комиссий ЦК, местных парткомов и их стенограмм, закрытые письма считались наиболее важными документами партии и подлежали засекречиванию и ограниченному использованию. Также отмечалось, что: «Особо важные заседания, пленумы, конференции и пр. стенографируются, при чем стенографические записи речей выступавших товарищей даются им на предварительный просмотр. Первоначальный подлинный текст стенограмм храниться в секретном архиве. Стенографические записи по отдельным вопросам заседаний присоединяются к протоколу заседания, который ведется отдельно. Характер стенограмм (секретно или не секретно) и круг органов и лиц, которым они рассылаются, определяется в каждом конкретном случае особо, в зависимости от обсуждавшегося вопроса»[2].

Существовал и определенный порядок работы с закрытыми письмами. Закрытые (личные) письма секретарей, как информационный материал для вышестоящего парткома, получаемые от секретарей нижестоящих парткомов, обрабатывались следующим образом: «1. а) размножение закрытых писем по кругу работников, определенному парткомом, в целом или сокращенном (конспективном) виде; б) использование приводимых в них сообщений для сводок и разработок. 2. Отдельные письма возможно рассылать по работникам аппарата парткома в конспектированном виде: рассылается не все письмо, лишь ее наиболее существенные места; в начале указываются основные моменты на которые ин-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 701. Л. 3.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 191. Л. 98.

формаппарат считает необходимым обратить внимание; характерные моменты подчеркиваются»[1].

Характер закрытых писем секретарей определяется конспиративностью обращения с ними и возможностью их использования. Закрытые (личные) письма секретарей парткомов в адрес вышестоящих партийных органов должны были ставить своей задачей: 1) постановку вопроса перед вышестоящим парторганом из учета требований, выдвигаемых условиями практической работы; 2) информирование вышестоящего парторгана о наиболее актуальных и важных моментах и вопросах, стоящих или возникающих в работе и состоянии организации, о которых секретарь парткома считает необходимым возможно быстрее информировать высший парторган с точки зрения своей личной оценки. Следует отметить, что закрытое письмо ни в коем случае не заменяло информационный отчет и не имело характер такового: из состояния и работы организации брались только некоторые – актуальные и важнейшие моменты, действительно требующие особого от обычного освещения. Внешне – должна была соблюдаться максимальная краткость в изложении[2]. Закрытые письма секретарей местных парторганов «обрабатывались» вне всякой очереди, конспектировались или размножались в полном виде для руководящих работников парткома. Вышеперечисленные постановления Секретариата ЦК и документы Информационного отдела, в которых достаточно полно регламентировали порядок по составлению, обработке и рассылки закрытых писем, являлись основополагающими для работы с данными документами.

Другими наиболее засекреченными документами ЦК были часть протоколов из обычных заседаний высших органов партии, но решаемых в секретном порядке или непосредственно протоколы закрытых (секретных) заседаний парторганов и секретных комиссий и материалы к ним, формировавшиеся в так называемые «особые папки». Точно не известно время возникновения, как комплекса документов, так и термина «Особая папка». В партийных архивных материалах пока не найден документ, официально вводивший этот термин в оборот и перечень документов, включенных в «особую папку». В любом случае можно говорить об «особой папке» как о комплексе документов особо секретного характера, отложившихся по секретным вопросам на обычных заседаниях и на секретных (закрытых) заседаниях парторганов. В основном – это секретные протоколы и подготовительные материалы к ним: черновики, стенограммы, телеграммы и т. д. По поводу времени возникновения «особой папки» среди архивистов и историков существуют

---

[1] См. Там же. Л. 101–102.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 191. Л. 106.

различные точки зрения. Есть мнение, что «особая папка» существовала уже в 1919 году. Но, как пишет по поводу «особой папки» М. В. Зеленов: «Некоторые решения ПБ наделялись сверхсекретным содержанием и с 1923 года оформлялись как «особая папка».... Появление «особых папок» закономерно и можно только удивляться тому, что они не появились раньше 1923 года, так как Ленин еще в августе 1921 г. предлагал выделять секретные части докладов в секретное заседание ПБ. Немногим раньше, в июле 1921 г. Ленин настаивал на особом хранении протоколов Оргбюро, написав на одном из них: «секретно, в особую обложку»[1].

По произведенным автором работы исследованиям открытых протоколов заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК было зафиксировано, что впервые в данных документах термин «Особая папка» появляется в 1923 году. Первый закрытый протокол «Особой папки», находящийся на хранении в РГАПИ, датируется 31 маем 1923 года. В открытых протоколах первое упоминание «особой папки» мы находим в протоколе № 5 заседания Политбюро, проходившем в январе 1924 года, по вопросам НКИД – так в данном протоколе отмечено: «Решение – "Особая папка"»; в протоколе Политбюро № 40 от 11.12.24 года п. 35 – О лиге наций – «Решение – "Особая папка"». Ранее упоминание «особой папки» в открытых протоколах Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК не встречалось. Как видно, в открытых протоколах обозначался только обсуждаемый вопрос; в постановлении содержание не раскрывалось, а только кратко отмечалось: «Решение – «Особая папка». Материалы к данным постановлениям, черновики, рукописные варианты и т. д., а также текст решения хранились отдельно. Они не включались в протокол, направлялись для хранения в тематические папки Политбюро с обозначением «в протокол не вносить» или «к протоколу не прикладывать». По всей видимости, они хранились либо непосредственно в секретном архиве Политбюро, либо в архиве Бюро Секретариата (Секретного отдела). На наш взгляд, секретные протоколы и материалы к ним и составляли основную часть документов «особой папки» Политбюро. Особые протоколы оформлялись в «нескольких экземплярах и выписки из них рассылались лишь тем должностным лицам, которым предписывалось выполнять соответствующее постановление. Причем рассылалось не все решение полностью, а только тот пункт из него, который касался данного лица. Под каждым решением в особом протоколе делалось указание, кому послана его копия»[2].

---

[1] *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б)... С. 131–132

[2] См. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 21.

По признакам оформления и содержания информации «особые папки» являлись особым комплексом документов высших органов партии. Возможно, и материалы тематических папок Политбюро также входили в «особую папку». «Особые папки» формировались как в центральных органах партии, так и на местах. Один из экземпляров «Особой папки», на уровне не ниже обкома, после формирования пересылался в ЦК. Так, 11 января 1930 года, на заседании Секретариата ЦК

Список
Парткомов высылающих свои решения в том числе и решения «Особой папки» в адрес Оргинструкторского отдела ЦК (Утверждены Секретариатом ЦК ВКП(б) 6.1.30 г.)

1. Московский промышленный обком
2. Ивановский промышленный ОК.
3. Нижегородский крайком.
4. Северный крайком.
5. Западный обком.
6. Башобком.
7. Карелобком.
8. Крымобком.
9. Татобком.
10. Ленобком.
11. Далькрайком.
12. Сред-Аз. Бюро ЦК.
13. ЦК КП(б) Узбекистана.
14. Таджикский обком.
15. ЦК КП(б) Туркменистана.
16. Заккрайком.
17. ЦК азерб. КП(б).
18. ЦК КП(б) Армении.
19. ЦК КП(б) Грузии.
20. Казаккрайком.
21. Севкавкрайком.
22. Сибкрайком.
23. Уралобком.
24. Средне-Волжский обком.
25. Нижне-Волжский крайком.
26. Центрально-Черноземный обком.
27. ЦК КП(б) Украины.
28. ЦК КП(б) Белоруссии»[1]

рассматривался вопрос «О присылке в ЦК решений «Особой папки» местных парторганов», касающийся присылке «Особой папки» местных партийных органов, на котором постановили: «Обязать руководящие парторганы... своевременно высылать все свои решения, в том числе, и решения «Особой папки», в адрес Оргинструкторского отдела ЦК»[2]. К постановлению прилагалось приложение «Список Парткомов высылающих свои решения, в том числе и решения «Особой папки» в адрес Оргинструкторского отдела ЦК: Приложение 4 к пр. 176 п. 121 от 11.1.30 г.

Состав сведений (вопросов), включаемых в «особую папку», а значит, подлежащих засекречиванию, касался самых различных сторон

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 812. Л. 30.
[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 812. Л. 23.

партийной и государственной деятельности. В основном, это вопросы государственной безопасности и внутренних дел, международной, оборонной, национальной, административной, кадровой политики, рекомендации по использованию и сохранности секретных сведений и документов, контроль за соблюдением режима секретности в партийных и государственных органах, антигосударственные выступления и беспорядки, контрреволюционная и оппозиционная деятельность. Так же в «особую папку» включались решения по наиболее важным хозяйственным вопросам, выявленный компромат на руководящих сотрудников и т. д. Но, следует отметить, что вопросы военно-мобилизационного и международного характера, в конце 1930-х годов преобладали. Круг сведений, включенных в «особую папку» парторганов зависел также от статуса, географического положения, социально-экономического потенциала региона. Так, в приграничных районах, в «особую папку» включались вопросы по охране и укреплении границ, в промышленных – работы оборонных предприятий, в национальных – проблемы национальных взаимоотношений и т. д. В принципе, в «особую папку» мог быть включен любой вопрос, считавшийся парторганом особо секретным и не требующим разглашения. Определенные сведения в те или иные периоды могли носить как секретный, так и открытый характер в зависимости от сложившийся обстановки, значимости и актуальности вопроса. Ответственные сотрудники парторганов должны были следить за недопущением включения вопросов «особой папки» в общий протокол. Так, в 1941 году, не задолго до войны, ЦК дал строгое указание некоторым парткомам не вносить в открытые протоколы, секретные вопросы (секретно-мобилизационное делопроизводство, призыв и учет военнообязанных коммунистов, результаты проверки соблюдения и использования конспиративных документов ЦК, уничтожение архивных документов по оборонно-мобилизационной переписке, халатном отношении к секретным документам, состоянии хранения документов в учреждениях, вопросы закрытых писем и использовании информации закрытого характера, работы оборонных предприятий, разглашения государственной тайны, охраны и укрепления государственных границ, интернирования и переселения с приграничной полосы, укрепления паспортного режима и т. д.) и навести в этом деле порядок.

Таким образом, следует отметить, что «особые папки» велись во всех партийных комитетах, начиная с парторганов на местах и кончая Политбюро ЦК. Содержащаяся информация, и само существование «особой папки», строго засекречивалось. Следует отметить, что, по существу, давая характеристику «особой папки», можно говорить о ней как:

1. комплексе документов, связанных определенной тематикой;
2. части системы защиты особо секретной информации;

3. термине, обозначающий наивысшую степень секретности документов и содержащейся в них информации;

4. ограничительном грифе.

Специфичность «особой папки» состоит не только в вышеперечисленных признаках, но также и в специфическом содержании находившейся в ней информации, которая затрагивала в основном сферы внешней политики, деятельности силовых структур, межпартийной борьбы, кадровой политики. В деятельности партийных органов определился круг вопросов и сведений, которые в обязательном порядке подлежали засекречиванию и внесению в «особую папку». Это сведения, составляющие государственную тайну, вынесенные в «Перечень сведений, составляющий тайну и не подлежащих распространению», а также вопросы внутрипартийной борьбы и те вопросы, которые парторганы засекречивали по политическим соображениям.

В партийном документальном массиве также встречаются и так называемые «внепротокольные решения», которые обсуждались на заседаниях высших органов партии, но не включались в протокол. М. В. Зеленов в своей работе[1] отмечает, что степень секретности их была намного выше, чем «особой папки», так как об их существовании и принятии не знали лица, получающие протокол. Данные документы могли состоять из постановлений, решений, телеграмм и т. д. Они изымались из протоколов и поступали в тематические папки секретного архива Политбюро.

«Особые папки» Политбюро начали рассекречиваться в 1997 году. Из Архива Президента в РГАСПИ передано несколько дел за 1920-е годы в машинописных копиях 1920-х и 1960-х гг. В настоящее время процесс рассекречивания «Особых папок» еще не завершен

---

[1] *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б) ...

1.3. Секретные архивы партии

Решение вопросов документального обеспечения управленческой деятельности ЦК и партии в целом, решение не только чисто партийных, но и государственных вопросов, вело к увеличению количества документов. Все это требовало создания определенной системы по организации хранения и использования документов. Необходимо было создавать партийные архивы, хранящие документы как высших, так и местных парторганов. История создания партийного архива берет свое начало еще с дореволюционного периода. Необходимо было создавать архивы, хранящие документы по истории партии и революционного движения. Для решения этой задачи была создана комиссия, получившая название «Истпарт». Для хранения и документального обеспечения оперативной работы высших парторганов, в отделах ЦК создавались текущие архивы. Так по штатному расписанию, утвержденном Секретариатом ЦК РКП(б) 22 марта 1922 года, Орготдел имел архив со штатом в 3 человека (зав. архивом, помощник зав. архивом, сотрудник архива); в архиве Учетно-распределительного отдела работало 9 сотрудников (зав. архивом, помощник зав. архивом, 2 делопроизводителя I разряда, 2 делопроизводителя II разряда и 3-е конторщиков)[1].

Были свои архивы и в Бюро Секретариата. По Положению о Бюро Секретариата и помощников Секретарей ЦК в 1922 г. в технический аппарат Бюро Секретариата, наряду с канцелярией, секретарями в Политбюро и Оргбюро, шифротделением, входил и архив. В 1924 году В Бюро Секретариата было три архива: в Техническом секретариате Политбюро – 6 сотрудников (зав. архивом, 2 помощника зав. архивом, 3 архивариуса); в Техническом секретариате Оргбюро – 1 (зав. архивом); непосредственно в архиве Бюро Секретариата 5 сотрудников (зав. архивом, 4 архивариуса). Все эти архивы были секретными. В начале дела в секретных архивах формировались по видовым папкам (протоколы, постановления и выписки Политбюро, Оргбюро, Секретариата). Подготовительные материалы первоначально формировались отдельно от протоколов заседаний. Для систематизации папок была введена но-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 395. Л. 9.

менклатура дел. Отдельно для дел Политбюро и отдельно для Оргбюро и Секретариата.

Неоднократно в ЦК поднимался вопрос о создании единого архива. Так на заседании Секретариата 7 декабря 1922 года по этому вопросу был заслушан Управляющий делами ЦК И. К. Ксенофонтов. Секретариат постановил: «... Предложить тов. Ксенофонтову собрать подписи зав. отделами ЦК на проект положения о едином архиве и регистратуре ЦК и в случае отсутствия возражений считать вопрос решенным»[1]. Комиссии под руководством И. К. Ксенофонтова поручалось: «...Осмотреть здание бывшей Думы на предмет выяснения возможности переселения в него Секретариата ЦК»[2]. Кроме того, на том же заседании Секретариата, по вопросу об архивах поручалось: «... Истпарту совместно с Агитпропом и Главархивом в двухнедельный срок представить в ЦК проект мероприятий по собиранию и охране материалов революции (документы, фотографические снимки, фильмы и т. д.)»[3]. Много документов ЦК накопилось в учреждениях и у отдельных лиц, в свое время присланных им для работы. В виду этого, по решению ЦК, в 1924 году была создана комиссия по изъятию «цекистских» документов.

К середине 1923 года были проведены ряд мероприятий по унификации и централизации делопроизводства и архивов аппарата ЦК. Кроме Центрального архива ЦК оставались и архивы отделов ЦК, которые были организованы по единой для ЦК системе. С февраля 1924 г. было введено положение о едином делопроизводстве во всех архивах Секретариата, система «по папкам-делам» упразднена и создан Единый архив в ведении Управления делами ЦК. В архиве и делопроизводстве Политбюро система по тематическим папкам сохранялась.

К середине 1925 года введение в ЦК системы единого делопроизводства было завершено. Новая система делопроизводства привела к новой системе комплектования дел. Каждая папка теперь должна была соответствовать заседанию Оргбюро или Секретариата. В архиве Бюро Секретариата началась работа по созданию чистовых вариантов протоколов заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата, к которым присоединялись и материалы к ним. Продолжалось и комплектование архивов ЦК. Так, в 1928 году Секретный архив Секретариата принял на хранение документы за 1925 год.

С 1924 года ЦК взял курс на обособление архивов партии от общегосударственной системы архивного хранения, т. е. курс на систему ведомственной принадлежности и ведомственного хранения. В связи с

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 395. Л. 9.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 5.

этим партийные документы не подлежали передачи на государственное хранение в Политическую секцию Архивов Октябрьской революции. В этом были свои плюсы и минусы. С одной стороны, все это увеличивало степень закрытости и ограничивало допуск к партийной информации, но в тоже время, с другой стороны, увеличивало и степень защиты от несанкционированного доступа извне.

Большое количество поступающих документов требовало организационной перестройки уже существующего архива ЦК РКП (б), его расширения и приближения к высшим парторганам, т. е. к главному пользователю. На заседании Оргбюро 9 февраля 1925 года был рассмотрен вопрос об архиве ЦК РКП(б), на котором постановили: « а) Расширить существующий архив ЦК РКП(б) б) Считать этот архив при Секретариате ЦК. в) Перенести этот архив в Кремль. г) Все вопросы, связанные с расширением архива ЦК и перенесением его в Кремль, поручить разработать т. Кагановичу, совместно с тов. Мехлисом при участии т. Канатчикова»[1]. В тоже время Л. З. Мехлисом был подготовлен проект более широкого и конкретного постановления, касающегося архива ЦК. В итоге на заседании Секретариата 13 марта 1925 года было принято более полное и конкретное постановление о расширении архива ЦК, в котором говорилось: «Расширить Архив ЦК, передав ему кроме хранящихся материалов, все материалы и документы, относящиеся к истории партии и хранящиеся в: а) Архиве Октябрьской революции, б) Кремлевском архиве и в) Истпарте. Примечание: Материалы по истории партии, собираемые комиссией ЦК (ОБ пр. № 42 п. 11) должны быть также переданы в архив ЦК. б) Все документы и материалы ЦК за все время его существования и деятельности обязательно должны передаваться для разборки, систематизации и хранения в Архив ЦК. в) Отделы ЦК передают в архив ЦК материалы, имеющие пятилетнюю давность. г) В Архиве ЦК выделить Оперативно-секретную часть для хранения секретных документов. д) Архив хранить в Кремле, а его Оперативно-секретную часть в Секретариате ЦК. е) Назначить Зав. архивом ЦК тов. Товстуху, поручив ему разработать штаты и положение об архиве ЦК. ж) Поручить Орграспреду ЦК в недельный срок наметить соответствующую кандидатуру в качестве зам. Зав. архивом, согласовав с тт. Товстухой и Канатчиковым. з) Вопрос в целом внести на утверждение Оргбюро ЦК»[2]. Как видно, в архивах Секретариата ЦК сосредотачивались почти все документы ЦК как исторического, так и оперативного, в том числе секретного, характера. Некоторые историки, например, М. В. Зеленов, видят в повышенном внимании ЦК к архивной работе целенаправленную деятельность И. В. Сталина, особенно в изъятии

---

[1] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 112. Д. 636. Л. 5.

[2] Там же. Ф.17. Оп. 112. Д. 636. Л. 4.

документов ЦК у ответственных партийных работников, для дальнейшего использования их в политической борьбе, прежде всего против Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова и т. д. Несомненно одно, то что хранение и использование партийных документов, прежде всего, секретных, проходило под контролем Генерального секретаря И. В. Сталина, через подчиненный ему аппарат.

Для хранения секретных документов в архиве выделялась Оперативно-секретная часть. Сам архив переводился в Кремль, а его секретная часть непосредственно в Секретариат ЦК. Заведующим архивом назначался помощник И. В. Сталина и руководитель Бюро Секретариата И. П. Товстуха. Уже немногим более чем через год потребовалась конкретизация, и регламентация хранения документов при сосредоточении той части общего архива, которая находилась в Секретариате ЦК, т. е. наиболее важных и секретных документов. Для рассмотрения вопроса о расширении архива ЦК в мае 1925 года постановлением Оргбюро ЦК была создана комиссия в составе А. С. Бубнова, Л. З. Мехлиса, С. И. Канатчикова. Комиссии поручалось представить в Секретариат проект постановления о распределении и хранении архивных материалов. На заседании Секретариата ЦК 12 июня 1925 года было принято решение: «...при Секретариате иметь на ближайший период два архива: общий Истпарта и Секретный Бюро Секретариата. В общий архив Истпарта передавались на хранение несекретные документы. Все конспиративные документы передавались на хранение в Секретный архив Бюро Секретариата ЦК. Кроме того, снижался порог хранения документов текущего делопроизводства непосредственно в отделах ЦК с 5 до 3-х лет»[1].

Большой объем поступающих документов в секретный архив, организация их хранения и использования, требовало увеличение штата сотрудников Бюро Секретариата. Так на заседании Секретариата 20 ноября 1925 года была удовлетворена просьба Бюро Секретариата об увеличении штата бюро на 8 человек, в том числе для организуемого Секретного архива – 5 человек. Надо сказать, что все сотрудники секретных архивов, как и все сотрудники Бюро Секретариата (Секретного отдела), являлись секретными сотрудниками ЦК, а их руководители (зав. архивами и их заместители) секретными сотрудниками Бюро Секретариата ЦК, работа которых по нагрузке приравнивалась к массовой партийной работе. Так, в списке, утвержденном Секретариатом 30 января 1925 года, мы находим Аустрину (зам. зав. архивом Политбюро), Богословскую (зав. секретным архивом Бюро Секретариата), Быкову (зав. архивом Политбюро).

В 1926 году уже по государственной линии Секретным отделом ОГПУ были разработаны «Правила постановки архивной части секретного делопроизводства в государственных, профсоюзных, кооперативных

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 670. Л. 8.

учреждениях и предприятиях СССР». В данном документе, кроме общих положений, были прописаны правила ведения секретных дел, хранения материалов архива секретной части до сдачи и порядок сдачи дел в органы Центрархива. Изданные Центрархивом, правила поступали в учреждения и предприятия СССР для руководства и организации работы. Работа же с секретными документами партии регламентировалась только партийными постановлениями. Секретный архив постоянно пополнялся новыми документами. Необходимо было определиться с составом и порядком использования документов. В 1925 году был установлен порядок обязательности хранения в Бюро Секретариата ЦК подлинников стенограмм (с авторскими правками) заседаний ЦК и его комиссий, партсъездов и конференций[1]. 11 декабря 1925 года Канатчикову поручалось представить точный список документов секретного архива ЦК, необходимых для издания протоколов партсъездов с указанием, кто персонально может пользоваться документами и внести на утверждение Секретариата ЦК[2].

Наиболее важные документы, по отдельным вопросам, выдавались по решению или согласованию непосредственно на заседаниях Секретариата ЦК. Так, например, на заседании Секретариата 26 декабря 1926 года рассматривался вопрос о выдаче из архива Секретариата ЦК ВКП(б) подлинных материалов по партийным съездам. Даже Истпарту, в данном случае, были выданы не подлинники, а копии документов: «....Выдать Истпарту из архива Секретариата ЦК под личную ответственность т. Канатчикова копии: а) Постановления X съезда по военному вопросу, протоколов счетной комиссии по выборам на том же съезде, принятые, но не опубликованные резолюции: первоначальные проекты резолюций с поправками на X съезде и записки в Президиум, в том числе и касающихся выборов на этом съезде. б) Копии материалов по анонимной платформе, по группе «Рабочей правды» и по рабочей оппозиции. в) Копии закрытых писем тов. Сталина секретарям губкомов за период между XII и XIII съездами, книгу «Материалы партийной дискуссии» и книгу «Протоколы XIII конференции». г) Предложить т. Канатчикову согласовывать в каждом отдельном случае с т. Товстухой вопрос о получении справок по протоколам Политбюро за соответствующий период»[3].

Как видно, среди прочих «закрытых» были и документы, относящиеся к оппозиции. Кроме того, на заседаниях органов партии решались вопросы, связанные с непартийными, но важными, по мнению большевиков с политической точки зрения, документами. Так, по постановлению

---

[1] См. РГАСПИ Ф. 17.Оп. 112. Д. 710. Л. 13.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 716. Л. 4.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 172. Л. 5–6.

Политбюро ЦК КП (б) У от 26 апреля 1926 года, кстати, зафиксированном в «особой папке» ПБ ЦК КП (б) У, касающегося концентрации в г. Харькове всех архивов жандармских управлений, районных охранных отделений, розыскных пунктов, жандармских полицейских управлений железных дорог, губернских и судебных палат, вынесенного на согласование и утверждение в ЦК ВКП (б) постановил: « Согласиться с постановлением Политбюро ЦК КП (б) У от 26.04.26 г. (прот. 21 п. 11) о концентрации всех перечисленных архивов в г. Харькове»[1]. Причем, ЦК компартии Украины мотивировал свое решение тем, что «... Ввиду целого ряда случаев неосторожного обращения с материалами, а также нарушения правил конспирации, в результате чего эти материалы становились известными широкому кругу членов партии и даже беспартийным, а также невозможности при существующем положении устранить подобные явления, считать необходимым концентрацию архивов в Харькове, где «должен быть установлен определенный режим хранения и использования этими материалами»[2]. Центрархив в письме, подписанном Заместителем заведующего Центрархива Адоратским и Зав. Секретариатом коллегии Даубером, считал: «...целесообразной концентрацию в Харькове всех архивов жандармских управлений, районных охранных отделений, розыскных пунктов, полицейских управлений и судебных палат Украины. Несомненно, что в Харькове легче найти подходящее помещение и обеспечить должную сохранность и наилучшее использование этих важных документов»[3].

По постановлению Секретариата ЦК ВКП(б) всем Истпартотделам было разослано секретное письмо за подписью Секретаря ЦК А. Бубнова и зав. Истпартом С. Канатчиковым, в котором говорилось: «В связи с еще не законченной работой по выявлению сотрудников б[ывших] охранных отделений и жандармских Управлений, представляющих опасность для завоеваний Октябрьской революции, архивы названных учреждений и до сего времени сохраняют свою злободневность. Отсюда, во избежание излишней огласки, Управление Центрархива дало всем архивным бюро распоряжение закрыть доступ к пользованию названными архивами; исключение делается для органов ГПУ, Верхсуда и Истпарта. С согласия Истпарта ЦК ВКП(б) условием получения сотрудниками местных Истпартотделов разрешения работать над архивами Охран[ных] отд[елений] и жанд[армских] Упр[авлений] ставится представление визы ответственного секретаря Партийного Комитета»[4].

---

[1] См. Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 200. Л. 9.

[2] См. Там же. Л. 216.

[3] Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 200. Л. 217.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 200. Л. 218.

В августе 1928 года Истпарт и Институт Ленина были объединены в единое учреждение – отдел ЦК ВКП (б), которому было присвоено наименование Институт Ленина при ЦК ВКП(б). В 1929 году вновь поднимается вопрос о создании единого партархива по историческим документам партии. На заседании Секретариата ЦК 25 марта 1929 года рассматривался вопрос «Об организации единого парт. архива», на котором было решено: «а) Признать необходимым немедленно приступить к созданию единого партархива при Институте Ленина. б) Работы по организации архива сосредоточить при Институте Ленина и осуществлять в тесном контакте с Секретным от делом ЦК. в). Создать специальные комиссии из партийных товарищей, знакомых с архивным делом, на которые возложить обязанности по упорядочению, учету и концентрации местных парт. архивных фондов. г) Научно-исследовательскую работу по истории ВКП (б), в том числе научную разработку всех парт арх. материалов, оставить за Институтом Ленина. д) Штатной комиссии ЦК ВКП(б) поручить разработать проект необходимых для этого штатов и смету»[1].

Исходя из принятого решения, при Институте Ленина создается единый партийный архив (ныне Российский государственный архив социально-политической истории), а затем и его 26 местных союзно-республиканских и областных отделений. Все партийные и комсомольские документы с 1917 по 1925 гг. должны были передаваться не в органы Центрархива, а в архивы губкомов и обкомов партии. Таким образом, принятый ранее курс на ведомственный характер партийных архивов, был подтвержден структурно. Для хранения секретных документов в партийных архивах на местах образовывались секретные отделы. В едином партийном архиве должны были быть сосредоточены партийные документы, отложившиеся в делопроизводстве до 1921 года и отдельные документы с 1921 года, утратившие свое оперативное значение и личные фонды. Финансирование единого партийного архива предполагалось производить по смете Института Ленина. 22 марта 1929 года Секретариат ЦК принял постановление о сотрудничестве Института Ленина и Секретного отдела ЦК. В Положении о едином партийном архиве ВКП (б), утвержденном Секретариатом ЦК 28 июня 1929 года, отмечалось, что все основные директивы по руководству партийными архивами даются Институтом Ленина по согласованию с Секретным отделом ЦК. В едином партархиве создавался Секретный отдел, в котором хранились секретные документы. Вопрос о секретности материалов и их рассекречивании разрешалось совместно с представителями Института Ленина и Секретного отдела ЦК, а на местах – секретарем местной партийной организации и заведующим местным

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 714. Л. 3.

Истпартом[1]. Таким образом, единый партийный архив разделяется на исторический и оперативный, последний с подотделами: секретным и общим[2].

В данный период также была проведена большая работа в целях определения сроков хранения и уничтожения партийных документов. Следует отметить, что в состав проверочных и разборочных комиссий по экспертизе ценности документов и определению сроков их хранения входил представитель от Секретного отдела ЦК ВКП (б), а на местах заведующие Секретных частей парткомов. В Инструкции горкомам о хранении конспиративных документов от 10 июля 1928 г. конспиративными считались документы ЦК (циркулярные, нормативные, распорядительные и др.). Сроки хранения конспиративных документов не были обозначены. Они определялись отделами ЦК и передавались на хранение особым образом. Хранилища партийных документов разделялись на две части: общую и секретную. Секретные документы помещались и хранились отдельно от несекретных[3].

Необходимо отметить, что Коллегией Центрархива была предпринята попытка сосредоточить партийные архивы в системе государственного хранения. Коллегия мотивировала тем, что в центре и на местах, был большой процент членов партии, работающих с партийными документами, сконцентрированными в хранилищах органов Центрархива, с созданными условиями отдельного секретного хранения и допуска к ним только по согласованию с партийными органами и ГПУ. Коллегия Центрархива в секретном письме (гриф «строго секретно») в Секретариат ЦК, направленному на имя Секретаря ЦК Т. П. Самсонова, считала целесообразным создание специального партийного архивного аппарата в системе Центрархива. Коллегия считала: «...материалы партийных и комсомольских организаций, потерявших практическое значение и имеющие справочно-исторический интерес, должны сдаваться в Секретно-Политические отделы архивов Октябрьской революции органов Центрархива»[4]. Кроме всего прочего, в письме предлагалось провести чистку персонала и, в необходимых случаях, заменить сотрудников секретных партийных архивов «на вполне выдержанных партийцев, достаточно грамотных и подготовленных». Организации партийных архивов в системе Центрархива, в предлагаемом варианте считалась, по мнению Центархива, экономически более целесообразным вариантом (экономия средств), чем организация самостоятельных партийных архивов. Но, в ЦК победила другая точка зрения – концентрация пар-

---

[1] См. Там же. Ф. 17. Оп.113. Д. 746. Л. 15.
[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.113. Д. 746. Л. 40.
[3] См. Там же. Л. 40–43.
[4] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.113. Д. 746. Л. 49.

тийных документов в системе партийных архивов, подчиненных Институту Ленина (с ноября 1931 г. – Институт Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП (б)). Утвержденное Секретариатом ЦК ВКП (б) 28 июня 1929 г. «Положение о едином партийном архиве» окончательно оформило самостоятельную (ведомственную и закрытую) систему партийных архивов. Через 10 лет, в соответствии с постановлением Оргбюро ЦК ВКП (б) от 2 декабря 1939 года все партийные архивы выводились из подчинения ИМЭЛ при ЦК ВКП (б) и передавались в ведение местных партийных органов, т. е. становились частью партийного аппарата. Так, к примеру, на основании этого постановления Ленинградское отделение Единого партийного архива было преобразовано в Партийный архив Ленинградского обкома партии, а с 1941 г. по 1945 г. он функционировал на правах отдела обкома и Ленинградского горкома ВКП (б).

Наряду с организацией и концентрацией партийных документов в единой системе партийных архивов, создавались специализированные секретные архивы по направлениям деятельности структурных подразделений ЦК. Так, ввиду накопления документов, а также в целях оперативного использования в работе аппарата ЦК информационного материала, по предложению рационализаторской комиссии Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР, вынесенного на заседании Секретариата ЦК 1 января 1931 года, был рассмотрен вопрос об организации при Оргинструкторском отделе ЦК ВКП (б) единого архива ЦК для хранения информационного материала. Организацию архива возложили на Оргинструкторский отдел ЦК, а Секретному отделу ЦК поручалось установить контроль за соблюдением в работе информационного архива установленных ЦК ВКП (б) «Правил ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами[1]. Как видно, данный архив был секретным, на него распространялись правила ведения секретного делопроизводства и соблюдения режима секретности.

Увеличение количества партийных документов, находящихся на архивном хранении, привело к созданию Центрального партийного архива Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП (б), с ограниченным доступом в архив и допуском к использованию архивных документов. Для хранения документов Центрального партийного архива в Москве, на Советской площади было построено специальное здание с хранилищами, которое в 1935 году начало функционировать. 14 октября 1935 года было утверждено постановление Оргбюро «О хранении архива Маркса-Энгельса-Ленина и о порядке пользования документами»[2]. В основном, документы архива, включая подлинники Маркса, Энгельса, Ленина, а

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 205. Л. 23.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 114. Д. 595. Л. 4.

также их страховые копии, находились на особом хранении. Допуск в помещение архива имели только утвержденные по особому списку сотрудники архива, директор института и его заместители по пропускам. Доступ непосредственно в хранилища подлинных документов Маркса-Энгельса-Ленина имели только директор института, заведующий архивом и их заместители, обязательно в присутствии начальника охраны. В постановлении ЦК, касающегося организации архива, отдельными главами регламентировались прием сотрудников на работу и охрана архива. Охрану архива осуществлял НКВД. Сотрудниками архива могли быть только члены ВКП (б). По особому постановлению Дирекции института предписывалось пересмотреть наличный состав сотрудников архива и представить кандидатуры сотрудников института и допускаемых к пользованию документами архива. на утверждение в ЦК ВКП (б)[1].

Позже, также отдельным постановлением Секретариата ЦК «О хранении архива Маркса-Энгельса-Ленина и о порядке использования документами», обязывалось в декадный срок представить на утверждение ЦК Положение об охране архива, Список сотрудников архива, Список сотрудников ИМЭЛ, допускаемых к использованию документами архива, а также кандидатуру начальника охраны архива ИМЭЛ[2].

На местах также были созданы партийные архивы, где хранились документы как исторического плана по истории парторганизации, так и оперативные документы текущего секретного хранения. Секретные документы хранились в оперативно-секретных частях партийных архивов. Режим секретности, хранения и использования регламентировались общими постановлениями ЦК, нормативными документами и местными решениями партийных организаций. В дальнейшем система хранения секретных документов партии вплоть до начала Великой Отечественной войны почти не менялась.

Таким образом, можно констатировать, что система хранения секретных документов партии складывалась и развивалась вместе с системой партийных архивов в целом. Необходимо было определить их место и способы хранения секретных документов. В начале, в основном, в больших отделах ЦК, таких как: Орготдел, Учетно-распределительный, Секретный (Бюро Секретариата) возникали свои архивы оперативных документов, в том числе и секретных. Для документального обслуживания высших органов партии также создавался определенный технический аппарат с архивным хранением документов. Секретные архивы были в Техническом секретариате Политбюро, Оргбюро, Секретариате ЦК и непосредственно в Секретном отделе – Бюро Секретариата. Там откладывались документы секретного делопроизводства, материалы заседаний, протоколы Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК и др.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 595. Л. 47–51.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 114. Д. 600. Л. 19.

В 1924 году архив ЦК расширяется, в нем создается оперативно-секретная часть, осуществлявшая хранение конспиративных документов непосредственно в Кремле. При Секретариате ЦК создавалось два архива: общий Истпарта и секретный Бюро Секретариата. В 1929 году при Институте Ленина создается единый партийный архив и утверждается положение о нем. Архив состоял из двух частей: исторической и оперативной, которые в свою очередь также разделялись на секретную и общую. Партийный архивный фонд в целом делился на несекретные и секретные исторические документы Истпарта и несекретные и секретные оперативные документы действующих органов партии. Все вопросы, касающиеся хранения и использования документов, регламентировались Положением о едином партийном архиве. Параллельно в ЦК имелись секретные архивы Политбюро, Оргбюро, Секретариата, а также текущие архивы отделов. В 1935 году создается Центральный партийный архив Института Маркса-Энгельса-Ленина, в котором сосредотачивались документы исторического плана, бывших архивов Октябрьской революции и Истпарта, подлинники документов Маркса, Энгельса, Ленина, других деятелей революционного движения. В фондах ЦПА (Центральный партийный архив) также имелись документы закрытого, секретного хранения. С 1929 года закрепилось ведомственное закрытое хранение партийных документов, а по постановлению Оргбюро от 2 декабря 1939 года все партийные архивы передавались в ведение местных партийных комитетов и становились частью партийного аппарата. Документы партийных архивов были закрыты для беспартийных, а к секретным документам допускались только члены партии по решению соответствующего партийного комитета. Кремлевские архивы ЦК (Политбюро, Оргбюро, Секретариата) а также архивы Секретного отдела, отделов ЦК всегда оставались закрытыми, допуск к ним был строго ограничен даже для сотрудников ЦК. Данные архивы непосредственно обслуживали высшие органы партии, членов Политбюро и Секретарей ЦК. Нынешний Президентский архив берет свое начало из кремлевских архивов Политбюро, Оргбюро Секретариата ЦК.

Таким образом, можно констатировать, что на рубеже 1918–1919 гг. в партии начала создаваться и затем ко второй половине 1920-х годов сложилась и на протяжении рассматриваемого периода, функционировала система защиты информации в партийных структурах РКП (б)–ВКП (б) со своей структурой, кадрами, документальным обеспечением. Со всеми реорганизациями и изменениями, она просуществовала до Великой Отечественной войны и, по большому счету, до августа 1991 года. Об ее целесообразности, эффективности, направлениям работы и функциональных обязанностях будет описано в следующей главе.

II. СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИИ В ПАРТИЙНЫХ ОРГАНАХ РКП (Б)-ВКП (Б)

2.1. Вопросы защиты информации на заседаниях и в решениях высших органов партии

Одной из функций государства является обеспечение защиты секретной информации. Под защитой информации понимается определенный набор методов, средств и мероприятий. Помимо методов, средств и мероприятий должны быть объекты защиты, органы защиты и пользователи защищаемой информацией. Защита информации должна быть системной, а деятельность по защите информации не бесцельной, а носить целенаправленный характер и иметь вид непрерывного процесса. Таким образом, под защитой информации понимается деятельность по предотвращению утраты и утечки секретной информации.

Защита государственных секретов является одной из основных функций государства в целом, практически каждой стране приходится решать вопросы обеспечения секретности и защиты информации. После октября 1917 года, революция положила начало процессу становления новой формы государственности, провозглашенной большевиками, – Советской власти. Разразившаяся Гражданская война сделала вопросы обеспечения секретности и защиты информации необходимостью, тем более речь шла о власти в государстве, находящемся в состоянии войны. Наряду с решением чисто государственных военных и экономических задач, большевикам в период Гражданской войны, а затем и по-

сле, приходилось одновременно решать вопросы партийного строительства и защиты партийной информации. Вполне естественно, что эти задачи решались на высшем партийном и государственном уровне. Решения во многих случаях, так и документы по принятым постановлениям, носили конспиративный *(термин, долгое время использовавшийся, по старой терминологии нелегальной работы, партийным аппаратом, обозначавший секретность – Г. К.)* характер.

Высшее партийное руководство не раз обращало внимание на вопросы соблюдения режима секретности и в партийном аппарате в целом, а также реагировало на случаи несанкционированной утечки партийной и государственной информации за пределы ЦК. Вопросы разглашения секретных сведений были предметом обсуждений на заседаниях высших органов партии. Так, на заседании Политбюро 8 ноября 1919 года, на котором присутствовали В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский, рассматривалось заявление И. В. Сталина о том, что некоторые сведения о заседаниях ЦК, «хотя и в очень извращенном виде, доходили каким-то путем до врагов». Такая постановка вопроса на тот момент была актуальной. Вспомним, к примеру, что в это время по заданию Добровольческой армии И. В. Алексеева – А. И. Деникина в Москве действовал секретный агент А. А. Борман. Так он, пользуясь старыми связями среди «спецов», устроился на работу в центральный аппарат Наркомторгпрома. По долгу службы ему приходилось принимать участие даже в проводимых В. И. Лениным заседаниях Совнаркома в Кремле[1]. Естественно информация, полученная им, переправлялась противникам большевиков. Существовали также многочисленные антисоветские организации, в частности, организованная В. В. Шульгиным «Азбука», имевшая в 1918 – 1919 гг. в своем составе 26 Политических Центров, а главное – имела своих осведомителей. Так Киевский «...центр, придерживаясь строгой конспирации, занимался разведывательной деятельностью. Его агенты занимали ответственные посты в различных советских административных и военных учреждениях, имели доступ к строго секретным документам и умело саботировали политику Советской власти»[2].

Противодействуя утечке информации, ЦК принимало, в основном, меры организационного характера. Так, к примеру, 8 ноября 1919 Политбюро постановило: «а) Поручить т. Крестинскому и Стасовой обследовать порядок размножения, хранения в Секретариате ЦК и рассылки членами ЦК протоколов заседаний, особенно Политбюро, и ввести такой порядок, чтобы с протоколами было знакомо минимальное количество

---

[1] См. *Борман А. А.* Москва – 1918 г. (Из записок секретного агента в Кремле). // Русское прошлое. 1991. № 1. С. 115–149.

[2] *Бортневский В. Г.* «Разведка и контрразведка Белого Юга» (1917 –1920) // «Новый часовой». С/П. 1995 г. № 3. С. 51.

товарищей. Поручить тов. Крестинскому сделать в следующем заседании Политбюро доклад о принятых мерах. б) Предложить всем членам ЦК осторожно хранить получаемые ими протоколы. в) Излагать протоколы Политбюро возможно осторожнее и короче. г) Решения по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол, а товарищу Крестинскому отмечать их себе для памяти и личного исполнения»[1]. Как видно, в данном случае были приняты меры превентивного характера по ограничению числа пользователей и сокращению сведений, содержащих в протоколах в письменном виде, т. е. меры по защите партийно-государственной тайны.

Первыми организационными шагами в создании системы защиты информации происходило на государственном уровне. Так, первыми мероприятиями государственного масштаба можно назвать организацию контрразведывательной работы и введение системы паспортного контроля для упорядочения процесса въезда и выезда на территорию Советской республики. В ноябре 1917 года были утверждены «Правила въезда и выезда из России», 24 апреля 1919 года был издан декрет СНК «О порядке выдачи заграничных паспортов», в 1920 году, согласно постановлению СТО от 18 августа 1920 года, НКВД было предоставлено исключительное право определять порядок въезда и выезда в отдельные местности. С 1921 года принимаются попытки упорядочить порядок обработки и хранения документов, содержащих государственную тайну, в основном, военного характера. В связи с этим, Управление военно-учебных заведений Западного фронта издало учебное пособие «Военная тайна». Руководствуясь этим пособием, большевики, таким образом, пытались решить проблему защиты военной тайны в действующей Красной армии. 5 мая 1921 года Постановлением Малого Совнаркома создается Спецотдел при ВЧК, который возглавил видный большевик с большим опытом подпольной конспиративной работы, Г. И. Бокия. Именно данный орган, по мнению его организаторов, должен был стать структурой, координирующей все мероприятия по защите государственной тайны в республике. Одним из направлений деятельности данного отдела, было наблюдение за всеми государственными, партийными и общественными организациями по сохранению государственной тайны, а также разработка руководящих и нормативных документов, регламентирующих различные стороны организации защиты государственной тайны в целом по стране. Но, несмотря на принимаемые меры, в начальный период функционирования советского государственного и партийного аппарата, система защиты информации была слабой, как в методическом, так и методологическом отношении. В первую очередь

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 37. Л. 1–2.

было важно определиться как с методами и принципами организации работы по защите информации, так и провести работу в организационно-техническом плане.

Какие же сведения являлись секретными в советском государстве в начале 1920-х годов, каков критерий оценки секретности? Основным критерием при определении степени секретности считалось содержание в информации государственной тайны, а также сведения политического характера. Секретная переписка по степени важности содержания и ограничительного грифа делилась на: «совершенно секретную», «секретную» и «не подлежащую оглашению». К «совершенно секретным» документам, к примеру, Наркомата почт и телеграфов по государственной линии, относились документы, переписка, содержащие сведения, составляющие государственную, а также военную, политическую и ведомственную тайну. Это такие сведения как: шифры, коды, руководства, наставления к пользованию или вся переписка по вопросу замены, ведения или уничтожения шифров и кодов, ведомственные распоряжения и переписка по вопросам мобилизации: планы выделенных сил и средств связи, порядок их передачи, количественные и графические сведения по этим вопросам и вся переписка, связанная с вопросами подготовки к мобилизации. К «совершенно секретным» также относились распоряжения по вопросам политической цензуры и переписка с правительственными органами по вопросу политической борьбы с контрреволюционными партиями. К «секретной» переписке относились документы, которые по своему содержанию имели косвенное отношение к вопросам «совершенно секретного» характера и по своей важности должны быть известны весьма ограниченному кругу лиц. К «секретным» относились такие сведения, как распоряжения следственного и информационного характера (до суда, по преступлениям должностных лиц), уведомления по перевозке крупных ценностей, сведения о порядке их охраны, и те документы, которые по различным причинам могут быть известны только тем лицам, которые участвуют в решении этих вопросов. К сведениям «не подлежащим оглашению», относилась та информация, которая по своему содержанию заключает сведения по проектам и предварительной разработке тех вопросов, которые не могут считаться «секретными», но в процессе своего развития до окончательного их разрешения, могут быть известны в деталях ограниченному кругу лиц, т. е. тем учреждениям и лицам, которые непосредственно принимают участие в разрешении этих вопросов[1]. В делопроизводстве секретные документы велись и хранились отдельно от несекретных. В общих чертах, но, исходя из специфики ведомств, подобные регламентирующие документы были разработаны во всех ведомствах. Аналогичный доку-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 395. Л. 211.

мент был издан и в Красной Армии. Приказ РВСР № 2011 определял порядок обращения с совершенно секретной корреспонденцией. В общем, все сведения, содержащие государственную, военную и политическую тайну, считались секретными.

Но принимаемые меры по охране государственных тайн, были недостаточными. О разглашении информации военного и дипломатического характера с фронтов, постоянно сообщало военное командование Красной армии. Так, к примеру, Главнокомандующий Южной группой войск Красной армии М. В. Фрунзе докладывал В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому и Г. В. Чичерину 19 декабря 1921 года о вскрытии информации англичанами. 29 марта 1921 года на Политбюро слушалось заявление Лежавы о разглашении секретных сведений. К расследованию некоторых инцидентов привлекалось ВЧК. Так, на вышеупомянутом заседании постановили: «Сообщение т. Лежавы принять к сведению, предложив ему передать весь материал с устными добавлениями т. Дзержинскому, которому поручить строго расследовать это дело. Доклад представить в Политбюро» [1].

Первая попытка упорядочить, унифицировать и организовать работу в сфере обработки и хранения секретных документов в масштабах всей республики, была предпринята 30 августа 1922 года. Секретариат ЦК РКП (б) принял постановление и утвердил инструкцию «О порядке хранения и движения секретных документов». Можно констатировать, что это была первая общегосударственная инструкция по вопросам секретного делопроизводства. Заметим, что в этой инструкции впервые было зафиксирован орган по защите секретной информации. Для организации и ведения секретного делопроизводства в учреждениях создавались секретные части. Но все же при ведении данной работы оставалось много неясностей. Так на заседании Политбюро 7 декабря 1922 года, И. В. Сталиным опять был поднят вопрос об опубликовании некоторых, не подлежащих разглашению сведений. Речь шла об информации по Госплану, по халатности и из-за отсутствия конкретных регламентирующих документов, опубликованных в печати. После обсуждения вопроса Политбюро постановило разработать инструкции по соблюдению конспирации, касающиеся не только конкретно Госплана, но и всех ведомств вообще: «а) Поручить комиссии в составе тт. Кактыня, Горбунова, Пятакова, Кржижановского и Куйбышева выработать инструкцию о том, какие постановления Госплана печатанию не подлежат. б) Поручить комиссии разработать также вопрос о порядке опубликования особо щекотливых или сомнительных сведений, касающихся какого-либо ведомства и о способах осуществления данным

---

[1] Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 143. Л. 1.

ведомством контроля над подобного рода сообщениями печати – Созыв комиссии поручить т. Куйбышеву»[1].

В 1923 году на Политбюро также неоднократно ставился вопрос о разработке инструкции и мероприятий по соблюдению конспирации в ведомствах. В итоге была создана комиссия по разработке данных мероприятий, которая на заседании Политбюро 16 августа 1923 года вынесла свои предложения. Особое внимание уделялось внешнеполитическому и внешнеэкономическому ведомствам. Так комиссией были рассмотрены вопросы и выдвинуты предложения, касающиеся НКИД и НКВТ. Это вопросы по линии полномочных представительств, о перевозке секретных документов и дипкурьерской части, секретной переписке в НКИД и НКВТ, материальной обеспеченности сотрудников НКИД, имеющих дело с секретными документами, а также касающиеся переписки по линии Коминтерна и Профинтерна, ГПУ, Разведупра и рассылке шифровок. В представительствах НКИД создавались секретные части и организовывалась охрана помещений. Предполагалось усилить контроль за кадрами, движением персонала, пересмотреть весь наличный состав шифрработников, которые должны были пройти специальные курсы и проверку на надежность и работоспособность, их пригодностью к данной работе. Увольнение и перемещение в шифрчастях НКИД разрешать только с ведома Спецотдела. Также определялся порядок оформления секретной переписки, отправляемой диппочтой. Также предполагался переход на кодовую систему секретной переписки, сосредоточения ее в секретной части, выделением в каждом отделе сотрудника для связи с секретной частью, наблюдением и учетом за проходящей через отдел, перепиской. Запрещалось оставление по окончании рабочего дня секретных документов на руках у сотрудников. Кроме всего прочего, устанавливалась необходимость лучшей оплаты труда сотрудников НКИД, имеющих дело с секретными документами. По линии Коминтерна и Профинтерна также предполагалось введение кода секретных сообщений, определялись некоторые мероприятия по соблюдению конспирации и рассылке шифровок[2]. Как видно, данные вопросы и предложения, хотя и относились к государственной сфере деятельности и касались государственных ведомств, но решались на высшем партийном уровне.

В партийном аппарате также необходимо было упорядочить работу с секретными документами. Вопросы соблюдения секретности при работе с партийной информацией не раз поднимались отдельными членами ЦК. Так, помощник Секретаря ЦК, Назаретян предлагал 22 ноября 1922 года в письме в Секретариат ЦК РКП (б): «В связи с наблюдающимися

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 329. Л. 8.

[2] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 373. Л. 7–10.

случаями: а) передачи выписок из решений ЦК лицами, получающими выписки, лицам, коим не надлежит иметь таковые, б) ссылок (письменных) в советском делопроизводстве и в делопроизводстве профсоюзов на решения парторганов, в) хранения выписок в делах советских и профсоюзных учреждений считаю необходимым, чтобы ЦК вынес следующее постановление: 1. Круг лиц, коим должны рассылаться выписки из протоколов ЦК РКП, партийных комитетов и отдельные распоряжения секретарей ЦК и парткомов определяется одним из секретарей ЦК и секретарями парткомов и адресуются им персонально. 2. Безусловно воспрещается передача выписок и отдельных распоряжений ЦЕКА и парткомов лицам коим выписка или распоряжение не адресовано. 3. Выписки и отдельные распоряжения ЦК и парткомов надлежит хранить в особых личных делах и, не в коем случае. не допускается приложение их к советскому и профсоюзному делопроизводству. 4. Безусловно воспрещается копирование выписок и распоряжений ЦК и парткомов, а также письменная ссылка в советском и в профсоюзном делопроизводстве на решения партии. 5. О всех случаях нарушения этих решений ЦЕКА доводит немедленно до сведения секретаря ЦЕКА РКП для предания виновных к строжайшей партийной ответственности»[1]. Эти предложения были приняты во внимание при разработке инструкций и циркулярных директивных документов ЦК по работе с секретными партийными документами. Так, постановлением Оргбюро ЦК от 30 ноября 1922 года в партийных структурах был принят и вводился в действие «Порядок хранения секретных постановлений ЦК РКП (б)», который для лучшего запоминания решено было печатать на оборотной стороне выписок из протоколов заседаний Оргбюро. Особо следует отметить, что этим постановлением принималось кардинально принципиальное решение, – партийное делопроизводство было отделено от советского и профсоюзного. Этим документом, было положено начало системы отдельного ведения партийного делопроизводства, в том числе и секретного.

Секретными (конспиративными) документами ЦК считались протоколы Пленумов, Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК, Комиссий ЦК, а также другие материалы и документы (выписки из постановлений и решений и т. п.) ЦК с грифами секретности: «секретно», «строго секретно», «особая папка». Поэтому к протоколам заседаний высших органов партии большевики относились наиболее серьезно. Одним из способов, которым использовался партийный аппарат по защите информации в протоколах, было то, что ЦК старался оставлять как можно меньше письменных источников по тому или иному вопросу в повестки дня за-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 393. Л. 209.

седаний. В. И. Ленин, к примеру, был противником фиксаций всех вопросов в протоколе Политбюро. В январе 1922 г. он писал: «Ввиду того, что мы здесь в Москве окружены шпионами меньшевиками и полуменьшевиками, не вносить этого (и подобных) предложений в протокол Политбюро, а записывать их отдельно... нигде, ни в бумагах, ни в шифровках, не упоминать директив Политбюро»[1].

В целях защиты информации многие заседания Политбюро, особенно в начале 1920-х годов, вообще не оформлялись в виде протокола. Имелась даже практика устного решения вопросов. Далее, в основе своей, секретные вопросы оформлялись в глухой нераспространенной форме. В 1923 году было принято решение, что в протоколы Политбюро записывались только решения. Даже обычные протоколы Политбюро имели гриф «совершенно секретно». Секретные пункты обычных протоколов с 1924 года имели лишь ссылку – «См. особая папка». Это формулировка говорила об особой важности вопроса и степени секретности документа. Секретные протоколы закрытых заседаний оформлялись и откладывались в «особой папке». Чтобы избежать политических интриг, В. И. Ленин также был против стенографирования заседаний Политбюро. В отличие от него, к примеру, И. В. Сталин, в будущем часто использовал их в политической борьбе. Начиная с 1923 года, стенографировались доклады и заключения. Прения по вопросам стенографировались только по решению Политбюро. В том же году Оргбюро ЦК принял «Инструкцию о порядке пользования выписками из протоколов и отдельных распоряжений парткомов»[2]. В дополнение к принятым нормативным документам, ЦК принимает меры по усилению охраны помещений Бюро Секретариата[3].

Инструкции по соблюдению секретности и работе с секретными документами партии разрабатывались совместно Секретным отделом ЦК, Специальным отделом ОГПУ (СПЕКО) и утверждались на Политбюро, Оргбюро, Секретариате ЦК. Кроме составления и введения в действие инструкций и правил, большевиками принимались и другие решения, касающиеся партийных документов. Так, постановлением Секретариата ЦК от 7 декабря 1922 года определялся порядок утверждения и опубликования циркуляров ЦК, предложенный Куйбышевым: «В дополнение к прежним постановлениям ЦК принять следующий порядок утверждения и опубликования циркуляров ЦК: 1) Циркуляры, вносимые на утверждение ЦК перед постановкой их на утверждение Оргбюро ЦК, обсуждаются в циркулярной комиссии, как по существу, так и с точки зрения редакционных поправок. 2) В исправленной редакции, за

---

[1] См. *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б)...С. 321.

[2] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 697. Л. 334.

[3] См. Там же. Ф.17. Оп. 84. Д. 696. Л. 16–17.

ответственностью циркулярной комиссии, циркуляр вносится на обсуждение в Оргбюро. 3) Оргбюро ЦК при обсуждении циркуляра определяет способ его распространения (рассылка почтой, телеграфом, опубликование в печати и т. д.). 4) Все поправки и изменения к циркуляру, принятые на заседании Оргбюро, передаются в циркулярную комиссию, после чего циркуляр в исправленном виде передается циркулярной комиссией на подпись того или другого секретаря ЦК (по определению Оргбюро). 5) Перед подписью Секретарем ЦК циркуляр должен быть соответствующим образом зарегистрирован и пронумерован циркулярной комиссией»[1]. Как видно, циркулярные документы ЦК сначала должны были проходить обсуждение на специально созданной циркулярной комиссии, а лишь затем представляться на Оргбюро ЦК. Это делалось в целях разгрузки Оргбюро как от предварительной разработки вопросов вообще, так и от решения второстепенных вопросов. По данному постановлению лишь Оргбюро определяло способ распространения документов, тем самым ставился заслон несанкционированному распространению партийных документов и информации, в том числе и секретной.

Из ЦК выходили и решения, ограничивающие распространение документов и материалов Пленумов ЦК и партконференций. К примеру, Постановлением Политбюро от 2 января 1924 года «О документах, запрещенных к распространению постановлением объединенных Пленумов ЦК и ЦКК» запрещалась выдача материалов ЦК участникам партконференции, до принятия окончательного решения[2].

Особое внимание ЦК уделял работе с конспиративными документами на местах. Секретным отделом ЦК неоднократно ставились вопросы соблюдения режима секретности и хранения секретных документов в партийных комитетах. Это было важно в связи с имевшими место случаями утечки информации. Назрела необходимость четкой регламентации работы с документами парткомов. Так в конце 1925 года Секретным отделом ЦК был определен Порядок пользования секретными документами губкомов РКП (б)[3]. Этот нормативно-регулирующий секретный документ являлся продолжением ранее принятых постановлений Оргбюро от 30 ноября 1922 года и Пленума ЦК РКП (б) от 19 августа 1924 года по этому поводу. Так, лица, имеющие доступ и получающие конспиративные материалы губкомов, несли личную ответственность за распространение и использование данных документов, если на это не было специального разрешения губкома. Здесь мы видим в действии принцип персональной ответственности, когда в случае разглашения

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 395. Л. 5.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 407. Л. 1.

[3] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 615. Л. 136 об.

секретных сведений ответственность несет не только организация в целом, но и конкретно носитель информации. Таким образом, здесь принцип персональной ответственности выступает и как составная часть системы защиты информации. Этим нормативным актом также подтверждалась недопустимость ведения секретных партийных документов в советском и профсоюзном делопроизводстве.

В 1923 – 1924 гг. Управление делами ЦК, и в частности, управляющий делами И. К. Ксенофонтов, много сделал для организации и унификации делопроизводства Центрального Комитета. В 1923 году Управление делами поставило вопрос о хранении секретных документов в отделах ЦК. В связи с этим, ЦК была проведена работа и по организации защиты информации в своем аппарате. Политбюро вынесло этот вопрос на Пленум ЦК. В итоге 19 августа 1924 года Пленум ЦК утвердил Правила обращения с конспиративными документами ЦК РКП (б)[1].

В тоже время для повышения оперативности и эффективности работы высшим партийным инстанциям была необходима информация с мест. В связи с этим парторганы обязаны были направлять информацию о важнейших фактах в жизни местных партийных организаций в ЦК. Центральный комитет, в свою очередь, предоставлял материалы местных парторганов и другую информацию членам Политбюро, Оргбюро, Секретарям и заведующим отделами ЦК[2]. Специальным постановлением 17 июля 1925 года отделам ЦК РКП (б) предоставлялось право непосредственно вести переписку с советскими, профессиональными, кооперативными и прочими организациями, а с 24 июля 1925 года, непосредственно и с партийными организациями. Переписку с организациями отделы ЦК должны были вести только за подписями зав. отделами или их заместителями. Переписка с советскими и другими не партийными органами должна была вестись через коммунистические фракции или руководителей – коммунистов, а с партийными организациями только при условии посылки копии переписки вышестоящим партийным организациям. Переписка отдела ЦК должна была вестись только по вопросам его компетенции согласно положению об отделах. Она велась по вопросам получения информационного материала, подготовки материалов к заседаниям ЦК и его комиссий, передачи поступившей в ЦК переписки на рассмотрение руководителей или парторганизации с уведомлением отдела ЦК о дальнейшем прохождении вопроса, наблюдения за выполнением решений ЦК, инструктирование и дача разъяснений, выяснения о продвижении того или иного вопроса. Отделы ЦК не могли в своей переписке предлагать к исполнению, запрещать или разрешать те или иные мероприятия, давать циркулярные указания

---

[1] См. Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 540. Л. 172–174.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 639. Л. 8.

за исключением случаев, точно предусмотренных положением об отделе или соответствующим постановлением ЦК РКП (б). По вопросам выходящими за пределы прав отделов ЦК, переписка должна была вестись за подписью одного из Секретарей ЦК или ставится на обсуждение ЦК[1].

Внешние, такие как обострение международной обстановки в связи с нотой Керзона, последовавшие затем события на КВЖД; а также внутренние причины – обострение внутрипартийных противоречий в связи со спорами в руководстве страны по вопросу сроков и методов проведения индустриализации, сообщения о перехвате секретной внешнеполитической информации СССР английскими спецслужбами, случаи опубликования секретных сведений в печати, потребовали радикального усиления мер по защите информации. 1926 – 1927-е годы были особенно активными по проведению мероприятий по обеспечению режима секретности как по государственной, так и партийной линиям. Так, в апреле – июне 1926 года были разработаны и утверждены два перечня: «Перечень сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной» и «Перечень вопросов совершенно секретной, секретной и не подлежащей оглашению переписки». Также в 1926 году были приняты общесоюзные инструкции, которые регламентировали отдельные вопросы организации и ведения секретного делопроизводства. На партийном уровне, в 1927 году, были переработаны и дополнены «Правила хранения, ознакомления и возвращения протоколов Политбюро и Пленумов ЦК ВКП», в редакции 1923 года. В аппарате ЦК были усилены меры по охране помещений и входа в Секретный отдел ЦК. Из сотрудников аппарата ЦК в отдел могли войти только сотрудники Секретного отдела, да и то не во все структурные подразделения. Во все подразделения Секретного отдела имели право входа только заведующий и заместители заведующего Секретным отделом, секретарь Секретного отдела, помощники Секретарей ЦК, заведующий Шифрбюро, секретари Техсекретариата и Политбюро[2].

В апреле 1927 года И. В. Сталин инициировал вопрос о выработке самых радикальных мер по обеспечению максимальной конспиративности в работе и пользовании секретными материалами ЦК. На основе обмена мнений 7 апреля 1927 года в Политбюро в срочном порядке была создана комиссия по подготовке проекта постановления по пользованию секретными материалами. В комиссию вошли Н. А. Кубяк, М. М. Литвинов, И. П. Товстуха, И. А. Пятницкий, Г. Г. Ягода, И. С. Уншлихт, Л. М. Карахан. В итоге 21 апреля 1927 года на закрытом заседании Политбюро был заслушан вопрос «О секретных материалах». Политбюро, рассмотрев предложения и, видимо, посчитав их недостаточно

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.112, Д. 680, Л. 9–10; Д. 681. Л. 3–14.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 539. Л. 29, 54.

проработанными, вновь постановило создать дополнительную комиссию в составе теперь уже Н. А. Кубяка, К. Е. Ворошилова, Г. К. Орджоникидзе, В. М. Молотова и И. А. Пятницкого для переработки проекта. Через неделю Н. А. Кубяку поручался созыв комиссии. При обсуждении вопросов, касающихся НКИД и ГПУ, комиссии предлагалось вызвать ответственных представителей этих ведомств»[1]. Как видно, на этот раз состав комиссии был еще более внушительным. В скором времени Политбюро рассмотрело представленный комиссией окончательный проект постановления[2]. И, наконец, 5 мая 1927 года на закрытом заседании Политбюро рассматривался вопрос о секретных материалах. В результате Политбюро утвердило постановление «О пользовании секретными материалами».

Данным постановлением при пользовании протоколами Политбюро рекомендовалось знакомить с выписками из протоколов только тех товарищей, которым они были адресованы, а также регламентировались вопросы осуществления шифропереписки, рассылки, хранения, обращения и пересылки секретных документов. Особо отмечалась конспиративность по организации заграничных архивов и дипломатической почты, а также по отношению к закрытым заседаниям ЦК и сотрудникам, ведущих секретную работу. Особое внимание уделялось контролю за порядком проведения в жизнь настоящих мероприятий. Это постановление имело общегосударственное значение и касалось всех ведомств, учреждений и органов независимо от государственного, ведомственного или иного подчинения. Особо определялся порядок пользования шифропереписки. При передаче строго секретных сообщений обязывалось пользоваться особым секретным шифром. Всем организациям, ведомствам и лицам, ведущим шифропереписку, предлагалось, наряду с шифром, использовать и определенный код. Директивные документы подлежали нумерации экземпляров, и рассылаться с надписью «лично» и вскрываться только адресатом. В целях наибольшей конспирации предписывалось всем учреждениям и комиссиям обсуждать наиболее секретные вопросы на закрытых заседаниях без секретарей и докладчиков, с ведением протокола самим председательствующим, а также предписывалось сократить до минимума количество информационного материала, рассылку которого надлежало производить только тем лицам, которым он необходим для работы. Секретному отделу ЦК поручалось урегулировать технику вручения материалов. В целях обеспечения максимальной конспирации в отношении пользования секретными материалами, ЦК опять же исходил из основного организационного принципа обоснованности доступа, – секретные дела должны быть из-

---

[1] См. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 629. Л. 1.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 633. Л. 4.

вестны лишь тем, кому это необходимо знать, т. е. служебной и политической необходимостью[1].

В 1927 году меняется порядок рассмотрения вопросов на заседаниях высших органов партии в сторону большего засекречивания информации. Выполняя постановление Политбюро, все вопросы НКИД, ИККИ, Военного ведомства и ОГПУ, проходившие через ЦК, слушались теперь, как правило, на закрытых заседаниях Политбюро. Оргбюро поручалось максимально сократить количество присутствующих на заседаниях Оргбюро и Секретариата ЦК. В отношении преступлений в связи с разглашением секретных сведений все сотрудники учреждений и организаций, ведущих секретную работу, подлежали ответственности во внесудебном порядке. ЦКК рекомендовалось вести решительную борьбу с лицами, распространяющими секретные сведения и всякого рода политическими слухами и сплетнями. Специальному отделу ОГПУ поручалось наблюдать за правильным пользованием учреждениями и лицами, имеющихся у них шифров, а также возлагался общий контроль за проведением в жизнь решений Политбюро по защите информации[2].

В 1927 году ЦК принимает решение о необходимости усиления мер по обеспечению режима секретности в партийных комитетах на местах.. Назрела необходимость строго регламентировать деятельность партийных комитетов и секретных органов парткомов. 21 ноября 1927 года ЦК поручает Секретному отделу разработать и согласовать со Специальным отделом ОГПУ документ, определяющий порядок организации работы с конспиративными документами на местах. Работа продолжалась до марта 1928 года. Причем, 23 марта 1928 года, С. В. Косиору поручалось предварительно просмотреть подготовленную инструкцию и доложить на заседании Секретариата ЦК. Так, в марте 1928 года Оргбюро и Секретариатом были утверждены основополагающие для всех парткомов и действовавшие на всем протяжении рассматриваемых хронологических рамок «Правила ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами в партийных комитетах»[3]. Данные правила Секретный отдел разослал для руководства и использования в работе всем национальным ЦК, крайкомам, обкомам, губкомам и окркомам ВКП (б). Правилами 1928 года подтверждались, основные обязанности секретных отделов или частей парткомов по ведению практически всех организационно-технических мероприятий по защите информации, что говорит о функционировании данных партийных подразделений как режимно-секретных органов по типу государственных. Кроме того, общее наблюдение за постановкой секретного делопроиз-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 123.

[2] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 633. Л. 11–16.

[3] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 608. Л. 99–113.

водства в парторганах осуществлял Спецотдел при ОГПУ и его спецотделения на местах. В 1928 году было принято решение о разделении секретного и шифровального делопроизводств. В 1929 году были подтверждены функции ОГПУ по контролю за соблюдением требований секретного делопроизводства. Была принята новая «Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за состоянием секретного и мобилизационного делопроизводства учреждений и организаций». Таким образом, в данный период в связи с обострением международной обстановки вокруг СССР, большевики, посредством своих государственных и партийных структур, приняли адекватные превентивные меры по защите информации и обеспечению режима секретности как в государственных органах, так и в партийных комитетах.

Усиление внутриполитической борьбы со сторонниками Л. Д. Троцкого, также требовали от Политбюро, усиления конспирации. К примеру, на Политбюро, а затем на Пленуме ЦК и ЦКК, 23 апреля 1929 года был рассмотрен вопрос, а затем принято постановление «О конспирации». Пункт «ж» резолюции данного постановления прямо указывал «О внутрипартийных делах». В постановлении Пленума говорилось: «Установить специальные меры – вплоть до исключения из ЦК и из партии, – могущие гарантировать секретность решений ЦК и Политбюро ЦК и исключающие возможность информирования троцкистов о делах ЦК и Политбюро». В связи с этим членам ЦК и ЦКК было предложено «безусловно выполнять» постановление о том, что «секретарями членов ЦК и ЦКК, получающими секретные документы, могут быть лишь люди проверенные и обязательно коммунисты». Членам ЦК и ЦКК было предложено обязать всех своих секретарей «строжайше соблюдать правила секретности», а И. В. Сталину поручено «произвести тщательную проверку секретарей членов ЦК и ЦКК и других товарищей, получающих секретные материалы».

Постановлением 9 мая 1929 года Политбюро обязало Секретариат принять меры к строжайшему исполнению постановления Пленума ЦК и ЦКК от 23 апреля 1929 года «О конспирации»[1]. Окончательно постановление «О конспирации» было утверждено 16 мая 1929 года. Во исполнении данного постановления, в целях наибольшего обеспечения конспиративности документов ЦК, был проведен ряд организационно-технических мероприятий. В частности, был ликвидирован институт доверенных по 2-ой категории, т. е. получавших секретные документы ЦК без права вскрытия. Секретариат ЦК рекомендовал всем лицам, получавшим документы через доверенных, получать и хранить секретные документы лично и возвращать их либо лично, либо через специально

[1] Цит. по О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 77.

выделенного сотрудника Секретного отдела ЦК. Секретному отделу ЦК, в свою очередь, предлагалось максимально упростить порядок возврата секретных документов. Доверенных с правом вскрытия, хранения и возврата документов оставили только у членов и кандидатов в члены Политбюро, членов Оргбюро и Секретариата ЦК, Президиума ЦКК, выделенных для присутствия на заседаниях Политбюро и Оргбюро. Комиссии в составе Б. А. Ройзейнмана, В. И. Полонского, Г. И. Бокия, Я. С. Агранова, И. П. Товстухи (с заменой А. Н. Поскребышевым), М. А. Трилиссера и И. А. Пятницкого поручалось тщательно проверить секретарей и доверенных, а также весь состав сотрудников Секретного отдела. По данному постановлению подтверждался 3-х дневный срок возврата протоколов Политбюро и рекомендовалось в случае не возврата протокола в указанный срок следующего протокола не высылать. Подтверждалось также к неуклонному исполнению постановление Политбюро от 5 мая 1927 года «О пользовании секретными материалами».

В конце 1920-х годов была проведена унификация состава секретных органов и установлена стандартная номенклатура должностей секретных аппаратов учреждений и организаций. В центральных аппаратах ВСНХ, НКИД, НКТ, НКПС были созданы секретные отделы, а в остальных наркоматах секретные части; в главках, управлениях и отделах секретные части и секретные отделения соответственно. Номенклатура должностей секретных органов включала: заведующий; инструкторы; секретари (помощники секретарей); корреспонденты; старшие машинистки (машинистки); архивариусы. Структура секретных органов предусматривала секретное делопроизводство, машбюро, чертежное бюро, стенографическое бюро, группа контроля, группа по учетно-распределительной работе, бюро пропусков и справок. Конкретный состав секретных органов определялся наркоматами по согласованию со Специальным отделом ОГПУ. Как уже было отмечено выше, с 1928 года шифровальное делопроизводство было отделено от секретного. Службы защиты информации техническими средствами имели разные названия: шифровальные отделы или бюро, секретные части, подотделы секретного делопроизводства и т. д. Все они также являлись секретными подразделениями.

На протяжении 1920–1930-х гг. в высших органах партии продолжали подниматься вопросы соблюдения режима секретности по отдельным вопросам. Так, к примеру, 25 июня 1929 года на Политбюро рассматривался вопрос о порядке опубликования резолюций ЦК по докладам хозяйственных органов. В данном случае Политбюро постановило: «Признать необходимым опубликование резолюций ЦК по докладам хозяйственных органов и с изъятием отдельных пунктов, имеющих секретный характер и с приложением отдельных пунктов с

финансовыми ассигновками»[1]. 5 января 1939 года на заседании Оргбюро был поднят вопрос о порядке возврата повесток и выписок из протоколов заседаний Оргбюро и Секретариата ЦК, на котором установили 7-ми дневный срок возврата выписок со дня получения их адресатом и повесток – немедленно после состоявшегося заседания. Отделам ЦК разрешалось оставлять выписки из протоколов на более длительный срок под личную ответственность зав. отделом[2].

В 1930-е – начало 1941 гг., одним из направлений деятельности высших органов партии по обеспечению конспирации по-прежнему была организация работы по созданию правовой базы по обеспечению режима секретности в виде подготовки распорядительных, нормативных и инструктивных документов. В соответствии с постановлениями Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК были разработаны «Правила хранения, ознакомления и возврата протоколов заседаний бюро и Пленумов обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик». Взамен инструкции 1928 года, была разработана и 28 июня 1940 г. утверждена «Инструкция о постановке секретного делопроизводства в обкомах, крайкомах и ЦК республик. Время от времени в ранее действующие инструкции и положения вносились изменения и дополнения. Так, например, в октябре-ноябре 1940 года на Секретариат ЦК было вынесено предложение Б. А. Двинского о некоторых изменениях в постановке секретного делопроизводства в обкомах, крайкомах, ЦК компартий союзных республик. Изменения касались порядка подписи и оформления документов, а также срока их возврата[3].

В поле зрения ЦК постоянно были вопросы публикации партийных и советских документов. Решения об опубликовании тех или иных документов принимались на самом высоком уровне в зависимости от вида и значимости документов. Так, к примеру, документы высших партийных форумов, партийных и советских органов публиковались по решениям Политбюро. Документы местных партийных органов и советской власти на местах – по решениям соответствующих парткомов. Количество и состав публикуемых документов строго регламентировался. В 1930-х годах контроль за публикациями в печати усилился. Так на заседании Секретариата ЦК 3 октября 1933 года рассматривался вопрос «О порядке печатания официальных материалов и докладов в районных и политотдельских газетах». В результате Секретариат принял решение: «Поручить Культпропу ЦК дать указание райкомам и редакциям районных и политотдельских газет о максимальном сокращении помещаемых в газетах официальных материалов (Постановления РК,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 776. Л. 14.

[2] См. Там же. Ф.17. Оп. 114. Д. 653. Л. 17.

[3] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 116. Д. 60. Л. 52.

РИКов, приказов и т. д.)»[1], а 31 декабря 1934 года на заседании Оргбюро рассматривался вопрос «О порядке опубликования и освещения в печати постановлений Оргбюро и Секретариата», на котором постановили: «Установить, что как опубликование, так и освещение в газетах и журналах постановлений ЦК может производиться только с разрешения в каждом отдельном случае одного из Секретарей ЦК. За нарушение настоящего постановления виновного снимать с работы»[2].

Инициаторами, в некоторых случаях, партийных решений по пользованию секретными материалами, являлись советские инстанции. Так как высшие партийные органы, по сути дела, являлись и высшими государственными структурами (руководящая роль закреплялась конституционно), требовалось в определенных случаях, их решение или согласование. Так, к примеру, 3 сентября 1927 года Управление делами Совнаркома СССР направило в Секретариат ЦК ВКП (б) секретное письмо за подписью Управляющего делами СНК СССР Н. Горбунова с предложением о распространении в советском и партийном аппаратах секретных информационных сводок о деятельности СНК СССР и СТО. Данное письмо было принято Секретным отделом ЦК и вынесено на очередное заседание Секретариата ЦК. В результате, рассмотрев вопрос, Секретариат ЦК постановил: «а) Признать целесообразным рассылку секретных информационных сводок и стенограмм о деятельности Совнаркома СССР и СТО местным парторганам в 2-х экземплярах (1 экз. для исполкомов) по списку рассылки конспиративных материалов ЦК всем Президиумам ЦИКов, СНК и ЭКОСО союзных республик от 3-х до 5-ти экземпляров под личную ответственность их председателей. б) Ответственность за сохранение конспирации при рассылке материалов и не включение в эти сводки тех решений кот. подлежат внесению на утверждение директивных органов, возложить на тов. Горбунова»[3]. В марте 1928 года СНК и СТО снова подняли вопрос о посылке секретных информационных сводок. Секретный отдел писал по этому поводу в Секретариат ЦК: «По пост. ПБ ЦК от 15.6.22 г. информационные сводки важнейших решений СНК СССР и СТО до последнего времени рассылались в ограниченном количестве через аппарат Секретного отдела только членам и кандидатам ПБ и представителям ЦКК – в ПБ. В настоящее время эти сводки, отпечатанные в типографии рассылаются Управделами СНК согласно решению Секретариата ЦК от 9.1.27 г.) местным парторганизациям и отдельным товарищам – по расширенному списку. Из товарищей получающих эти сводки через аппарат ЦК, теперь 17 человек получают непосредственно из С-та СНК. Таким об-

---

[1] Там же. Ф.17.Оп. 114. Д. 364. Л. 2.

[2] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 114. Д. 575. Л. 9.

[3] Там же. Ф.17. Оп. 113. Д. 327. Л. 3.

разом, оставшиеся рассылки через аппарат ЦК – только 13 экземпляров. Тов. Горбунов ходатайствует о полной передачи рассылки этих материалов непосредственно аппарату СНК. Целиком поддерживаю эту просьбу, применив этот же порядок и для сводок СНК и ЭКОСО РСФСР и просим утвердить прилагаемый проект постановления. Зав. Секретным отделом ЦК»[1]. В итоге Секретариат ЦК постановил: «Поручить рассылку сводок о важнейших решениях СНК и СТО СССР, СНК и ЭКОСО РСФСР управделами СНК СССР и РСФСР, возложив на них ответственность за своевременную рассылку»[2]. Приведенный пример, в какой-то степени, показывает механизм взаимодействия СНК СССР и ЦК ВКП (б), т. е. высших государственных и партийных органов по принятию решений, касающихся работы с секретными документами.

Одним из направлений деятельности ЦК по защите партийной информации было реагирование на факты ее разглашения. Не смотря на принимаемые меры организационного и административного характера по соблюдению режима секретности, происходили случаи разглашения секретных документов как через органы печати, так и партийные инстанции. Эти инциденты незамедлительно становились объектом обсуждения и решения Секретариата ЦК, Оргбюро, а в особо экстренных или значимых случаях и Политбюро ЦК. Так на заседании Политбюро 15 февраля 1930 года рассматривался вопрос «Об опубликовании Северо-Кавказским и Нижневолжским крайкомами решений о раскулачивании». Последовало довольно строгое, но без оргвыводов решение. Политбюро постановило: «Северо-Кавказским крайисполкомом опубликовано в местной печати и дано в центральную печать подробное решение о раскулачивании во многом буквально повторяющее особо секретное решение ЦК от 30.1., а Нижневолжским крайисполком издал типографическим способом аналогичное же постановление, что фактически также ведет к разглашению секретных решений партии. ЦК считает эти факты совершенно недопустимыми и ставит на вид секретарям крайкомов Андрееву и Шеболдаеву нарушение решения ЦК. Указанное решение ЦК и дополнительно данные им указания подлежат твердому проведению в жизнь с особым внимаем к делу сплочения вокруг партии действительно широких масс крестьянства, что не имеет ничего общего с газетной шумихой и разглашением особо секретных решений партии. Настоящее постановление разослать к сведению всех краевых комитетов и национальных ЦК»[3]. В некоторых случаях принимались меры административного характера. Так, на заседании Оргбюро 8 января 1938 года рассматривался вопрос, поднятый Мехлисом «Об антисоветской

---

[1] РГАСПИ. Ф.17. Оп.113. Д. 606. Л. 175.

[2] Там же. Л. 11.

[3] РГАСПИ Ф.17. Оп.3. Д. 776. Л. 14.

статье в журнале "Трибуна"». В данном случае Оргбюро вынесло суровое решение: «Снять С. Диманштейна с работы редактора журнала «Трибуна» за опубликование антисоветской статьи, направленной к тому, чтобы посеять недоверие избирателей к кандидатам в депутаты Верховного Совета СССР за пропаганду буржуазного национализма. Журнал «Трибуна», выходящий на русском языке, оторванный от читательских масс и дублирующий еврейские газеты – закрыть»[1].

Секретные партийные подразделения не могли не быть в стороне и от политической борьбы. Примером тому служит один из эпизодов. Речь идет о заявлении Л. Д. Троцкого, К. Б. Радека, Г. Л. Пятакова от 29 декабря 1923 г. о «Правде», в котором они обвиняют А. М. Назаретяна и Г. И. Сафарова в подлогах и фальсификации заявлений Л. Д. Троцкого в «Правде» и «просят» наказать А. М. Назаретяна и Г. И. Сафарова и изменить метод работы в «Правде». По этому поводу Л. Д. Троцкий, К. Б. Радек и Г. Л. Пятаков писали: « ...В заключении считаем необходимым указать, что весь этот эпизод имеет колоссальное симптоматическое значение, свидетельствуя о тех поистине трагических опасностях, навстречу которым идет партия при тех методах борьбы, одним из выражений коим являются вышеприведенные факты. Мы считаем, что этому должен быть положен во чтобы то не стало конец и именно сегодня, так как каждый день делает обстановку все более и более опасной для партии»[2]. В ответ на это письмо И. В. Сталин заступается за А. М. Назаретяна, обвиняет Л. Д. Троцкого, К. Б. Радека и Г. Л. Пятакова в фракционности и склоках. В письме И. В. Сталин также затронул вопрос о разглашении секретной партийной информации. Он пишет: « ...Как раньше секретные документы и заявления, направленные против ЦК (например, письмо 46-ти и письмо т. Троцкого и т. п.) становились немедленно достоянием широких кругов членов партии и даже беспартийных и Армии, получая широкое распространение, так, очевидно и настоящее вызывающее заявление будет пущено в широкое обращение для подрыва доверия к ЦК нашей партии и ее Ц. О. Политбюро категорически заявляет, что подобные выступления, носящие типичный характер склоки, грозят действительно создать атмосферу раскола, чреватую серьезнейшими последствиями»[3]. На заседании 4 апреля 1927 года Секретариат рассмотрел справку Заведующего Секретным отделом ЦК И. П. Товстухи в связи с заявлением Л. Д. Троцкого на февральском Пленуме ЦК об отказе выдать ему неправленые стенограммы речей на Пленуме. В своей справке И. П. Товстуха пишет: «На пленуме ЦК 1–2 февраля с. г. тов. Троцкий заявил: «Я не пользуюсь привилегией

---

[1] Там же. Ф.17. Оп. 114. Д. 635. Л. 13.
[2] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 407. Л. 9.
[3] Там же. Л. 4.

получать чужие не выправленные стенограммы....» и другой раз «...По распоряжению тов. Сталина мне не дали стенограмму, когда я ее потребовал». Далее И. П. Товстуха отмечает: «считаю необходимым заявить, что запрещения выдачи чьей-либо не выправленной стенограммы тов. Троцкому или кому бы то ни было из членов ЦК со стороны тов. Сталина никогда не было и категорически утверждаю, что в практике нашей работы не было ни одного случая, когда бы тов. Троцкий просил и ему было бы отказано в выдаче чьей-либо не выправленной стенограммы. Кстати, можно здесь напомнить случай, когда тов. Троцкий попросил дать ему не выправленную стенограмму речи т. Мануильского на IV нац. совещании и счел, тогда же, нужным заявить о «...любезном содействии секретариата» в этом»[1]. Из приведенных примеров видно что, как и весь аппарат ЦК, секретные подразделения в определенной степени были вовлечены во внутрипартийную борьбу. Кстати сказать, разглашение секретных сведений в дальнейшем очень часто ставилось в вину оппозиционерам И. В. Сталина, что инкриминировалось в виде обвинений и на судебных процессах.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что, придя к власти в 1917 году, большевики столкнулись с проблемой защиты информации не только в государстве в целом, но и в партийных структурах. С самого начала функционирования вопросы защиты партийной тайны постоянно возникали в поле зрения высших органов партии. Советской республике пришлось разрабатывать и в тяжелых условиях создавать новую, эффективно работающую, систему защиты государственной тайны. Параллельно с этим, создавалась и система защиты партийной тайны. При сложившемся партийно-государственном устройстве страны, в общем – это была единая партийно-государственная система. Партийная тайна в широком смысле, воспринималась руководством партии и партийным аппаратом как государственная тайна. Многие секретные вопросы сначала проходили обсуждение на самом высоком партийном уровне (но было и наоборот), воплощаясь затем в совместных партийно-государственных решениях. Но, исходя из специфики партийного устройства, отличающегося от государственного, в узком смысле можно говорить и о самостоятельной партийной системе защиты информации со своими секретными органами, секретными функциями, распорядительной и нормативной базой, и раздельным, начиная с 1922 года, общим и секретным делопроизводством. Но нельзя отрицать, что во многом эти системы дублировали друг друга.

Вопросы обеспечения секретности поднимались как отдельными членами ЦК, так и подразделениями Секретариата и ЦК. Инициаторами некоторых вопросов по обеспечению секретности были и государст-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 113. Д. 270. Л. 244.

венные органы власти и управления. Общий же контроль за соблюдением и обеспечением режима секретности в стране возлагался на структуры государственной безопасности, – созданного в 1921 году, Специального отдела ОГПУ. Контроль за соблюдением режима секретности в аппарате Секретариата ЦК и работе с секретными партийными документами в партийных комитетах на местах осуществляли секретные подразделения ЦК – Секретный отдел (Бюро Секретариата, Особый сектор). Они же были инициаторами или по поручению ЦК, ответственными исполнителями мероприятий по вопросам защиты информации. Основная часть вопросов по защите информации Секретным отделом выносилась на Оргбюро и Секретариат ЦК, а наиболее важные, на Политбюро ЦК. Так, на заседаниях высших органов партии обсуждались и принимались постановления по организации обеспечения секретности в партийных и советских органах, и утверждались инструкции, правила, положения и т. д. по работе с секретными не только партийными, но и государственными документами. Особое внимание в ЦК уделялось, естественно, обеспечению секретности собственно в партийных органах.

Таким образом, можно констатировать, что через высшие партийные органы ЦК, проходило и утверждалось все более или менее значимое, что было связано с защитой партийной и государственной тайны в масштабах всей страны. Особое внимание уделялось вопросам просачивания секретной информации из партийных и государственных органов, разглашении информации военного, внешнеполитического и дипломатического характера, а в военное время, сообщениям из фронтов. В парторганах принимались организационные и технические меры по укреплению режима секретности, ужесточению контроля и ограничению количества лиц, имеющих доступ к секретной информации. Для решения данной задачи использовались силы не только партийного аппарата, но и государственных органов. Во многих случаях, в силу своих служебных и функциональных обязанностей, для этого привлекались органы государственной безопасности ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–НКГБ, на которые был возложен общий контроль за соблюдением режима секретности и защиты партийной и государственной тайны. Принимая во внимание специфику функционирования государства в целом, руководящую роль большевистской партии, можно говорить и о существовании своего рода партийно-государственной тайны. Думается, что данный термин имеет право на существование.

В ЦК и партийных комитетах на местах режимно-секретные функции выполняли Секретный отдел ЦК и секретные подразделения (части, отделы) в аппаратах парткомов на местах Работа по организации и функционированию системы защиты партийно-государственной тайны

велась постоянно и носила целенаправленный характер. Также следует отметить, что данная деятельность особенно усиливалась в периоды обострения международной обстановки и внутриполитической борьбы. Так было, к примеру, в 1926–1927-х гг., а затем, и в 1930-е годы, и годы, непосредственно предшествующее Великой отечественной войне. Так, именно в 1926–1927-х годах в ЦК наблюдается наибольшая активность по организации защиты информации. Исходя из постановлений Политбюро «О пользовании секретными материалами», а затем в 1929 году «О конспирации», ЦК ВКП (б) были приняты ряд мер организационного и нормативного характера, закрепляющего основные принципы защиты информации в партийных органах. Данные постановления были основополагающими и обязательными для исполнения не только в работе партийного аппарата, но и в государственных органах власти и управления, а также во всех организациях и учреждениях страны.

Таким образом, можно констатировать, что к концу 1920-х гг. в партийных органах сложилась и в дальнейшем функционировала устойчивая система защиты информации, как в центре, так и на местах. Следует отметить, что данная система формировалась и работала совместно с государственной системой защиты информации в целом.

Ниже приведенная таблица 1, составленная по вопросам повесток дня заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата дает представление о количестве вопросов прямо или косвенно относящихся к защите информации, поднимавшихся на заседаниях высших органов партии с 1919 по 1941 гг. вплоть до Великой Отечественной войны. Косвенными автор считает вопросы, не относящиеся к организации защиты информации конкретно, а проходившие в той или иной степени под грифом секретности и не раскрывающую конкретную суть вопроса. Например, «См. «Особая папка», «Вопросы НКВД», «Вопросы ОГПУ», или «Вопросы НКИД» и т. д.

В силу сложности подсчета, приведенная таблица не претендует на стопроцентную достоверность, но она дает общую картину количества и интенсивности поднимаемых вопросов высших органов партии по защите информации. В принципе, цифры говорят сами за себя. Так, к примеру, большинство вопросов, относящихся к защите информации за 1919 – 1941 гг. решалось не на Политбюро, а на Оргбюро и Секретариате. Соотношение вопросов составляло 67 к 312, т. е. разница более чем в 4 раза, а вместе с косвенными, в 5 раз. Большинство вопросов по защите информации проходило в 1920-е годы, особенно в конце десятилетия, т. е. в период организации и формирования и, в конечном счете, становления системы защиты информации в партийных органах. В 1930 годы уже сформировавшаяся система продолжала в целом эволюционировать отработанным порядком. Следует отметить, (к вопросу

Таблица 1. Количество рассмотренных вопросов, касающихся защиты информации, в руководящих органах ЦК в 1919 – 1941 гг. (до Великой Отечественной войны).

Годы	Политбюро		Всего	Оргбюро	Секретариат	Всего
	Прямо	косвенно		прямо	косвенно	
1	2	*3*	4	5	*6*	7
1919	1	*2*	3	–	*4*	4
1920	2	–	2	2	*3*	5
1921	4	*4*	8	2	*17*	19
1922	3	*1*	4	8	*15*	23
1923	5	*1*	6	6	*15*	21
1924	3	*1*	4	10	*11*	21
1925	1	*4*	5	8	*12*	20
1926	2	*2*	4	44	*55*	99
1927	8	*1*	9	31	*10*	41
1928	1	–	1	39	*5*	44
1929	8	*2*	10	10	*6*	16
1919–1929	38	18	58	160	153	327
1930	3	*1*	4	17	*8*	25
1931	2	–	2	2	*3*	5
1932	2	–	2	–	*3*	3
1933	5	–	5	5	*5*	10
1934	3	*9*	12	13	*4*	17
1935	4	*5*	9	18	*7*	25
1936	1	–	1	6	*1*	7
1937	2	*1*	3	2	*4*	6
1	2	*3*	4	5	*6*	7
1938	4	*1*	5	13	*13*	26
1939	1	*1*	2	44	*31*	75
1940	2	–	2	9	*5*	14
1941 (до войны)	–	–	–	23	*15*	38
1930–1941	29	18	47	152	99	251
Всего: за 1919 – 1941 гг.	67	36	103	312	252	564

о «сверхсекретности» заседаний Политбюро), что в среднем в год, например, в 1930-е годы, в протоколы вносилось около 3,5 тыс. пунктов (от 4 тыс. в 1931 и 1934 гг. (из них, соответственно всего 2 и 3, по вопросам защиты информации – Г.К.) до 2.3 тыс. в 1938 г. (из них всего 4 по вопросам защиты информации – Г.К.). В начале 1930-х годов на многих заседаниях Политбюро рассматривалось до полусотни вопросов. В связи с этим 1 сентября 1932 г. по предложению Сталина была установлена предельная норма – на заседание могли выноситься не более 15 вопросов[1].

Вопросы, относящиеся к защите информации, поднимались на заседаниях высших органов партии в зависимости от сложившейся обстановки в стране и мире. Большое значение имеет и то обстоятельство, что многие вопросы секретного характера решались на закрытых заседаниях и откладывались в «Особых папках» закрытых протоколов и не находят отражение в открытых протоколах.

Таким образом, можно констатировать, что высшие органы партии направляли и контролировали через определенные государственные и партийные структуры работу, как партии, так и государства в целом по обеспечению режима секретности и защите партийно-государственной тайны. Решения по данным вопросам принимались на самом высоком партийно-государственном уровне, о чем свидетельствуют протоколы открытых заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. Выше был перечислен лишь ряд общих мероприятий по соблюдению режима секретности, предпринимаемых на партийно-государственном уровне. Основной материал по данной тематике сосредоточен не в открытых, а закрытых, протоколах высших органов партии и партийных комитетах на местах. Но даже та информация, которая находится в открытых протоколах, дает представление о масштабах и уровне принимаемых решений по соблюдению секретности не только в партийных органах, но и государства в целом.

---

[1] См. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Составители О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. С. 15.

2.2. Установление порядка доступа к секретной информации как направления деятельности по защите партийно-государственной тайны

Одним из направлений деятельности РКП (б) – ВКП (б) по обеспечению защиты информации в партийных органах организационными методами являлось принятие мер по максимальному ограничению круга лиц, имеющих доступ к секретной информации. Доступом является санкционированное полномочным лицом или органом ознакомление конкретных лиц со сведениями, составляющими государственную (или партийную) тайну. Он осуществляется путем допуска, т. е. определенной процедуры оформления права на доступ. Допуск, в свою очередь, предусматривает добровольное принятие лицом на себя обязательств по нераспространению, сведений, оставляющих определенную тайну, согласие на частичное или временное ограничение своих прав, письменное согласие на проведение в отношении себя определенных проверочных мероприятий, определение видов, размеров и порядка предоставления предусмотренных льгот, ознакомление с нормами законодательства и ведомственными нормативными актами по данному вопросу и окончательное принятие решения о допуске или решение об отказе. Контроль над осуществлением доступа к секретным документам съездов партии, пленумов, Политбюро, Оргбюро, Секретариата, отделов ЦК и местных партийных комитетов, определение круга лиц и организаций, допущенных к секретной партийной информации, а также рассылку данных материалов для работы, осуществляли секретные подразделения ЦК и секретные подразделения парткомов на местах.

Допуск к секретной информации оформлялся только после проведения ряда мероприятий организационного и технического характера. Он включал в себя как проведение проверочных мероприятий для определения благонадежности лиц, так и определение круга субъектов,

допущенных к секретной информации. Проверочные мероприятия осуществляли уполномоченные на то специальные органы государственной безопасности. Взаимодействие с органами государственной безопасности по данному вопросу было прерогативой секретных подразделений партии. Основной задачей секретных подразделений было ограничение круга допускаемых лиц и соблюдение конспиративности. Основным принципом работы по предоставлению доступа к секретной информации в партийных органах был принцип обоснованности и целесообразности доступа. В этом деле действовало правило, чем меньше круг допущенных лиц и организаций к секретной информации, чем большая гарантия ее сохранности. Поэтому круг лиц и организаций, допущенных к секретной информации, был строго ограничен. Секретные подразделения ЦК готовили материалы к заседаниям высших парторганов по вопросам доступа и оформлении допуска к секретной партийной информации, выступая инициаторами решений ЦК в этой области. Оформление допуска к секретной информации входило в круг функциональных обязанностей данных подразделений, являлись составной частью допуска, то есть, являясь одним из направлений деятельности по защите информации.

ЦК определял круг и количество пользователей секретной информацией, в необходимых случаях ограничивая или расширяя, в определенных рамках, ее распространение. Следует отметить, что разрешительная система доступа к секретным документам в партийных органах влияла на круг пользователей данной информацией и соответственно на круг внешней рассылки секретных документов, который не ограничивался чисто партийными органами. Он носил не чисто партийный или ведомственный, а общегосударственный характер, так как секретные партийные документы рассылались в организации различного ведомственного подчинения. Вопросы рассылки секретных документов ЦК решались на заседаниях высших партийных инстанций. При этом ЦК строго разграничивал пользование секретной и несекретной информацией. Уже в 1921 году были строго запрещены ссылки в работе государственных и партийных инстанций на секретные партийные решения, а также копирование секретных документов ЦК. Это подтверждалось постановлением Политбюро от 16 сентября 1921 года и постановлением Оргбюро от 30 ноября 1922 года.

Решения по определению круга лиц и организаций, пользующихся секретными документами высших партийных форумов и парторганов, а также порядка их распространения и использования, принимались вышеперечисленными партийными инстанциями по представлению секретных подразделений ЦК. Протоколы Политбюро рассылались секретными подразделениями ЦК по специальным спискам лицам, которые имели право знакомится с данными секретными документами.

Списки время от времени обновлялись по решению Политбюро или Секретариата. Они постоянно менялись как по персоналиям, так и по статусу и географическому принципу. К примеру, в 1920-х годах данные списки имели тенденцию к расширению их состава, но при этом ожесточались требования по соблюдению секретности, исполнению и условиям хранения секретных документов. Основным наказанием при нарушении правил использования секретной информацией было лишение права получать секретные документы. Осуществление доступа производилось путем ознакомления на месте или рассылки документов. Пересылку документов осуществляли секретные подразделения ЦК через фельдъегерскую связь.

Судя по протоколам Секретариата ЦК, в основном, постановления по данным вопросам, принимались на Секретариате ЦК, а в особых случаях – на Политбюро и Оргбюро. Так, например, на заседании Политбюро 30 апреля 1921 года, рассматривался вопрос о праве ответственных инструкторов ЦК читать протоколы Оргбюро и Политбюро, на котором, в частности, постановили: «Предоставить ответственным инструкторам Оргбюро ЦК право читать протоколы и выписки из протоколов Политбюро, высылаемые в областные Бюро ЦК»[1]. Впервые список на получение конспиративных материалов ЦК был рассмотрен и утвержден на заседании Секретариата ЦК 26 октября 1922 года. В 1922 – 1923 гг. ЦК принимает постановления о «Порядке хранения и возврата в ЦК РКП (б) стенограмм заседаний Секретариата, Оргбюро, Политбюро и Пленумов ЦК» и «Об ознакомлении с рассылаемыми конспиративными стенограммами заседаний ЦК»[2]. К примеру, лист рассылки материалов Политбюро и Пленума ЦК членам и кандидатам в члены ЦК и ЦКК в октябре 1923 года был составлен Бюро Секретариата на 123 человека[3].

Для регулирования и регламентации данного вопроса была разработана и в июне 1923 года утверждена «Инструкция о порядке рассылки, возврата и ознакомления с конспиративными документами ЦК РКП». В данной инструкции также подтверждался порядок возврата партийных документов из государственных ведомств в ЦК после решения вопроса в советском порядке[4]. Отдельно регламентировался порядок рассылки и круг лиц, получаемых выписи из постановлений Оргбюро и Секретариата ЦК на места в партийные комитеты и комиссии, а также по командированным ответственным сотрудникам на партийную, профсоюзную и советскую работу. Выписки на места посылались лишь

---

[1] РГАСПИ. Ф.17.Оп. 3. Д.157. Л. 3.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 697. Л. 331–332.

[3] См. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 492. Л. 153–154 об.

[4] См. Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 453. Л. 278.

тем организациям, которых эти выписки касались[1]. ЦК рассматривал вопросы рассылки секретных партийных документов не только внутри страны, но и за ее пределы. Прерогативой высших партийных инстанций было решение вопросов о пересылке секретной корреспонденции советским учреждениям за границу[2].

В 1923 году круг лиц и организаций, которым рассылались стенограммы заседаний высших органов партии, был достаточно широк. Стенограммы рассылались членам и кандидатам в члены ЦК, ЦКК, Ревизионной комиссии ЦК, в некоторые отделы аппарата ЦК, инструкторам ЦК, Секретарю ЦК РЛКСМ, секретарям парткомов на местах (не ниже губкомов), секретарям райкомов Москвы и Ленинграда, горкомов г. Грозного и г. Баку, секретарю Общества старых большевиков и в Институт Ленина, в ИККИ и Профинтерн, начальникам главных политуправлений армии, Бюро ячеек и ректорам Коммунистических университетов, высшим должностным лицам центральных советских учреждений и комиссий, а также Председателям фракций Центросоюза и Сельскосоюза, редакторам центральных газет, некоторым полпредам, членам фракции Президиума ВЦСПС и Председателю ЦК Союза, персонально (с разрешения Секретариата ЦК) Демьяну Бедному[3].

В июне – августе 1924 года Бюро Секретариата ЦК направило от имени ЦК циркулярное письмо на места о рассылке и хранении секретных материалов членам Центральной Контрольной Комиссии ЦК[4]. На заседании Оргбюро 26 сентября 1924 года был рассмотрен дополнительный список окружкомов, секретарям которых должны посылаться все секретные информационные документы. На Секретариате он был утвержден. Список включал: «1. По Уралу: 1. Екатеринбургский ОК. 2.Пермский ОК. 3. Челябинский ОК. 4. Златоустовский ОК. 5. Нижне-Тагильский ОК.По Юго-Востоку: 1. Кубанский ОК. 2. Армавирский ОК. 3. Ставропольский ОК. 4. Терский ОК. 5. Донской ОК. 6. Дагестанский ОК»[5]. В декабре 1924 года устанавливается порядок рассылки секретных информационных материалов. Документы готовил Информационный отдел ЦК, а рассылку и определение круга организаций, получения и возврата документов возлагалось на Бюро Секретариата. Причем, хранение возвращенных материалов Политбюро и Пленумов ЦК осуществлялось в архиве Политбюро, а документов Оргбюро в архиве Оргбюро.

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 696. Л. 101–102.

[2] См. Там же. Л. 97–98.

[3] См. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 696. Л. 75–76.

[4] См. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 697. Л. 4, 8.

[5] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 112. Д. 598. Л. 81.

В 1925 году было ограничено ознакомление со стенограммами заседаний ЦК[1]. В том же году, вновь изменился и круг лиц и организаций, получаемых секретные партийные документы, а также принимается новый порядок ознакомления с данными документами. Он регламентировался специальными постановлениями Секретариата ЦК от 30 января 1925 года «О круге лиц и организаций, которым подлежит рассылка стенограмм Секретариата, Оргбюро, Политбюро и Пленумов ЦК». Секретариат утвердил представленный проект списка, ограничил и определил порядок ознакомления с рассылаемыми конспиративными стенограммами[2]. Членов партийной организации, не включенных в список, знакомить с содержанием стенограмм запрещалось. 13 февраля того же года был определен и круг лиц и организаций, которым рассылались секретные циркуляры ЦК Следующее постановление Секретариата ЦК, касающееся рассылки секретных документов ЦК вышло 22 ноября 1925 года. В изменение предыдущего утверждался новый список окружкомов, которым рассылались конспиративные материалы ЦК. Так в список было внесено 23 окружных партийных организаций по Украине, 2 – по Белоруссии, 10 – по Северному крайкому, 11 – по Уральской области, 11 – по Сибири. ЦК ВКП (б) усилил меры по обеспечению секретности и ужесточил требования к лицам, допущенным к секретной переписке. В марте 1925 года постановлением Оргбюро было принято решение на местах оставлять стенограммы, на которых отсутствовала надпись «подлежит возвращению». Парткомы обязаны были возвратить в установленные сроки в Бюро Секретариата ЦК все конспиративные стенограммы заседаний ЦК. В окружкомах допускалось ознакомление с конспиративными материалами ЦК только членов Бюро окружкомов и Президиума КК[3]. 13 августа 1926 года на заседании Секретариата ЦК был утвержден список руководителей пропагандистских групп ЦК и их заместителей, имеющих право знакомиться с конспиративными материалами ЦК по экземплярам, высылаемых в адрес своих партийных комитетов. Данный список, в котором было 23 человека, был представлен в Секретариат Секретным отделом ЦК, а 22 октября 1926 года этот список был дополнен.

До октября 1926 года в партийном аппарате существовали определенные категории доверенных лиц членов и кандидатов в члены ЦК, ЦКК, Ревизионной комиссии ВКП (б), высших должностных лиц государства, получаемых конспиративные документы ЦК на получение, вскрытие и ознакомление с секретной корреспонденцией. В основном, доверенные лица были помощниками или секретарями руководящих

---

[1] См. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 866. Л. 1 об., 21.

[2] См. Там же. Ф.17. Оп. 112. Д. 635. Л. 8–9.

[3] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп.112..Д. 713. Л. 5–6.

партийных и государственных работников. Доверенными по приему и хранению секретной переписки ЦК с парторганами, назначались только по особым постановлениям соответствующих партийных комитетов. В результате бегства за границу помощника и секретаря И. В. Сталина Б. Бажанова, с 1926 года ЦК стал особое внимание уделять проверкам доверенных лиц. Отбор кандидатов и проверочные мероприятия стали строже. Данные лица представлялись Секретным отделом и утверждались Секретариатом ЦК. Так на заседании Секретариата ЦК 22 октября 1926 года рассматривался вопрос «О доверенных по приему, хранению и возврату конспиративных документов ЦК», представленный заместителем заведующего Секретным отделом ЦК Я. Е. Брезановским. В докладной записке Секретного отдела в Секретариат ЦК ВКП (б) отмечалось, что: «В связи с участившимися за последнее время случаями утери и разглашения конспиративных документов ЦК, возникает необходимость сузить по мере возможности, круг лиц, имеющих доступ к этим документам. Вопрос о круге лиц, которым рассылаются конспиративные документы ЦК, тесно связан с существующим порядком приема, хранения и возврата этих документов. Дело в том, что значительная часть товарищей получающих конспиративные документы ЦК, передоверяют прием, хранение, возврат и ведение учета этих документов особым уполномоченным (чаще всего своим секретарям), утвержденным постановлением ЦК. При отпуске или временного отсутствия этих последних, передоверяют третьим лицам, тем самым круг лиц, соприкасающихся с секретными документами ЦК расширяется и по этой линии. В настоящее время число таких персонально доверенных достигает 140, не считая «95» доверенных лиц в парторганизациях, которые постановлениями ЦК не утверждаются. Указанное количество доверенных образовалось за 1924, 1925 и 1926 г.г., при этом отмечается тенденция к дальнейшему росту их, а это расширит еще больше круг лиц, имеющих доступ к конспиративным документам. Наряду с этим следует отметить, что ряд доверенных фактически уже выбыли, а права, предоставленные им ЦК, не отменены. Довольно значительная часть доверенных определена без определения – четкой формулировки, что дает им возможность толковать расширительно свои права»[1]. Как видно, секретное подразделение ЦК, выполняя свои функции, в данном случае, предстает как инициатор организационных действий по защите информации. Секретариат ЦК, рассмотрев вопрос, согласился с предложенным проектом. Так взамен существующего списка доверенных был утвержден сокращенный и измененный список, при этом впредь допускалось его расширение только в самих крайних случаях. Устанавливались только 2

[1] РГАСПИ. Ф.17.Оп. 113. Д. 238. Л. 224.

категории доверенных лиц; с правом вскрытия секретных пакетов и без права вскрытия. В первом случае доверенный должен был принимать, вскрывать, (соответственно и знакомиться с содержанием), представлять руководителю, хранить, вести учет и возвращать конспиративные документы в ЦК, а во втором, только принимать и не вскрывая пакета передавать адресату. Он же мог возвращать секретные документы только в запечатанном виде. Устанавливалось, что за время отсутствия (командировки, отпуска и т. д.) доверенного, его функции должен был выполнять сам адресат или лицо, имеющее право знакомиться с конспиративными материалами[1]. В результате во исполнение постановления Секретариата ЦК, Секретный отдел произвел перерегистрацию доверенных, при этом список значительно сократился. Окончательно было утверждено 126 человек доверенных лиц. В конце концов, в марте 1928 года заведующему Секретным отделом ЦК И. П. Товстухе было предоставлено право единолично утверждать доверенных по работе с конспиративными документами ЦК. На Секретариат же выносились только особо спорные случаи. Таким образом, Секретный отдел сам, без санкции Секретариата, мог определять и регулировать круг допущенных к секретной информации лиц, тем самым подтверждая статус особого органа.

В связи с обострением международной обстановки, усиления режима секретности и принятием в мае 1927 года на заседании Политбюро подготовленного членом Оргбюро Н. А. Кубяком, а также М. М. Литвиновым, И. С. Уншлихтом и др. проекта постановления «О пользовании секретными материалами Политбюро», последовал ряд ограничительных организационных мер. Так, к примеру, с выписками Политбюро должны были знакомиться теперь только лица, которым они адресованы по списку рассылки. Во всех государственных учреждениях секретные вопросы обязаны были обсуждаться только на закрытых заседаниях без секретарей, протокол заседания должен был вестись самим председательствующим. В парткомах и государственных организациях секретные документы ЦК должны были регистрироваться в особых журналах. В ноябре – декабре 1927 года Орграспредом ЦК был поднят вопрос об ознакомлении губкомов и окркомов низовых организаций с совершенно секретными документами ЦК. Секретному отделу поручалось дать указание губкомам и окрпарткомам о порядке ознакомления с совершенно секретными решениями ЦК, а также принять меры по улучшению хранения совершенно секретных (особенно мобилизационных) документов[2].

О количестве секретных документов высылаемых на места, говорят сведения в справке Секретного отдела ЦК о количестве стенограмм ав-

[1] См. РГАСПИ. Ф.17.Оп. 113. Д. 238. Л. 13.

[2] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 113. Д. 345. Л. 2.

густовского и октябрьского Пленумов ЦК и ЦКК, высланных парторганизациям (кроме Москвы), представленной в ЦК в декабре 1927 года. Так, по справке, количество посланных стенограмм было 20540; количество возвращенных в ЦК к 20 декабря 1927 г. – 3615; числилось невозвращенными (за организациями) – 169261. 3 марта 1928 года Секретариатом ЦК на одном заседании было принято сразу два постановления, касающихся рассылки секретных документов: «О рассылке материалов к заседаниям Оргбюро» и «О рассылке материалов к заседаниям Секретариата ЦК»[2]. В мае 1928 года ЦК принимает решение объединить рассылку протоколов Секретариата и протоколов Оргбюро на периферию.

Постоянно на протяжении 1920 – 1930-х годов на Секретариате ЦК рассматривались вопросы по просьбам организаций о включении их в список получающих конспиративные документы ЦК. Секретный отдел, как и прежде, контролировал порядок рассылки секретных документов, и если было необходимо, выходил на Секретариат ЦК с предложением об уменьшении или расширении круга организаций, которым следует рассылать секретные материалы ЦК. Так, в августе 1928 года, ввиду обращения в Секретный и Орграспредотдел ЦК краевых и вновь образованных парткомов, а также парткомов крупных промышленных райкомов, которым некоторые материалы (например, о хлебозаготовках, о посевной компании и др.) уже рассылались по отдельным распоряжениям Секретарей ЦК, с просьбой высылать им материалы ЦК на постоянной основе. Секретный отдел в письме в ЦК считал: «совершенно назревшим поставить вопрос о необходимости расширить круг парткомов, коим следует рассылать некоторые материалы ЦК (стенограммы Оргбюро, циркулярные указания и пр.)»[3]. Это предложение также поддержал и Орграспредотдел ЦК. В результате при рассмотрении вопроса на Секретариате ЦК «О расширении круга парткомов, получающих конспиративные материалы» постановили: «Включить в список лиц и организаций, получающих конспиративные материалы ЦК следующие парткомы с разбивкой на 2 группы, причем 2-я получает только стенограммы ОБ и подобные им материалы»[4]. Всего в дополнительный список было включено 88 организации[5]. 19 марта 1926 года на Оргбюро рассматривалась просьба Среднеазиатского бюро ЦК о включении Ташкентского и Ферганского обкомов; просьба Ф. Э. Дзержинского о включении большого количества представителей промышленных предпри-

---

[1] См. Там же. Ф.17. Оп. 113. Д. 582. Л. 154.

[2] См. РГАСПИ. Ф.17. п. 113. Д. 603. Л. 14–15.

[3] Там же. Ф.17. Оп. 113. Д. 650. Л. 199.

[4] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 113. Д. 650. Л. 8.

[5] См. Там же. Л. 194–197.

ятий в список. В августе 1929 года Секретариатом ЦК был утвержден список вновь районированных областей, получающих конспиративные материалы ЦК по Волгоградскому обкому, Севкрайкому, Западным областям, Московскому промышленному областному комитету[1]. В феврале 1930 года был расширен список парткомов, получающих конспиративные материалы ЦК по первой группе[2].

Какова была мотивация при включении в список? Так 15 октября 1926 года по просьбе Информационного отдела ЦК и Северного крайкома в список были включены четыре окружкома. Заместитель заведующего Информационным отделом ЦК в письме 28 августа 1926 года в Секретный отдел ЦК заместителю заведующего Я. Е. Брезановскому так мотивировал включение окружкомов в список: «В связи с решением Секретариата Сев. Кав. Крайкома от 3 августа 1926 г. (прот. № 32) просит ЦК снабжать конспиративными материалами ЦК Владикавказский, Сальский, Донецкий окркомы и Кабардино-Балкарский обком. Информотдел ЦК со своей стороны считает целесообразным высылать конспиративные материалы: Кабардино-Балкарскому обкому (центр г. Нальчик) как организации национальной, значительной по численности (754 члена и 1019 канд. чл. ВКП), выделенной для связи с ЦК, расположенной вдали от краевого центра и центров других национальных областей. Сальскому окркому (центр ст. Воронцово-Николаевская), как типично крестьянской организации, значительной по численности (1027 член и 765 канд. в чл. ВКП – на 1.7.26 г.) обширной по территории. Высылку конспиративных материалов Владикавказскому окркому и Донецкому окркому нужно признать целесообразной по следующим соображениям: Владикавказский округ фактически не имеет периферии, так как территория быв. Горской республики включает в настоящее время ряд автономных областей (Сунджа, Осетия, Ингушетия) окрком, таким образом, обслуживает только гор. Владикавказ, организация малочисленна (членов 652 канд. 377) и не типична. Донецкий окрком (центр ст. Миллерово) представляет малочисленную организацию на 1.7.26 г. членов 533, кандидатов 414»[3].

В список включались, кроме партийных, и должностные лица высших государственных органов власти. 17 февраля 1923 года был разрешен допуск к конспиративным материалам ЦК ответственным сотрудникам СНК СССР 4. 23 сентября 1927 года были включены в список, получающих бюллетень ТАСС «Не для печати», управляющий делами СНК СССР Н. П. Горбунов. 27 апреля 1928 г. в список, получаемых стенограммы

---

[1] См. Там же. Ф.17. Оп. 113. Д. 761. Л. 31.
[2] См. Там же. Ф.17. Оп. 113. Д. 823. Л. 25.
[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 235. Л. 8.
[4] См. Там же. Ф.17. Оп. 113. Д. 598. Л. 11.

ЦК, были включены ректора и бюро ячеек ряда партийных коммунистических ВУЗов, в том числе: Академия комвоспитания, Московский Политико-Просветительный Институт, Ленинградский Политико-Просветительный Институт, Университет им. Артема, Белорусский комуниверситет, Средне-Азиатский комуниверситет, Закавказский комуниверситет, Саратовский комуниверситет, Урало-Сибирский комуниверситет, Северо-Кавказский комуниверситет, Татарский комуниверситет[1]. 18 мая 1928 года в список лиц, получающих материалы по хозяйственным вопросам, была включена ячейка Промакадемии, 2 октября 1930 г. Секретариат удовлетворил просьбу бюро ячейки Промакадемии им. Сталина о включении ее в список организаций, получающих конспиративные материалы ЦК. 27 февраля 1933 года было установлено право получения конспиративных документов ЦК начальниками МТС совхозов. 29 марта 1933 года был утвержден список руководящих работников РККА (254 чел.), представленный ПУРом, имеющих право получать информационные материалы ЦК (стенограммы и др. конспиративные документы), а 28 октября 1934 г. в список были включены политотделы Гражданского воздушного флота[2]. По постановлению Секретариата ЦК ВКП (б) от 5 октября 1939 г., а затем подтвержденном Политбюро 10 июня 1940 г., секретарям обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик разрешалось знакомить уполномоченных КПК при ЦК ВКП (б) с протоколами ЦК ВКП (б)[3].

Большинство просьб ЦК удовлетворял, но были и противоположные решения. Так, была прекращена посылка конспиративных материалов ЦК Таджикскому Оргбюро и Ойратскому обкому ВКП, ввиду малочисленности этих организаций и крайней затруднительности конспиративной связи, а Якутскому обкому разрешалось производить рассылать конспиративные материалы ЦК только в том случае, когда будет обеспечена отправка документов только через фельдъегерский корпус ОГПУ. Просьбу С. М. Кирова об увеличении количества присылаемых стенограмм заседаний ЦК до 10-ти отклонили, но разрешили членам губкома знакомиться по экземплярам, высылаемым в райкомы Ленинградского комитета[4]. 18 ноября 1927 года была отклонена просьба Музея революции о высылке для архива музея информационных материалов «Сводок белоэмигрантской прессы» и протоколов ЦК.

Кроме доступа и рассылки секретных документов ЦК, Секретный отдел контролировал и возврат данных документов обратно в ЦК. Кон-

---

[1] Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 617. Л. 18.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 572. Л. 15.

[3] См. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 82.

[4] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 176. Л. 172–173.

троль за возвратом документов являлся одной из функций Секретного отдела. 23 мая 1929 года Секретным отделом на Политбюро был вынесен вопрос о возврате протоколов Политбюро и Пленумов ЦК на котором постановили: «а) Во изменение Постановления ПБ от 16.5. с.г. (пр. 80 п. 17 прил. «д») установить срок возврата протоколов ПБ в 5 дней. б) Обязать всех членов и кандидатов ЦК и ЦКК получающих протоколы ПБ, точно выполнять решение ПБ об их возврате в срок. в) Восстановить прежний порядок рассылки выписок из протоколов ПБ»[1]. Вопросы рассылки и возврата секретных документов поднимался и Генеральным секретарем ЦК. Так, На заседании Политбюро 25 мая 1928 года И. В. Сталин вынес вопрос о рассылке секретных документов НКИД. Политбюро обязало НКИД строго выполнять постановления Политбюро о порядке рассылки секретных документов[2]. В тоже время, необходимо было учитывать специфику внешнеполитических и внешнеэкономических структур, находящихся за границей. Так, заведующий Секретным отделом ЦК ВКП (б) И. П. Товстуха, в письме в Секретариат ЦК от 11 июня 1926 года отмечал: «Порядок обязательного возврата конспиративных документов ЦК, установленный для лиц и организаций в пределах СССР, Секретный отдел считает не целесообразно распространять на представителей СССР за границей. Известный риск в смысле расконспирирования указанных материалов (возможность ограбления диппочты), который имеется при посылке таковых не исчезает и при возврате их. В виду этого Секретный отдел считает, что обязательный возврат конспиративных материалов ЦК для заграничных представителей СССР, получающих таковые отменить и обязать на месте их сжигать и акты с подробными описями сожженных документов присылать в ЦК»[3]. В результате 11 июня 1926 года вышло постановление Секретариата ЦК «О порядке возвращения конспиративных документов ЦК представителями СССР за границей», в котором говорилось: «Обязать полпредов конспиративные материалы ЦК по использовании сжигать на месте в те сроки, которые установлены для возврата, о чем составлять акты с подробными описями документов, каковые присылать в ЦК»[4]. Как видно, в данном случае, Секретный отдел ЦК принимал участие и при выработке мер по защите партийной информации и в государственных структурах.

В конце 1930-х гг. и перед войной в практике рассылки протоколов заседаний Политбюро произошли существенные изменения. Количество экземпляров протоколов и их рассылка были резко сокращены. Так, на протоколе № 65-65а (заседание Политбюро от 22 ноября 1938 г., решения

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 741. Л. 3.
[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 688. Л. 1.
[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 205. Л. 198.
[4] Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 205. Л. 8

за 27 октября – 25 ноября 1938 г.) имеется надпись: «Протокол не рассылался и сделан в трех экземплярах. Е. Сухова». Членам ЦК ВКП (б) рассылались лишь выписки из протоколов по нескольким вопросам. Эти пункты в протоколе Политбюро отмечались специальной пометкой. Из 162 вопросов, зафиксированных в этом протоколе, членам ЦК были разосланы решения только по четырем вопросам: о народнохозяйственном плане 1939 года (решение от 22 ноября); совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 ноября «О наркомате совхозов СССР», которым был снят с должности нарком совхозов Юркин; заявление Н. И. Ежова на имя И. В. Сталина с просьбой об освобождении от должности наркома внутренних дел (постановление от 124 ноября); постановление от 25 ноября о назначении Л. П. Берия наркомом внутренних дел СССР. Эти правила сохранялись в течение нескольких лет до войны. Протокол № 67 (заседание 29 января, решения за 4 января – 1 февраля 1939 г.), например, был выпущен в четырех экземплярах. На других протоколах отметки о количестве выпущенных экземпляров не сохранились, однако во всех протоколах отмечались пункты, выборочно разосланные членам ЦК[1].

Постановлением Политбюро «О рассылке протоколов заседаний Политбюро ЦК» от 16 октября 1938 года подтверждался круг лиц, которым должны были рассылаться протоколы Оргбюро: «Протоколы заседаний Политбюро ЦК рассылать членам ЦК, кандидатам в члены ЦК, членам Бюро КПК и КСК, первым секретарям обкомов (крайкомов) ВКП(б) РСФСР и УССР, первым секретарям ЦК нацкомпартий и первым секретарям Башкирского и Татарского обкомов ВКП(б)»[2]. Следует заметить, что количество лиц и организаций, которым рассылались секретные документы партии в конце 1930 гг, по сравнению с 1920 годами значительно сократился, что говорит о сужении круга лиц, посвященных в высшие партийные тайны и все большем засекречивании вопросов, рассматриваемых ЦК.

Выполняя мероприятия по организации доступа к секретным документам, Секретариат ЦК и Секретный отдел контролировали и следили за назначением и допуском сотрудников по работе с секретными документами, как в аппарате ЦК, так и на местах. Данные назначения должны были происходить после проведения определенных проверочных мероприятий органами государственной безопасности и с ведома ЦК ВКП (б). Так, на одном из заседаний Секретариата ЦК в 1926 году, рассматривался вопрос «О недопущении секретариатом Новгородского

---

[1] См. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 21.

[2] См. Там же. С.82.

губкома к шифрработе и хранению конспиративных материалов ЦК ВКП(б) нового сотрудника без соответствующей проверки и без ведома ЦК ВКП (б)». В данном случае Секретариат ЦК отреагировал довольно мягко: «Указать секретарю Новгородского губкома на несоблюдение правил назначения секретных работников»[1]. Но в определенных случаях реакция ЦК на несоблюдение режима секретности была довольно решительной. Так, 12 октября 1928 года Секретный отдел вынес на рассмотрение Секретариата ЦК вопрос о прекращении посылки конспиративных материалов ЦК Хорезмскому, Керкинскому и Ташаузскому окружкомам «ввиду невозможностью обеспечить условия конспирации». В данном случае Секретариат ЦК постановил: «Исключить из списка организаций, получаемых конспиративные материалы ЦК, Хорезмский, Керкинский и Ташаузский окркомы»[2].

Таким образом, ЦК, через Секретный отдел, осуществлял доступ лиц и организаций к секретным партийным документам информации в целом. Особое внимание уделялось работе с секретными документами съездов партии, Пленумов и комиссий ЦК, партийных конференций, документам Политбюро, Оргбюро, Секретариата. Список лиц и организаций, допущенных к секретным документам (сведениям) по мере необходимости постоянно менялся в зависимости от структуры партийных органов и текущего политического момента. Первое упоминание в документах открытых заседаний высших органов партии о существовании данных списков относится к 1922 году, но есть основание полагать, что данная система допуска по спискам существовала и ранее. Секретный отдел ЦК, контролировал доступ к секретной информации: оформлял допуск и принятие новых сотрудников в подразделения аппарата ЦК и парторганы на местах, работа которых была связана с секретной информацией и секретными документами. Допуск оформлялся, к примеру, на такие должности, как помощники Секретарей ЦК, секретные сотрудники ЦК и парткомов на местах, шифрработники ЦК и парткомов, доверенные по приему секретных документов, архивисты и делопроизводители секретных подразделений. На Секретный отдел возлагалась также рассылка и контроль за возвратом в ЦК, высылаемых документов ЦК в парторганы, ведомства, учреждения и отдельным должностным лицам. В частности, 1933 году, после реорганизации Секретного отдела ЦК, создания секторов, учетом и контролем за возвратом конспиративных документов ведал V сектор. Пересылка и возврат секретных документов ЦК осуществлялся через фельдъегерскую связь ОГПУ. О значительном количестве высылаемых документов и недостатках в данной

---

[1] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 113. Д. 235. Л. 11.

[2] Там же. Ф.17. Оп. 113. Д. 667. Л. 12.

работе можно судить по справке о работе V сектора Секретного отдела ЦК ВКП (б) по рассылке и учету секретных материалов, направленной заведующим Секретным отделом А. Н. Поскребышевым в Секретариат ЦК 8 августа 1933 года[1]. Секретный отдел не только проводил работу по осуществлению вышеуказанных мероприятий, но готовил материал и выносил предложения для принятия решений на Секретариат, Оргбюро, а в особых случаях, и на Политбюро. Таким образом, решение данных вопросов происходило на самом высоком партийном уровне. Исполнение и контроль за выполнением данных решений возлагался на секретные подразделения ЦК (Секретный отдел, Бюро Секретариата, Особый сектор). Секретный отдел в свою очередь вел работу по учету и проверке доверенных. В октябре 1926 года по постановлению Секретариата ЦК оставалось две категории доверенных: 1-я с правом вскрытия секретных конвертов и 2-я с правом получать, но без вскрытия.

Так как организация данной работы было очень сложным и трудоемким делом, ЦК постоянно сталкивался с определенными трудностями, поэтому бывали случаи неразберихи и беспорядка. Это было связано, прежде всего, как с большим объемом работы, так и, несмотря на то, что в секретных подразделениях большинство сотрудников имело образованием не ниже среднего, с отсутствием определенной культуры работы с документами, особенно в 1920-е годы, Судя по отсутствию в открытых протоколах Секретариата, Оргбюро и Политбюро постановлений по вопросам допуска и рассылки секретных документов после октября 1934 года, можно судить о том что, на открытые заседания данных партийных органов эти вопросы больше не выносились. Скорее всего, с 1934 года они рассматривались только на закрытых заседаниях высших органов партии и решения заносились в «Особую папку».

Таким образом, можно констатировать, что многие вопросы доступа к секретным партийным и государственным документам решались в тесном взаимодействии партийных и государственных органов при главенствующей роли правящей партии. На складывание данной системы наложили отпечаток особенности как государственного устройства СССР, заключавшейся в однопартийной политической системе, так и внешние и внутриполитические факторы. Следует отметить, что автор работы в данной главе рассылку секретной корреспонденции не сводит к чисто техническому делопроизводственному моменту, а трактует и понимает ее в широком смысле. Это важно для ответа на вопрос – кто же являлся основным пользователем секретной партийной информацией? Установление порядка рассылки секретных документов ЦК пони-

---

[1] См. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 78–81.

мается как составная часть доступа и дальнейшего использования секретной информацией. Можно констатировать, что состав адресатов – пользователей секретной информацией при рассылке ограничивался партийно-государственной номенклатурой, что для данного исторического периода в жизни страны было закономерным. В 1930-е годы, по сравнению с 1920-ми годами происходит расширение ограничительных тенденций, косвенным признаком которых является отсутствие открытой документальной информации по вопросам защиты информации в целом. Следует отметить, что исходя из круга лиц и организаций, допущенных к секретной партийной информацией, в 1920-е годы он был значительно шире и демократичней. В 1930-е гг., особенно во второй половине, происходит процесс значительного сужения круга субъектов обладателей данной партийной информацией, что говорит об усилении как внешнего фактора угроз защищаемой информации, так и о постепенным свертывании внутрипартийной демократии и образованием узкого круга допущенных к партийным тайнам лиц. В данном случае мы наблюдаем противоречие. Оно, на наш взгляд, заключается в том, что внутрипартийная борьба в 1920-е годы была более острой, чем в 1930-е годы, но в 1920-е гг. доступ к партийной секретной информации был шире, чем в 1930-е годы. Это говорит о большей демократичности в жизни партии и общества в 1920-е годы. Но, при этом следует не забывать и о все более увеличивающейся внешней угрозе уже с первой половины 1930-х гг. в связи с событиями в Европе и на Дальнем Востоке.

2.3. Организация защиты информации техническими средствами

Обеспечение секретности партийного и государственного обмена информацией требовало ее защиты от несанкционированного доступа извне. Это обуславливало проведение мероприятий по созданию систем технической передачи и защиты информации, создание специальной техники, шифров и кодов, организации шифрработы в целом, как в государственных, так и партийных органах. Эта работа была сопряжена со многими организационными, техническими и кадровыми трудностями. В первые годы своего существования советское государство располагало лишь тем арсеналом технических средств и профессиональных кадров, которые остались от царских времен. А осталось крайне мало. В условиях Гражданской войны уделить должное внимание созданию шифровальных и дешифровальных служб, хотя и было необходимой, но очень трудновыполнимой задачей. Особая проблема заключалась в том, что после революции несколько опытных криптографов эмигрировали в Англию, где они были привлечены к работе над вскрытием советских шифров. Но все же большевики принимали меры по защите информации техническими средствами. Первым шагом новой власти в этом направлении был отказ от дореволюционных и создание новых шифров. «Правительство Советской России отказалось от использования большинства "старорежимных" шифров ввиду их сложности и громоздкости. Может и к лучшему, ибо Феттерлейн *(глава русской службы Правительственной школы кодов и шифров английской разведки, русский эмигрант – Г. К.)*, предположительно, был автором некоторых из них. Но, что касается замены шифросистем, доставшихся в наследство от «проклятого» царского режима, то вместо них для ведения секретной дипломатической переписки советским государством стали вводится новые шифры слабой стойкости. Они вскрывались Феттерлейном без особого труда»[1]. Так, к примеру, англичане провели

[1] *Б. Анин, А. Петрович.* Радиошпионаж. С. 186.

операцию по перехвату дипломатической переписки советской делегации, которая с декабря 1917 по март 1918 вела переговоры с немцами в Брест-Литовске о заключении мира. Таким образом, английское правительствои в дальнейшем на постоянной основе получало дешифрованные советские дипломатические депеши. В августе 1920 года английское правительство через газету «Таймс» фактически официально признало факт перехвата и чтения советской переписки. Хотя в ответ Советская Россия и сменила свою шифрсистему, но через несколько месяцев она снова была вскрыта.

Ответственные партийные и государственные деятели неоднократно поднимали вопросы об утечке информации через зашифрованную переписку и радиосвязь. Так, например, Нарком Иностранных дел Г. В. Чичерин писал докладные записки В. И. Ленину о том, что советская шифропереписка читалась англичанами. «Ленин внимательно относился к таким сообщениям. 25 ноября 1920 года он написал: «Тов. Чичерин: Вопросу о более строгом контроле за шифрами (и внешнем и внутреннем) нельзя давать заснуть. Обязательно черкните мне, когда все меры будут приняты. Необходимо еще одно: с каждым важным послом установить особо строгий шифр для личной расшифровки, т. е. здесь будет шифровать особо надежный товарищ, коммунист (может быть, лучше при ЦК), а там должен шифровать лично посол (или агент) сам, не имея права давать секретарям или шифровальщикам»[1]. Как видно, В. И. Ленин здесь требует усиления личной ответственности, ограничение доступа к секретной информации и ужесточения требований к защите информации. Тревожные сообщения также шли и с фронтов. «Первым кто в полной мере осознал масштаб рассекречивания советских шифросистем, был Михаил Васильевич Фрунзе, главнокомандующий Южной группой войск Красной армии. 19 декабря 1921 г. М. В. Фрунзе доложил в Москву: «Из представленного мне сегодня бывшим начальником врангелевской радиостанции Ямченко доклада устанавливается, что решительно все наши шифры вследствие их несложности вскрываются нашими врагами. Вся наша радиосвязь является великолепнейшим средством ориентирования противника. Благодаря тесной связи с шифровальным отделением морфлота Врангеля Ямченко имел возможность лично читать целый ряд наших шифровок самого секретного военно-оперативного и дипломатического характера; в частности, секретнейшая переписка Наркоминдела с его представительством в Европе и в Ташкенте слово в слово известна англичанам, специально организовавшим для подслушивания наших радио целую сеть станций особого назначения. К шифрам, не поддававшимся

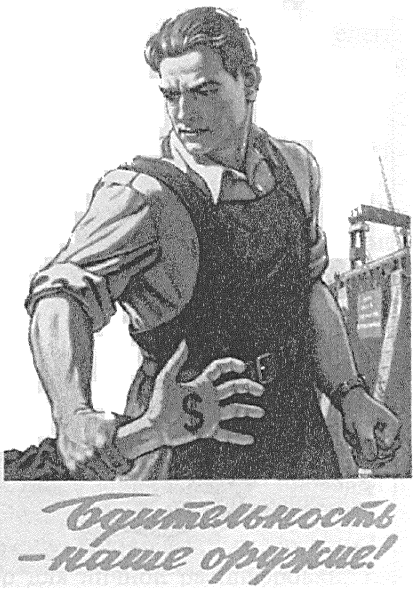
[1] Цит. по Там же. С. 188.

ВО ИМЯ КОММУНИЗМА

ВРАГ КОВАРЕН
–БУДЬ НА-ЧЕКУ!

СОВЕТСКИЙ ВОИН! СОБЛЮДАЙ ПРАВИЛА ТЕЛЕФОННО-ТЕЛЕГРАФНЫХ И РАДИОПЕРЕГОВОРОВ.
БУДЬ БДИТЕЛЕН!

БУДЬ НА ЧЕКУ.
В ТАКИЕ ДНИ
ПОДСЛУШИВАЮТ СТЕНЫ.
НЕДАЛЕКО ОТ БОЛТОВНИ
И СПЛЕТНИ
ДО ИЗМЕНЫ.
НЕ БОЛТАЙ!

Бдительность
– наше оружие!

В ПИСЬМЕ ДОМОЙ, СМОТРИ, СЛУЧАЙНО НЕ РАЗБОЛТАЙ ВОЕННОЙ ТАЙНЫ!

вскрытию, немедленно присылались ключи из Лондона, где во главе шифровального отдела поставлен англичанами русскоподданный Феттерлейн, ведавший прежде этим делом в России. Общий вывод такой, что все наши враги, в частности Англия, были постоянно в курсе всей нашей военно-оперативной и дипломатической работы»[1].

В связи с этим необходимо было принимать меры по созданию определенных структур по координации и ведения работ по защите информации в масштабах всей страны. Так, постановлением Малого Совнаркома 5 мая 1921 года была создана специальная (наряду с другими функциями) криптографическая служба – Специальный отдел ВЧК. Это подразделение хотя и входило в структуру ВЧК, но было фактически автономным и не подчинялось руководству госбезопасности, а находилось в ведении ЦК партии. Руководителем Специального отдела был назначен Г. И. Бокий, пользующийся большим авторитетом и влиянием, как в ВЧК–ОГПУ, так и в ЦК партии. Ранее в 1919 году Ф. Э. Дзержинский пригласил его на работу во главе питерского ЧК, затем 20 октября 1920 года постановлением ЦК он был назначен заведующим Секретно-оперативным отделом ЦК. Специальный отдел составлял шифры для государственных и партийных структур внутри и вне страны. Работа Специального отдела началась с детального изучения архивов шифровальных и дешифровальных служб царской России и изучения методических пособий. Особое внимание уделялось также подбору и обучению новых кадров шифрработников. Так, на базе старых оставшихся специалистов велось обучение новых сотрудников, создавались курсы шифровальщиков, куда набирали способных к этому делу и вообще образованных людей. На данных курсах проходили обучение и шифровальщики ЦК и местных партийных органов. Хотя отделом и организовывались учебные курсы, все-таки большой проблемой были относительно невысокий уровень грамотности и общей подготовки сотрудников и, в связи с этим, малочисленность пригодного для данной работы, личного состава. Особой проблемой было низкий уровень используемой техники и оборудования. Шифровальщики всех учреждений и ведомств подчинялись непосредственно Специальному отделу. В аппарате ЦК и местных комитетов также создавались шифровальные органы. Все криптографические службы партии являлись секретными подразделениями. Скорее всего, первым таким подразделением был Секретно-оперативный отдел, руководителем которого в 1920 году и был назначен Г. И. Бокий

На основании приказа Управляющего делами Секретариата ЦК РКП (б) № 2 от 2 августа 1920 года создается Шифрбюро Секретариата

---

[1] См. *Б. Анин, А. Петрович.* Радиошпионаж. С. 188–189.

ЦК РКП. Шифрбюро создавалось для ведения зашифрованной секретной переписки с органами и отдельными ответственными сотрудниками РКП (б), ЦК коммунистических зарубежных партий, Исполкомом Коминтерна, с государственными ведомствами, имевшими шифросвязь. Шифрбюро изготовляло, хранило, рассылало и вело учет шифров и инструкций по пользованию ими для партийных организаций, вело методическую и инструкторскую работу, зашифровывало и расшифровывало поступающую в Секретариат ЦК корреспонденцию, выдавало справки по содержанию информации строго определенным лицам и органам. Шифрбюро, во главе с заведующим, по-началу, входило в состав Секретного отдела Управления делами Секретариата ЦК. В состав бюро наряду с заведующим входили: заместитель, делопроизводитель 1-го разряда, регистратор, машинистка, два шифровальщика, т. е. всего 7 человек и курьер-посыльный. Первым заведующим Шифрбюро был назначен М. М. Чугунов. На работу в Шифрбюро принимались только по партийной рекомендации члены партии со стажем не менее трех лет, по возможности знакомых с криптографией. Работа в Шифрбюро велась круглосуточно с посменным дежурством[1].

В Секретном отделе ЦК, до 1921 года, входившем в Управление делами, было Шифрбюро, которое в связи с преобразованием Секретного отдела по постановлению Оргбюро 17 сентября 1921 года передавалось в общее Бюро Секретариата. По приказу по Управлению делами № 85 19 сентября 1921 года, канцелярии Политбюро, Оргбюро и Шифрбюро выделяются из Секретариата. По положению о Бюро Секретариата в структуру технического аппарата, в приемную Секретариата, входило Шифротделение. Через два года, по штатному расписанию, утвержденному Секретариатом ЦК РКП (б) 22 ноября 1922 года, в структуру Бюро Секретариата. входило Шифрбюро со штатом 6 человек (заведующий, заместитель, делопроизводитель, машинистка и два шифровальщика). В штатах Секретариата ЦК, утвержденных 29 августа 1924 года, Шифрбюро состояло из пяти человек: заведующий, заместитель заведующего, составитель шифров, два шифровальщика. Следует отметить, что заведующий Шифрбюро и шифровальщики являлись секретными сотрудниками Бюро Секретариата, работа которых по нагрузке приравнивалась к массовой партийной работе. В 1925 году, к примеру, в список ответственных сотрудников ЦК данной категории, от Шифрбюро входили два человека: заведующий М. М. Чугунов и составитель шифров С. Ф. Чистяков. В 1929 году, в целях конспирации, вместо наименований частей Секретного отдела, по предложению заведующего Секретным отделом И. П. Товстухи, вводились сектора. Всего было

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 696. Л. 2–4 об.

создано семь секторов. Шифроделопроизводством занимался IV сектор. По подобию ЦК, в партийных комитетах на местах также создавались сектора. В парткомах также предполагалось наличие шифрработников, которые входили в штат особых (секретных) секторов обкомов, но которые были заняты исключительно шифрработой.

ЦК создавало информационную сеть для передачи секретных сообщений между партийными органами как по вертикали, так и по горизонтали. Эта работа осуществлялась под руководством и контролем секретных подразделений парткомов, а со стороны компетентных органов – Специальным отделом в центре и отделами государственной безопасности на местах. Так, к примеру, начальник Специального отдела при ОГПУ Г. И. Бокий, секретным циркулярным письмом от 27 ноября 1922 года, направленным всем начальникам и заведующим центральными шифрорганами, а также заведующему Шифрбюро ЦК РКП (б), после присоединения Дальневосточной республики писал: «Ввиду советизации Дальневосточной республики и ее объединение с РСФСР, Спецотдел при ГПУ предлагает Вам принять срочные меры и налаживания шифрработы в учреждениях по Вашему ведомству, расположенных на территории бывшего ДВР»[1]. В результате, шифрсвязь с Дальбюро была налажена, но в докладе 29 ноября 1922 года заведующего Шифрбюро С. Ф. Чечулина заведующему Бюро Секретариата ЦК А. М. Назаретяну отмечалось, что: «В получаемых шифровках от Дальбюро ЦК РКП (б) при расшифровании обнаруживаются значительные и не существующие правила пользования шифрами, благодаря чему происходит большая задержка в расшифровании их депеш, трата времени и загромождении телеграфа запросами о повторении. На основании изложенного, а также согласно прилагаемого при сем циркуляра Спецотдела при ГПУ за № 92531 считаю необходимым поехать самому или послать тов. Рониса для обследования постановки шифроделопроизводства в Дальбюро и установлении шифрсвязи между Бюро и его обкомами»[2]. В результате на заседании Секретариата 7 декабря 1922 года постановили: «Предложить Спецотделу ГПУ командировать в ДВО своего представителя для обследования и постановки шифроделопроизводства в советских и партийных органах, в том числе и в Дальбюро ЦК РКП»[3].

Секретным отделом ЦК инициировались и другие мероприятия организационного и административного характера. Так, например, в результате обследования шифроделопроизводства в представительстве

---

[1] РГАСПИ.Ф.17. Оп. 112. Д. 395. Л. 404.

[2] Там же. Л. 402.

[3] Там же. Ф.17. Оп. 112. Д. 395. Л. 10.

Якутской ССР при ВЦИКе, произведенном Спецотделом ГПУ и Секретным отделом ЦК и вынесенном на Секретариат ЦК 13 августа 1926 года, постановили: «а) Предложить Спецотделу и Якутскому обкому ликвидировать партийное делопроизводство в представительстве ЯССР. б) Переписку партхарактера в случае необходимости производить шифром и пересылать через Шифрбюро ЦК ВКП (б). в) Поручить Секретному отделу ЦК проверить шифроделопроизводство в других представительствах при ВЦИКе и провести указанное выше постановление в отношении всех представительств»[1].

Из вышеизложенного видно, что работа Специального отдела ГПУ проходила в тесном сотрудничестве с ЦК, и его секретными подразделениями. Приведенный пример наглядно показывает механизм взаимодействия при осуществлении проверок, уровень принятия решений и соответствующих оргвыводов по данным вопросам. На первых порах, шифросвязь между парткомами существовала не везде. Вопрос о ее организации решался непосредственно в Секретариате ЦК по просьбам парткомов и предложениям шифрорганов ЦК. Так, в июле 1922 года по просьбе Архангельского губкома, Шифрбюро ЦК вышло с предложением в Оргбюро ЦК установить связь Архангельского губкома с укомами области. Шифрбюро ЦК в записке помощнику Секретаря ЦК А. М. Назаретяну докладывало: «Прилагая при сем переписку Архангельского губкома о необходимости внутри губернии шифросвязи. Шифрбюро считает, что близость финляндской границы и значительный портовый центр создают внутри губернии благоприятные условия притоку белой агентуры, а по этому мотивы о необходимости внутреннего шифра вполне приемлемы. Просьба, ходатайство Архангельского губкома удовлетворить»[2]. В результате, учитывая вышеприведенные аргументы, Оргбюро ЦК разрешило Архангельскому губкому установить шифросвязь с укомами области[3].

Постановлением Секретариата ЦК от 11 августа 1922 года «О порядке шифросвязи губкомов с укомами», регламентировался порядок связи и пользования шифрами губкомов с укомами. Губкомам категорически запрещалось пользоваться шифром ЦК при сношениях с подчиненными им укомами, но разрешалось сноситься своим особым шифром с подчиненными им укомами по их усмотрению, рекомендовав при этом осторожность. Для сношения шифром губкомов с укомами устанавливался особый шифр, образцы которого должны были высылаться исключительно из Шифрбюро, при этом ЦК запретил пользование другими шифрами.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 219. Л. 8–9.

[2] Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 356. Л. 146.

[3] См. Там же. Л. 145.

Шифрбюро поручалась разработка специального шифра и инструкции для пользования ими для сношения губкомов с укомами[1].

В конце 1923 года, в связи с нотой Керзона, в которой цитировались перехваченные советские послания, Советский Союз опять сменил шифрсистемы, которые продержались до весны 1927 года. В ЦК также были приняты меры по дополнительной защите шифрованной переписки. В декабре 1923 года за подписью И. В. Сталина во все отделы ЦК, в Президиум ЦКК, Секретарю ЦК РКСМ и другим получателям и отправителям шифровок ЦК было направлено совершенно секретное циркулярное письмо ЦК[2]. Во исполнении данного циркуляра в целях обеспечения тайны шифров и шифропереписки устанавливался строго определенный круг лиц, через которые могут проходить, отправляемые через Шифрбюро ЦК шифротелеграммы, а также ожесточались меры по защите информации и определялся порядок составления, напечатания и хранения шифрованных телеграмм.

В этот период Центральный комитет принимал меры по контролю за сообщениями, принимаемыми шифром в ЦК из государственных органов. Шифровки, имеющие политическое значение, внешнеполитические ведомства должны были посылаться только в ЦК. Так, Политбюро, на заседании 22 октября 1925 года, обязало НКИД все шифровки политического значения, поступающих от полпредств после расшифровки посылать в Политбюро ЦК[3]. 5 ноября 1925 года на закрытом заседании Политбюро рассматривался вопрос НКИД о шифровках. На данном заседании было предложено свести шифропереписку к минимуму, выработать устойчивый код по согласованию с НКИД, установить и представить на утверждение Секретариата ЦК минимальный список лиц, с правом посылки и получения шифротелеграмм, а также произвести проверку конспиративности получения, хранения и возврата шифровок, а также тех лиц, которые имеют к шифровкам допуск[4].

В целом на Шифрбюро ложилась значительная нагрузка по работе. Ежедневно оно получало, расшифровывало, зашифровывало и отправляло десятки шифротелеграмм. Так, с 1 по 31 января 1925 года Шифрбюро получило и расшифровало 163 телеграммы, зашифровано 175; по вопросам шифрдела получено с мест и различных учреждений 145 номеров, отправлено на места 73 номера[5]. С 1 апреля по 30 апреля 1925 года было получено и расшифровано 88 телеграммы, зашифровано 77; по вопросам шифрдела получено с мест и различных учреждений 54 номера,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 360. Л. 3.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 696. Л. 1.

[3] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 524. Л. 1.

[4] См. Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 191–193.

[5] См. Там же. Ф.17. Оп. 84. Д. 944. Л. 38.

отправлено на места 43 номера[1]. С 1 по 31 августа 1925 года получено и расшифровано 72 телеграммы, зашифровано 70[2]. С 1 по 30 сентября 1925 года Шифрбюро получило и расшифровало 89 телеграмм, зашифровано 57; по вопросам шифрдела получено с мест и различных учреждений 115 номеров, отправлено на места 7 номера[3]. И все это кроме постоянной работы по составлению шифров и методическому обеспечению шифрработы.

Высшими инстанциями партии и в дальнейшем не раз принимались решения, касающиеся шифропереписок и шифротелеграмм. Так, к примеру, во исполнение постановления Политбюро от 5 ноября 1925 года, Секретариат ЦК на заседании 22 ноября 1925 года рассмотрел вопрос «О шифровках»; 13 августа 1926 года по представлению Секретного отдела – «О шифротелеграммах», решения по которым было вынесено в «особую папку». В 1926 году была принята общесоюзная «Инструкция по ведению секретного и шифровального делопроизводства». Но, не смотря на принимаемые меры, спецслужбы иностранных государств перехватывали секретную информацию. Так, к примеру, для англичан большой интерес представляла перехваченная и дешифрованная переписка большевистского правительства и дипломатов с Ближним Востоком и советскими организациями в Лондоне. Этому способствовало и обострение отношений с Англией, особенно после налета на экспортно-импортное советское объединение в Великобритании «Аркос». Перехват и чтение переписки работников советской дипломатической службы в Лондоне продолжались до конца мая 1927 года. «...Более того, в середине мая 1927 г, не обращая внимания на протесты главы ПШКШ *(Правительственная школа кодов и шифров Великобритании – Г. К.)* английский правительственный кабинет принял решение опубликовать избранные места из секретной советской переписки, чтобы оправдать разрыв дипломатических отношений с СССР. ...В результате в конце мая 1927 г. Кремль отдал приказ о введении трудоемкого, но при правильном использовании абсолютно надежного шифра»[4]. Шифрование и расшифровка теперь происходило путем применения одноразовых шифрблокнотов. «Поэтому, начиная с мая 1927 года и вплоть до середины 40-х годов английские криптоаналитики, уверенные в абсолютной стойкости советских шифрсистем, не прочли ни единого слова из шифрованной дипломатической переписки Советской России»[5]. И это было существенным успехом, говорившем о том, что кризис, связанный

---

[1] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 84. Д. 792. Л. 109.

[2] См. Там же. Л. 201.

[3] См. Там же. Л. 202.

[4] *Б. Анин, А. Петрович.* Радиошпионаж. С.192.

[5] *Лев Лайнер.* «Венона» Самая секретная операция американских спецслужб. С. 262.

с кадровым, интеллектуальным, организационным и техническим отставанием в области криптографии, прошел. Образовалась новая система и школа криптографов уже советского государства.

Центральный Комитет постоянно контролировал и проводил проверки шфровальных органов и ведение шифрработы в партийных комитетах. Так, по решению ЦК, в начале 1927 года Специальным отделом ОГПУ, наряду с проверкой ведения обычного секретного делопроизводства в ряде губкомов, было обследовано шифроделопроизводство в Тамбовском, Саратовском, Самарском губкомах ВКП (б)[1]. После проверки, Спецотделом ОГПУ составлялись соответствующие акты в трех экземплярах, один из которых затем направлялся в Секретный отдел ЦК для дальнейшего принятия решения. В актах указывались выявленные недостатки и рекомендуемые меры по их устранению. Недостатки в основном касались ведения документации, журналов и требования к помещениям. Замеченные недостатки губкомы обязаны были устранить в кротчайшие сроки и известить об этом ЦК. Так, Тамбовский губком сообщал в Секретный отдел ЦК: «По Вашему запросу за № 9750/с сообщаем, что упорядочения обращения с конспиративными документами ЦК нами по предложениям, указанным в акте обследования спец. отдела ОГПУ проделана следующая работа: 1. По шифр. Делопроизводству. 1) Шкаф с шифр. перепиской перенесен в изолированную от доступа посторонних комнату и ежедневно по окончании занятий опечатывается. 2) Заведена книга учета шифров. 3) Шифр. переписка при окончательном исполнении немедленно подшивается в соответствующее дело с внесением в опись бумаг имеющуюся в деле, при чем шифртелеграммы подшиваются отдельно от прочей шифр. переписки. 4) В делах с шифр. перепиской за прошлые годы, начиная с 1924 г. заведены описи бумаг согласно установленной формы. Дела до 1924 г. пронумерованы, прошиты, пропечатаны и в них заводятся описи бумаг»[2]. Самарский губком сообщал: «2. В деле хранения шифр делопроизводства: а) В книге учета шифров внесены все части шифра. б) Описи в делах ведутся своевременно. в) Хранилище опечатывается ежедневно, как комната, так и несгораемый шкаф»[3].

ЦК усилил общий контроль за шифроделопроизводством, а также принятием новых и перемещением работников шифрчастей в парторганах. По фактам нарушения установленного порядка ведения шифрделопроизводства ЦК делал соответствующие оргвыводы административного характера. Так, к примеру, на Секретариате ЦК 1 октября 1927 года рассматривался вопрос «О нарушении правил по шифропереписке

---

[1] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 113. Д. 259. Л. 179–182.

[2] Там же. Л. 195.

[3] Там же. Л. 197.

секретарем Коми обкома Козловым», на котором постановили: «Объявить т. Козлову выговор за халатное отношение к шифрпереписке». В данном случае речь идет о шифротелеграмме по реализации займа индустриализации[1]. На том же заседании слушался вопрос «О нарушении правил по шифропереписке секретарями Владимирского ГК т. Румянцевым и Вологодского ГК т. Матвеевым», по поводу которого постановили: «Указать тт. Румянцеву и Матвееву на невнимательное отношение к шифрпереписке»[2]. 18 ноября 1927 г. рассматривался вопрос «О результатах обследования шифроделопроизводства в Ферганском окружкоме КП(б)Уз», на котором постановили: «а) Объявить секретарю Ферганского окружкома т. Ульмасабаеву строгий выговор за халатное обращение с шифропереписки (не расшифровке в течение 38 дней директивной шифровки ЦК, отсутствие регистрации и учета в шифроделопроизводстве, неудовлетворительное хранение и пр.). б) Предложить Ульмасову в 2-х недельный срок устранить недочеты, указанные в акте обследования Спецотдела»[3]. 30 декабря 1927 г. на Секретариате ЦК рассматривался вопрос «О шифроделопроизводстве в парторганизациях», на котором указывалось секретарям Мурманского, Николаевского, Челябинского, Владикавказского, Могилевского, Майкопского окружкомов, Воронежского губкома и Калмыцкого обкома на нарушение циркуляров ЦК о порядке ведения шифроделопроизводства[4]. 23 марта 1928 года Секретариат ЦК рассмотрел вопрос «О результатах проверки ведения секретного шифрделопроизводства и обращения с конспиративными материалами ЦК в Кара-Калпакском обкоме ВКП(б)». В результате Секретариат ЦК постановил: «а) Указать секретарю Кара-Калпакского обкома на недопустимое обращение с конспиративными материалами ЦК и ведения секретного шифровального делопроизводства (беспорядочное состояние секретных и шифровальных дел, отсутствие регистрации и учета документов, не возврат конспиративных материалов, хранение их в ящиках столов и т. д. и т. п.). б) Предложить в двухнедельный срок со дня получения этого постановления наладить ведение секретно-шифровального делопроизводства и обращение с конспиративными документами ЦК в соответствии с правилами и указаниями, отмеченными в акте Спецотдела ОГПУ»[5]. Как видно, наказания за нарушения правил ведения шифрработы в 1920-х гг. были довольно мягкие, ограничиваясь административными мерами воздействия.

Особое внимание ЦК уделял кадровому составу, обеспечивающему шифровальную работу. Так, 2 июля 1927 года заместитель заведующего

---

[1] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 113. Д. 337. Л. 8.
[2] См. Там же. Л. 9.
[3] Там же. Д. 344. Л. 8.
[4] См. Там же. Ф.17. Оп. 113. Д. 583. Л. 7.
[5] Там же. Д. 608. Л. 17.

Секретным отделом ЦК Я. Е. Брезановский секретным письмом в адрес Секретариата ЦК, указал на нарушение правил проверки и назначения секретных шифрработников в 8-ми парторганизациях. В результате, 24 октября 1927 года Секретный отдел совместно с Шифрбюро разослал всем парторганизациям, имеющим шифрсвязь с ЦК ВКП (б), секретное письмо, подписанное заведующим Секретным отделом ЦК И. П. Товстухой и заведующим Шифрбюро ЦК С. Ф. Чечулиным, с сообщением о порядке согласования кандидатур шифрработников с Секретным отделом ЦК и присылкой документов кандидатов для оформления. Во исполнение постановления ЦК ВКП (б) от 30 мая 1927 года, всем парторгнизациям ВКП (б), имеющим шифрсвязь, было направлено циркулярное письмо, подписанное Секретарем ЦК С. В. Косиором. В письме указывалось, что ряд парторганизаций, имеющих шифросвязь, нарушает правила движения шифрработников, чем лишает Секретный отдел ЦК ВКП (б) возможности своевременной проверки и учета лиц, допускаемых к шифроделопроизводству и создает неблагоприятные условия при работе в парторганизациях и нарушения правил конспирации. По данному делу ЦК ВКП (б) предложил парторганизациям принять к руководству ряд требований. Ведение шифроделопроизводства должно было возлагаться обязательно на членов партии со стажем не менее 3-х лет; каждое назначение и перемещение шифрработников парторганизаций должно было производиться обязательно с предварительного согласия Секретного отдела ЦК ВКП (б) с присылкой всех требуемых документов. Передача шифроделопроизводства (хотя бы и временная), должна была быть оформлена тем же порядком, как и при новом назначении, снятие и назначение шифрработников. Вновь назначаемый шифрработник допускался к шифрам и шифропереписке только при получении парторганом соответствующего извещения от Секретного отдела ЦК ВКП (б). ЦК также указывало, на не допустимость частой смены шифрработников в парторганах. Передача шифроделопроизводства без предварительного согласия с Секретным отделом ЦК ВКП (б) допускалась только в исключительных случаях (болезнь, срочное перемещение, немедленное отстранение). Обстановка, вызванная бегством в 1926 году помощника И. В. Сталина Б. Бажанова за границу, требовала усилить контроль и за кадрами Шифрбюро. Так, на Секретариат ЦК Секретным отделом был вынесен вопрос о Шифрбюро, на котором, в частности, постановили: «Поручить тов. Товстухе, совместно с тов. Федоровым (секретарем партколлектива Секретного отдела) пересмотреть состав сотрудников Шифрбюро ЦК»[1].

В 1928 году были приняты раздельные общегосударственные «Инструкция по секретному делопроизводству» и «Инструкция по шифро-

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 866. Л. 136.

вальному делопроизводству». А в июне 1929 года циркулярным письмом ЦК ВКП (б), подписанным Секретарем ЦК Л. М. Кагановичем и заведующим Секретным отделом ЦК И. П. Товстухой, разосланным всем парторганизациям, были изменены правила ведения секретного и шифровального делопроизводства в партийных комитетах ВКП (б). Изменения касались порядка согласования представляемых документов по кандидатурам, проходящим проверку и поступающих на работу в секретные подразделения или допускаемых к секретным сведениям. Доверенные и шифровальщики должны были назначаться парткомами только после предварительного согласования кандидатур с местными органами ГПУ. Ранее существовавший порядок согласования секретных и шифрработников с Секретным отделом ЦК отменялся[1]. На наш взгляд, это было связано как с общим усилением роли ОГПУ в данном вопросе, так и с передачей ЦК данных функций по принадлежности более компетентному органу.

После XVII съезда ВКП (б) структура ЦК претерпевает изменения. Вместо Секретного отдела создается Особый сектор. На местах в парткомах сохранялись особые сектора, где заведующие Особыми секторами одновременно стали и заведующими Шифрбюро. По постановлению Секретариата ЦК обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик запрещалось снимать или перемещать на другую работу заведующих особыми секторами и шифрработников без согласия ЦК ВКП (б), а также допускать к шифрработе сотрудников без утверждения ЦК ВКП (б). В таком виде Шифрбюро структурно и по подчиненности, оставалась неизменной вплоть до начала Великой Отечественной войны. Решения и документы по организации и ведению шифрделопроизводства за 1930-е – начало 1940-ых годов в открытых протоколах Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК отсутствуют. Есть лишь упоминание о заседании Секретариата ЦК ВКП (б) 24 августа 1941 года, уже в военное время, на котором рассматривался вопрос «О шифрсвязи с райкомами и горкомами». По всей видимости, документы по защите информации техническими средствами за 1930-е годы мы можем найти в материалах закрытых заседаний, «особой папке» вышеперечисленных высших органов партии или в документах Особого Сектора ЦК, находящихся на хранении в Президентском архиве.

Таким образом, можно констатировать, что с приходом к власти перед большевистской партией и правительством остро встал вопрос о защите секретных сообщений, как политического, так и дипломатического и военного характера. Организация криптографической службы дело весьма дорогостоящее и требующее определенного уровня разви-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 608. Л. 114.

тия техники, специальных знаний и подготовки кадров. Радиоразведка и шифровальное дело приобретали все более широкие масштабы. Особенно быстро совершенствовалась техника. Развитые страны Европы, Соединенные Штаты, царская Россия до революции 1917 года, имели специальные службы, занимающиеся шифровкой и дешифровкой сообщений. Большевики отказались от большинства шифров, доставшихся «по наследству» от царского и Временного правительств в силу простоты шифров и их читаемости, а в некоторых случаях, наоборот, в виду сложности в использовании. К тому же большинство специалистов-криптографов оказалось «по ту сторону баррикад». Организация работы по защите сообщений, передаваемых техническими способами, была возложена на ВЧК. В начале деятельности, так как шифры были слабыми или известными противнику, большинство зашифрованных радиосообщений и шифропереписка, легко перехватывались и читались как западными спецслужбами, так и белогвардейцами, о чем неоднократно докладывалось руководству страны. В начальный период Гражданской войны, большевикам организовать работу по всему комплексу защиты информации техническими средствами было непосильной задачей. Упор делался, в основном, на организационные и административные мероприятия. Лишь в мае 1921 года официально было создано секретное подразделение – Специальный отдел при ВЧК, затем – ГПУ, которое должно было заниматься криптографией. Со временем функции отдела будут значительно расширены. Первым руководителем отдела был видный большевик со стажем конспиративной работы – Г. И. Бокий. Специальный отдел просуществовал вплоть до приказа НКВД СССР от 9 августа 1938 года, когда на его базе был образован 9 (шифровальный) Спецотдел 1 Управления НКВД СССР, которое возглавил капитан государственной безопасности А. Д. Баламутов. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 года, когда НКВД был разделен и образовывался самостоятельный НКГБ, в его структуре был образован 5 (шифровальный) отдел. Шифровальное подразделение (5 управление) было образовано и в «Смерше», созданном 14 апреля 1941 года. Автор работы не ставил задачу осветить историю создания и развития данного подразделения и криптографии в целом, и поэтому в рамках темы, ограничился взаимоотношением Спецотдела с партийными органами по работе и развитию шифровального дела в партийных комитетах, начиная от ЦК и заканчивая партийными комитетами на местах. Защита партийной и государственной тайны, проходящей через партийные комитеты, являлось предметом пристального внимания высших партийных инстанций. Естественно, коммунистическая партия, будучи правящей, направляла и контролировала все стороны деятельности государства и партийного аппарата, в том числе и работу по защите

информации техническими средствами. В структурах парткомов снизу до верху создаются специальные службы, занимающиеся шифровкой и дешифровкой сообщений. В 1920 – 1930 гг., вплоть до Великой Отечественной войны и позже, они входили в состав секретных подразделений или являлись самостоятельными секретными структурами парткомов. В структуре ЦК в различные годы были: Шифрбюро, Шифротделение, IV сектор Секретного отдела и т. п.; на местах – специальные шифрподразделения со штатом шифрработников. С 1934 года, к примеру, это – Шифрбюро Особых секторов партийных комитетов.

После XVII съезда ВКП (б) заведующий Особым сектором ЦК стал одновременно и заведующим Шифрбюро. Можно констатировать, что с этого момента, все руководство секретной работой ЦК по защите информации сосредотачивалась в одних руках. Следует отметить, что руководитель Особого сектора ЦК подчинялся непосредственно И. В. Сталину. Сотрудники шифровальных подразделений имели в структуре ЦК особый статус. Все шифровальщики (от ЦК до партийных комитетов на местах) являлись секретными сотрудниками партии. Наличие шифрчастей и шифрработников в партийных комитетах являлось партийной тайной. Сотрудники данных подразделений проходили проверку в органах госбезопасности и Секретном отделе ЦК, принимались и назначались на работу только после их согласия. Все ограничения, связанные с работой с секретными сведениями, распространялись и на сотрудников шифрподразделений. Как уже было отмечено выше, за 1930-е годы информация о деятельности ЦК партии большевиков по защите информации техническими средствами в открытых протоколах Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК практически отсутствует, но из доступных на данный момент документов видно, что вопросы защиты государственной и партийной тайны техническими средствами не только в партийных, но и в государственных ведомствах и учреждениях не раз становились предметом обсуждения ЦК. Политбюро и другие высшие органы партии утверждали все решения партии и правительства по данному вопросу, обязательных для исполнения не только партаппаратом, но и государственными органами власти и управления. К примеру, можно отметить постановления Политбюро «О пользовании секретными материалами» 1925 г. и «О конспирации» 1927 г.

Следует также отметить, что уже с середины 1920-х гг. вопросы шифрработы обсуждались только на закрытых заседаниях высших парторганов и комиссий ЦК. Именно с 1925 года в открытых протоколах по данному вопросу мы встречаем краткое: «Решение – особая папка». Учитывая специфику данных вопросов, прямо связанных с обеспечением секретности не только в парторганах, но и в государственных структурах, можно понять закрытость данной информации. С

развитием специальных технических средств, накоплением опыта, решения вопроса кадрового обеспечения, эффективность технических и организационных мероприятий по данной работе возрастала. В открытых материалах высших органов партии и других открытых источниках, автору данной работы не встречались документы о случаях вскрытия и утечки информации по техническим каналам партии после 1927 года и вплоть до Великой Отечественной войны включительно, хотя известно, что западные спецслужбы, в частности Великобритания, до середины 1927 года дешифровывала внешнеполитическую переписку СССР. Имеются данные, что партийные органы пользовались своей (специально для них разработанной Специальным отделом ВЧК – ОГПУ) системой защитой информации техническими средствами в целом и, в частности, своими шифрами и кодами. К примеру, в партийных документах конца 1920-х гг. упоминаются шифры партийных комитетов под названием «Уран» и «Заря». Но в дальнейшем, начиная с 1940 года, партийные органы перешли на государственную систему шифров и кодов.

В рассматриваемый период основным методом по защите информации было принятие мер организационного и превентивного характера и реагирование на факты утечки секретных сведений и смягчения последствий несанкционированного доступа. Автор данной работы не ставил задачу рассмотрения вопроса с точки зрения технического оснащения партийных органов специальным оборудованием и техникой (а также в плане ее усовершенствования и эффективности), используемой в 1920 – 1930 гг. по защите информации. С начала 1920-х гг. работа партии и государства была сосредоточена на мероприятиях организационного характера, включающих в себя: 1. Отказ от старых и создание новых шифров. 2. Усиление требовательности, контроля и личной ответственности к работникам, имеющих отношение к шифровальной и дешифровальной работе. 3. Подбор и обучение кадров. 4. Создание Специального отдела ВЧК, но подчиненного ЦК партии – специального органа, осуществлявшего централизованные функции по защите информации. 5. Проведение работ по организации и обследованию подразделений, ведущих шифрделопроизводство в парторганах.

Основную информацию о состоянии дел по защите информации техническими средствами ЦК и Спецотдел собирали путем проведения плановых и внеплановых проверок шифрподразделений партийных комитетов, в результате которых выявлялись негативные моменты и принимались меры превентивного характера по пресечению утечки информации. Причем следует отметить, что оргвыводы к нарушителям в 1920-е годы были довольно мягкие и носили, в основном, административный характер.

С конца 1920 годов, после бегства в 1926 г. секретаря И. В. Сталина, Б. Бажанова за границу и обострения напряженности, едва не привед-

шей к войне с Великобританией, 1927 года, была изменена не только система пользования шифрами в государственном масштабе, выразившейся в переходе к одноразовым шифрблокнотам и разделению секретного и шифровального делопроизводства, но и в работе с кадрами. В партийных органах это выразилось сначала в усилении проверочных и запретительных функций и контроля за парторганами на местах и кадровым обеспечением со стороны Специального отдела ЦК, а затем и с полной передачей данных функций в ведение ОГПУ.

Дальнейшее развитие системы криптографии и защиты информации техническими средствами, а также использование ее Коминтерном, как специфическим партийным органом, не входит в рамки данной работы. Важно то, что пользоваться информацией, в частности, шифроперепиской, даже отделенной давностью лет, необходимо крайне осторожно. Так, А. Судоплатов в своей книге пишет: «Ветераны ЦРУ, работавшие весной 1992 г. над архивом ЦК КПСС, натолкнулись на материалы Коминтерна о связях Опенгеймера с членами законспирированной ячейки Компартии США. Они обнаружили также и запрос нашей разведки Димитрову, председателю Коминтерна, в июне 1943 года с просьбой предоставить данные для использования этих связей»[1]. Далее он отмечает: «Сейчас американцам удалось дешифровать переписку наших резидентур в Вашингтоне, Сан-Франциско, Нью-Йорке с Москвой в значительной мере, я полагаю, потому, что в 1992 г. мы сами передали американской стороне ряд материалов Коминтерна, включая полный текст шифротелеграмм на русском языке, полученных по каналам разведки НКВД. Ввиду постоянного наблюдения американскими спецслужбами с 1940 года за нашим радиоэфиром им удалось установить, как сообщала наша пресса, более двухсот агентов советской разведки, участвовавших в добыче материалов по атомной бомбе и секретной документации американских правительственных органов, в том числе и спецслужб. Но ряд ключевых кодовых имен остается не раскрытым»[2].

---

[1] *А. Судоплатов.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымысел о моем отце. Т. 2. С. 151.

[2] Там же. С. 189.

2.4. Создание нормативной базы по обеспечению режима секретности и секретному делопроизводству

Одним из методов борьбы с несанкционированным выходом секретной информации за пределы ЦК, а также правого обеспечения защиты информации, была разработка специальных регламентирующих нормативных документов – правил, инструкций, положений, регламентов, памяток и т. д. как по общим вопросам секретности, так и конкретно по работе с секретными документами. На практике, вначале 1920-х гг. в рассылке, использовании и особенно, возврате секретных документов ЦК, было много беспорядка и неразберихи. В государственных и партийных инстанциях ощущалось отсутствие как общей культуры работы с документами вообще, так и не соблюдение элементарных правил секретности. Поэтому, принятие только административных мер было недостаточно. Необходима была четкая регламентация работы с секретными документами. Необходимо было создавать нормативную, регламентирующую базу и обучать сотрудников государственного и партийного аппарата.

После окончания Гражданской войны данный вопрос не раз выносился в повестку дня заседаний высших партийных инстанций. В итоге в конце 1922 года была утверждена «Инструкция о порядке хранения и движения секретных документов». Следует отметить, что на ОГПУ возлагался контроль и наблюдение за исполнением данной инструкции. ЦК также обязывало ОГПУ в месячный срок разработать по согласованию с ведомствами соответствующие ведомственные инструкции. Этот документ касался не только государственных, но и партийных структур и имел общегосударственное регулирующее значение. В нем впервые было зафиксировано, что для организации и ведения секретного делопроизводства создаются секретные подразделения. Все секретное делопроизводство центральных и местных государственных учреждений и парторганизаций должно было сосредотачиваться в выделенных для этой цели Секретных частях. Сотрудники данных под-

разделений должны были быть исключительно членами партии. Порядок, условия работы, а также учет и прием сотрудников Секретной части определялся тот же, что и для работников Шифрбюро. (незадолго до этого, в 1921 году, ЦК утвердил положение о Шифрбюро). Инструкция определяла также пересылку секретной иногородней корреспонденции только через фельдъегерский корпус ОГПУ. Военное ведомство должно было использовать своих фельдъегерей. К данной инструкции прилагался «Порядок заготовления, регистрации, пересылки и хранения секретной корреспонденции», который также был утвержден. В документе регламентировалось: кто и как изготовляет и готовит к отправке секретную документацию; порядок изготовления, регистрации, хранения секретных документов и их копий; ведение журнала регистрации или составление регистрационных карточек на секретные документы; определялся порядок регистрации, изготовления и приема секретных пакетов. По окончании рабочего дня документы должны были сверяться с описями. Сотрудникам запрещалось брать секретные документы на дом. Ответственность за целостность и сохранность секретной переписки, а также за соблюдение тайны находящейся в ней информации ложилась как на исполнителя, так и на руководителя организации. Каждая вышестоящая государственная или партийная организация должна была устанавливать для своих подчиненных структур сроки, порядок, условия возврата секретных материалов для уничтожения или же определять порядок их уничтожения на месте[1]. 19 октября 1922 года на совместном заседании Оргбюро и Секретариата ЦК был также утвержден «Список учреждений в коих вводится порядок хранения и пересылки секретных документов»

Таким образом, до 1922 года централизованного подхода и общего регламентирующего документа по работе с секретными документами не было, ведомства самостоятельно вели секретную работу, а также определяли степень секретности информации. В связи с выходом в 1922 году инструкций, регламентирующих работу с секретными документами в государственных учреждениях, партийные комитеты также поднимали вопросы перед ЦК партии о разработке нормативного документа о пользовании секретными партийными документами. Решением Оргбюро ЦК для разработки партийного нормативного документа, была создана комиссия, которую возглавил А. М. Назаретян. В нее вошли также Г. Каннер, Канторович, Цибизов (от Специального отдела ОГПУ). В итоге 30 августа 1922 г. Оргбюро ЦК рассмотрев вопрос «О порядке хранения секретных документов» вынесло решение: «1) Принять предложения комиссии о порядке хранения секретных докумен-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 112. Д. 365. Л. 324–325.

тов...Поручить этой комиссии точно определить учреждения, коих касается данное постановление в целом или его отдельные части. 2) Поручить товарищу Назаретяну созвать совещание представителей отделов ЦК для разрешения вопроса о технике хранения секретных документов внутри аппарата ЦК»[1]. Также 1922 году на Оргбюро и Секретариате ЦК было принято постановление «О порядке хранения и движения секретных документов внутри отделов ЦК» и приняты инструкции по хранению секретных документов Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК. На заседании Оргбюро 30 ноября 1922 года слушался вопрос о порядке хранения выписок из протоколов Политбюро и Оргбюро. В итоге было вынесено решение: «Принять циркуляр, предложенный т. Назаретяном «О порядке хранения секретных постановлений ЦК». Признать необходимым отпечатывание правил хранения секретных документов на обороте выписок из протоколов Политбюро и Оргбюро»[2]. Так как это инструкция была первой, приведем текст данной инструкции полностью: «Порядок хранения секретных постановлений ЦК РКП (Б-ов). а) 1. Круг лиц, коим должны рассылаться выписки из протоколов ЦК РКП, партийных комитетов и отдельные распоряжения секретарей ЦК и парткомов определяются одним из секретарей ЦК и секретарями парткомов и адресуются им и персонально.1. Безусловно запрещается передача выписок и отдельных распоряжений ЦК и парткомов лицам, коим выписка или распоряжения не адресованы. 2. Выписки и отдельные распоряжения ЦК и парткомов надлежит хранить в особых личных делах и ни в коем случае не допускается приложение их к советскому и профсоюзному делопроизводству. 3. Безусловно воспрещается копирование выписок и распоряжений ЦК и парткомов, а также письменная ссылка в советском и профсоюзном делопроизводстве на решения партии. б) 1. О всех случаях нарушения этих решений ЦК доводит немедля для сведения Секретариата ЦК РКП или партийных комитетов для предания виновных к строжайшей партийной ответственности. Основание: Постановление Оргбюро ЦК от 30 ноября 1922 г. протокол № 77 п. 58»[3].

Были не забыты и местные партийные организации. В конце декабря 1922 г – начале 1923 гг. ЦК принимается «Инструкция о порядке пользования выписками из протоколов и отдельных распоряжений парткомов»[4]. Аналогичный документ был издан и в Красной армии. Приказ РВСР № 2011 определял порядок обращения с совершенно секретной корреспонденцией.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 365. Л. 310.
[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 393. Л. 207–208.
[3] Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 412. Л. Титульный, об.
[4] См. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 697. Л. 334.

Исходя из принятого постановления Оргбюро от 30 августа 1922 года, учреждения и ведомства, по согласованию со Специальным отделом ГПУ, разрабатывали свои ведомственные инструкции. Основной вопрос, возникавший при разработке инструкций, касался отсутствия точного определения и разграничения между «секретной» и «совершенно секретной» информацией и корреспонденцией. Так, к примеру, Нарком почт и телеграфов издал секретный приказ по ведомству «О разграничении переписки на «совершенно секретную» и «секретную» и о порядке ведения их», в котором давалось определение и разграничение по грифам и видам секретности на «сов. секретную» и секретную». 10 ноября 1922 года Наркомом была утверждена ведомственная «Инструкция по ведению, хранению, пересылке и доставке секретной корреспонденции», в которой в общей части также давалось разграничение но трем видам корреспонденции: «сов. секретную», секретную» и «не подлежащую оглашению». Вторая часть инструкции – «Порядок заготовления, регистрации, пересылки и хранения секретной корреспонденции», в общем, повторяла с определенной конкретизацией, принятую и утвержденную ЦК «Инструкцию о порядке хранения и движения секретных документов».

В 1923 году вновь поднимается проблема создания инструкции для партийных комитетах на местах. На заседании Оргбюро ЦК 13 января 1923 года рассматривался вопрос «О проекте циркуляра о порядке хранения и движения секретных документов». Оргбюро постановило: «Специальную инструкцию не издавать, а указать губкомам на необходимость руководствоваться соответствующими для советских органов инструкциями о порядке хранения и движения секретных документов»[1]. Через три дня, т. е. 16 января 1923 года, всем областным бюро ЦК, ЦК национальных компартий, обкомам и губкомам было направлено секретное циркулярное письмо, подписанное Секретарем ЦК РКП (б) В. В. Куйбышевым,. В нем предлагалось всем парторганам при секретной переписке руководствоваться установленной для советских учреждений инструкцией с приложением «Порядка заготовления, регистрации, пересылки и хранения секретной корреспонденции». Таким образом, это были первые инструкции, которые определяли и регламентировали порядок, круг лиц и организаций по работе с секретной информацией, подтверждалось запрещение совместного ведения партийного, государственного, советского и профсоюзного делопроизводства, а также копирование и ссылка в документах на партийные решения. Нарушителям грозило строгое партийное наказание[2].

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 403. Л. 60.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 412. Л. титульный об.

Но, в мае того же года, ЦК все-таки решил разработать инструкцию, изначально предназначенную для работы с секретными документами ЦК. Так, на заседании Секретариата ЦК 11 мая 1923 года рассматривался вопрос «О разработке инструкции по вопросу возврата, ознакомления и рассылки конспиративных документов ЦК», на котором постановили: «Создать комиссию в составе тт. Назаретяна, Бокия и Товстухи. Созыв комиссии за т. Назаретяном»[1]. Состав комиссии говорил сам за себя: помощник Секретаря ЦК, начальник Специального отдела ОГПУ, заведующий Бюро Секретариата ЦК. Уже в июне 1923 года на заседании Секретариата ЦК был заслушан доклад заведующего Бюро Секретариата ЦК И. П. Товстухи о работе комиссии. В результате была представлена и принята инструкция «О порядке рассылки и ознакомления с конспиративными документами ЦК РКП (б)». Вопрос в целом был вынесен на утверждение Политбюро ЦК и в конечном итоге данная инструкция была утверждена Пленумом ЦК ВКП (б) 19 августа 1924 года. Секретным циркулярным письмом от 5 сентября 1924 года, подписанным И. В. Сталиным и направленном всем членам и кандидатам ЦК, членам ЦКК, членам Центральной Ревизионной Комиссии, национальным ЦК, крайкомам, губкомам и обкомам РКП, инструкция была доведена до сведения и исполнения. В письме также отмечалось: «В распоряжении Секретариата ЦК имеются факты, указывающие на то, что целый ряд секретных решений и постановлений ЦК и его органов становилось известными лицам, которые ни в коем случае не должны были быть посвящены в это. Чаще всего причиной этого является несоблюдение самых элементарных правил конспирации, в том числе и при обращении с документами ЦК в части ознакомления с ними, хранения и возврата. В настоящий момент, в связи с расширением составов ЦК и ЦКК, вопрос об условии соблюдения абсолютной конспирации в отношении документов ЦК становится особенно важным, ввиду необходимости увеличения количества заготовляемых документов, усложнения, как самой рассылки, так и постановки наблюдения за получением их адресатами и возврата их в Секретариат ЦК. Поэтому, в целях обеспечения самой строгой конспирации, ЦК предлагает точнейшим образом руководствоваться нижеследующими правилами, с тем, чтобы все случаи, когда конспиративные данные будут выходить за пределы ЦК, так и случаи нарушения настоящих правил, будут подвергаться тщательному расследованию для привлечения виновных к самой строгой ответственности, с передачей дела в ЦКК»[2].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 448. Л. 3.

[2]. Там же . Ф. 17. Оп. 112. Д. 578. Л. 90.

В 1924 году впервые нормативно определялся состав секретных документов ЦК. В тексте правил обращения с конспиративными документами определяется вид и состав конспиративных документов ЦК. Секретными (конспиративными) считались все протокольные и распорядительные документы высших органов партии. Конспиративными документами ЦК считались протоколы Пленума, Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК, также все другие материалы и документы (выписки из постановлений и т. п.), исходящие из ЦК с надписью: «Строго секретно». В документе также регламентировались изготовление, количество, порядок приема, ознакомления, использования, хранения и возврата конспиративных документов ЦК. Данным постановлением ограничивалось количество лиц имеющих право знакомиться и работать с секретными материалами. Особо отмечалось, что: «Постановление Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК, имеющие директивный характер общепартийного значения, которые должны проводиться в жизнь не отдельным лицом или отдельным ведомством в строго секретном порядке (например, по Наркоминделу, Наркомвоен, ГПУ и т. п.), а всей партией в целом или партийной печатью, – могут членами ЦК оглашаться на закрытых заседаниях в бюро национальных ЦК, обкомов и губкомов или на собраниях ответственных работников в таком же порядке, как оглашаются протоколы пленумов ЦК и закрытые письма ЦК[1]. В свою очередь не только ЦК, но и высший контрольный партийный орган принимал соответствующие секретные организационные документы. Так ЦКК, постановлением Секретариата Президиума ЦКК от 31 октября 1923 года, утвердил «Порядок хранения секретных постановлений ЦКК РКП (б)»[2].

Принимались нормативные документы, регламентирующие работу с секретными документами партийных комитетов и на местах. В 1923 году была принята «Инструкция о порядке рассылки выписок из постановлений Оргбюро и Секретариат ЦК РКП(б)», в которой определялся порядок рассылки выписок в партийные комитеты на местах[3], а постановлением Пленума ЦК РКП(б) от 19 августа 1924 года принят «Порядок пользования секретными документами губкома РКП (б)». Отдельно постановлением ЦК, утвержденным Оргбюро ЦК 6 марта 1925 года, регламентировался «Порядок хранения и возвращения в ЦК протоколов Секретариата, Оргбюро, Политбюро и Пленума ЦК», в котором подтверждалось хранение данных документов лично у тех лиц, которым они адресованы. После использования, протоколы подлежали

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 578. Л. 90.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 697. Л. 4.

[3] См. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 696. Л. 101–102.

возврату в Бюро Секретариата. Для проживающих в Москве устанавливался 2-недельный срок возврата документов, в провинции – 1 месяц, на окраинах СССР – 1,5 месяца. Возврат документов осуществлялся через утвержденных ОГПУ проверенных сотрудников, а из провинции – через фельдъегерскую службу ОГПУ. В случае невозвращения в установленный срок более трех протоколов, дальнейшая посылка их (до возвращения) временно прекращалась. Таким образом повышалась личная ответственность пользователей секретной информацией и на практике реализовывался принцип персональной ответственности.

В 1926 году был принят ряд общесоюзных инструкций, регламентирующих отдельные вопросы организации и ведения секретного делопроизводства в государстве в целом: «Инструкция по ведению секретного и шифровального делопроизводства», «Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за постановкой секретного и мобилизационного делопроизводства», «Инструкция по ведению архивного делопроизводства и сдаче дел в органы Центрархива», «Правила постановки архивной части секретного делопроизводства в государственных, профсоюзных, кооперативных учреждений, предприятий СССР и Союзных республик», «Инструкция о порядке заготовления и конвертирования корреспонденции, пересылаемой дипломатической почтой», «Инструкция о порядке стенографии на секретных совещаниях и заседаниях», «Инструкция о порядке ведения и хранения секретной переписки». 1926 – 1927 года были наиболее плодотворными по подготовке и внутренних партийных нормативно-правовых документов, как по структуре секретных подразделений ЦК, так и работе с секретными документами. Так, в это время были разработаны «Инструкция Секретной экспедиции Бюро Секретариата»[1], «Инструкция текущего делопроизводства Секретного отдела ЦК ВКП (б)»[2]. «Правила входа в части аппарата Секретного отдела ЦК»[3], «О порядке регистрации и отправления исходящих секретных бумаг»[4], «Инструкция работы в Секретном архиве Бюро Секретариата»[5], «Инструкция о секретной части Машинописного бюро при Управлении делами ЦК ВКП (б) и ЦК ВЛКСМ»[6], «Инструкция по регистрации секретных входящих бумаг ЦК ВКП (б)»[7]. На наш взгляд, это было связано, прежде всего, с обострением международной обстановки, а также поступившей информацией о вскрытии секретной переписки и

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 539. Л. 62–70.
[2] См. Там же. Л. 1–7.
[3] См. Там же. Л. 54.
[4] См. Там же. Л. 21–22.
[5] См. Там же. Л. 40–42.
[6] См. Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 537. Л. 42–44.
[7] См. Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 538. Л. 195–198.

радиошифровок английскими спецслужбами и несанкционированным выходом документов за пределы партийных комитетов. В связи с этим, ЦК принял ряд организационных мер по защите информации. В том числе, была обновлена и переработана нормативная база. В итоге, 5 мая 1927 года Политбюро утвердило постановление «О пользовании секретными материалами», в котором регламентировалась работа с шифропереписки, а также хранение, обращение, рассылка конспиративных документов. Кроме того, постановление касалось организации работы заграничных архивов и дипломатической почты, закрытых заседаний ЦК и сотрудников, ведущих секретную работу. Особое внимание уделялось контролю за проведением в жизнь намеченных данным постановлением, мероприятий. На основании этого же постановления ЦК, были приняты «Правила хранения, ознакомления и возвращения протоколов Политбюро и Пленума ЦК ВКП (б)»[1]. Правила определяли работу с протоколами заседаний Политбюро и Пленума ЦК ВКП(б), которые затем переутверждались 10 июня 1927 г. и 16 мая 1929 г. Они полностью повторяют «Правила обращения с конспиративными документами ЦК РКП», утвержденные Пленумом ЦК 19 августа 1924 года.

10 июня 1927 года на заседание Секретариата ЦК были вынесены на обсуждение, подготовленные Секретным отделом ЦК «Правила хранения, ознакомления и возврата протоколов заседаний ЦК ВКП (б)»[2], касавшиеся протоколов Оргбюро и Секретариата ЦК. Эти правила, в основном, также повторяли «Правила хранения, ознакомления и возврата протоколов Политбюро и Пленума». Различия заключались в сроках возврата протоколов и выписок из протоколов Оргбюро и Секретариата, а также документов «Особой папки». Возврат протоколов Политбюро должен был осуществляться в течение 5 дней, Оргбюро и Секретариата – 7 дней, документов «Особой папки» – 3 дня.

За несоблюдение правил работы с секретными документами и нарушения секретных инструкций применялись меры партийного и административного воздействия. Виновным грозило привлечение к самой строгой ответственности. Для расследования фактов утечки информации привлекалось ЦКК, а в особых случаях, и ОГПУ. Но, не смотря на принимаемые ЦК меры, в партийных комитетах, особенно на местах, постоянно нарушались правила конспирации по ведению секретного делопроизводства и обращения с секретными документами. Не было общего нормативного, для местных партийных комитетов, документа. Необходимо было навести порядок и регламентировать ведение секретного делопроизводства в партийных организациях на местах. 21 ноября

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 373. Титульный лист об.

[2] См. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. С. 73–74.

1927 года, Секретный отдел представил на утверждение в Секретариат ЦК, согласованные со Спецотделом ОГПУ, правила ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами ЦК в партийных комитетах на местах. Секретарю ЦК С. В. Косиору поручалось предварительно просмотреть предложенную инструкцию и доложить свои соображения на следующем заседании Секретариата. В результате, после нескольких проработок вопроса, 23 марта 1928 года Секретариат ЦК принял решение: «а) Предложенные Секретным отделом ЦК, согласованные со Спецотделом при ОГПУ, правила ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами ЦК в парторганизациях – утвердить. б) Предложить Секретному отделу ЦК разослать эти правила для руководства всем Нац. ЦК, крайкомам, обкомам, губкомам и окркомам ВКП (б). в) Общее наблюдение за постановкой секретного делопроизводства в партийных органах осуществляется через спецотделения при ПП ОГПУ и ГПУ Нацреспублик»[1].

С 1928 года это был основной документ, регламентирующий работу с секретными документами в партийных комитетах на местах. «Правила ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами в партийных комитетах» вышли под грифом «совершенно секретно». Правило состояло из восьми глав: 1. Общие положения; 2. Личный состав; 3. Делопроизводство входящих бумаг; 4. Делопроизводство исходящих бумаг; 5. Экспедиция. 6. Хранение материалов и ведение дел; 7. Порядок ознакомления с конспиративными материалами ЦК и по мобвопросам; 8. Помещение, порядок хранения, охрана.

Для полноты понимания, подробнее остановимся на содержании данной инструкции. В Общей главе констатировался основной принцип: «Чем меньше людей имеют доступ (в той или иной форме) к секретным материалам – чем больше гарантия сохранения конспирации». Затем указывалось кто ведет данную работу парткомов и обязанности секретной части, а также ответственность за нарушение конспирации.

В главе «Личный состав» давалась характеристика и критерии, предъявляемые к сотрудникам секретных органов, определен порядок назначения и увольнения секретных сотрудников и доверенных по приему документов, а также «легенда» при упоминании в личных документах должности и места работы.

В третьей главе был определен порядок получения секретной корреспонденции, регистрации, учета и движения документов внутри парткома. Вся работа с секретными документами должна была производится только в секретной части парткома и регистрироваться в соответствующей секретной документации.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 608. Л. 97.

В четвертой главе был определен порядок изготовления исходящих секретных документов до момента рассылки. На документе исполнителем должны были проставляться степень секретности («с», «сс») и срочности («срочно», «весьма срочно», «особо срочно»); документы должны были печататься только в секретной части и у специально допущенных машинисток, с соблюдением мер конспирации. Для стенографирования секретных докладов и заседаний должны были заводиться специальные тетради, которые хранились в секретной части; все исполненные секретные документы должны были содержать обозначение номера экземпляра и исполнителя; черновики и лишние экземпляры уничтожаться; размножение секретных документов должно было производиться только в секретной части типографским способом – на секретных типографиях или участках. При регистрации исходящих документов журналов и карточек рекомендовано было не заводить, а изготовлять лишнюю копию, которая в порядке поступления подшивается в скоросшиватели и тем самым должна заменять журнал. Все копии, журналы и другие документы должны были храниться наравне со всеми секретными документами, в исключительных случаях разрешалось уничтожать документы адресатом или оставлять в секретных делах.

В пятой главе – «Экспедиция», отмечалось, что вся исходящая секретная корреспонденция парткомов отправляется через секретную часть; давались обязательные реквизиты, техника изготовления и конвертирования пакетов. Устанавливались следующие литера на пакетах: «серия К» – «сов. секретная», секретная (срочная и несрочная) – для сдачи только в собственные руки адресату; литер «А» – «сов. секретная», «секретная» срочная; литер «В» – вся остальная «сов. секретная» и «секретная» переписка. Произвольная литеровка не допускалась. В данной главе регламентировался порядок сдачи–приема секретной корреспонденции. Воспрещалась отправка несекретной переписки под видом секретной. Парткомам вменялось в обязанность составлять перечень вопросов, которые должны проходить у них в «секретном», «сов. секретном» и «не подлежащем оглашению» порядке.

Особо оговаривался порядок перевозки секретной корреспонденции. Курьерам, перевозившим секретные документы, рекомендовалось избегать заторов транспорта или скопления людей. По пути следования запрещалось заезжать не относящиеся к маршруту места, останавливаться и вступать в разговоры. Пакеты должны были передаваться лично. Курьеры, доставляющие секретные документы, как правило, вооружались револьверами. Подлинники расписок о приеме пакетов должны были храниться год, после чего проверяться комиссией с участием представителя местного ОГПУ и уничтожаться по акту.

В шестой главе «Хранение материалов и ведение дел» отмечалось, что все секретные документы должны подшиваться в соответствующие дела, заведенные по корреспондентскому и по тематическому признака, в хронологическом порядке.

Запрещалось приобщать секретные документы к несекретным. На дубликаты (если таковые имелись) секретных документов, составлялась опись, которая утверждалась секретарем парткома. По миновании надобности дубликаты уничтожались по акту путем сожжения. Текущий секретный материал должен был храниться в течение 3-х созывов. Секретные дела ввелись от съезда до следующего съезда партии и хранились в секретных частях. Категорически запрещалась передача секретных архивов парткомов в государственные учреждения. В каждом деле должна была быть внутренняя опись документов. Дача справок о содержании переписки по телефону строго воспрещалось. Справки устно могли даваться зав. секретной частью только членам бюро парткома, а письменные – только за подписью секретаря парткома. Выдача выписок или копий секретных документов воспрещалась. В крайнем случае разрешалось только по распоряжению секретаря парткома.

Седьмая глава регламентировала порядок ознакомления с конспиративными материалами ЦК и по мобилизационным вопросам. В данной главе отмечалось, что с конспиративными документами ЦК знакомятся все члены и кандидаты в члены парткома и контрольных комиссий. Знакомиться с содержанием секретных документов ЦК должны были в специально отведенной в парткоме комнате. Запрещалась выдача документов для ознакомления и хранения на квартирах. Знакомить с документами дополнительных лиц допускалось только с разрешения ЦК. Ознакомление низовых парторганизаций производилось путем ознакомления только секретарей этих организаций. Отмечалось, что ознакомление с конспиративными документами ЦК «более широких слоев членов партии» должно производиться только после специального указания ЦК.

В последней, восьмой главе «Помещение, порядок хранения, охрана» отмечалось, что секретная часть должна находиться в изолированном от других частей аппарата, помещении, с ограниченным допуском. Все хранилища секретных документов, должны быть сосредоточены в секретной части. Хранение секретных документов должно быть в несгораемых железных шкафах или в сундуках, обитых железом и привинченных к полу. Пользоваться висячими замками запрещалось. Уборка помещения должна производиться только в присутствии сотрудников секретной части. Ключи от шкафов должны были находиться у секретаря парткома или зав. секретной частью (доверенного). Неисполненная отделами парткома переписка сдавалась на ночь в секретную

часть. Сотрудникам парткома также не разрешалось оставлять секретную переписку в своем столе или шкафу на ночь, носить секретные материалы на квартиру или возить с собой в командировку, а также оставлять секретные документы на столе при выходе из комнаты. При увольнении со службы, выхода в отпуск, выезда в командировку и т. п., документы передавались другому назначенному лицу по акту.

Помещение секретной части и шкафы опечатывались и пломбировались. Ключи от секретной части, печать или пломбир должны были храниться у зав. секретной частью (доверенного). Для охраны секретной части в парткомах на ночь должен был выставляться вооруженный караул. Рекомендовалось возле зданий парткомов выставлять милицейский пост. В ночное время, в помещение секретной части, караулом допускались только секретарь парткома или заведующий секретной частью. Перед открытием помещение секретной части должно было проверяться на сохранность печатей и пломб. При обнаружении следов повреждений составлялся акт за подписью начальника караула и заведующего секретной частью, а затем пересылался местному отделу ОГПУ для расследования. Помимо всего, на секретаря парткома, возлагалась ответственность принимать в каждом отдельном случае дополнительные меры, обеспечивающие в зависимости от обстоятельств, максимальную конспиративность ведения секретного делопроизводства и обращения с секретными документами[1].

Утвержденное Политбюро 5 мая 1927 года, и имевшее общегосударственное значение, постановление «О пользовании секретными материалами» после прошествии двух лет, потребовало приведения данного документа в соответствие с новыми условиями. В развитии упомянутого постановления, в целях наибольшего обеспечения секретности, разрабатывается и на заседании Политбюро 16 мая 1929 года утверждается новое постановление – «О конспирации». Во исполнение данного постановления создавалась комиссия по проверке состава сотрудников Секретного отдела ЦК, доверенных на получение секретной корреспонденции и секретарей, а также подтверждался 3-х дневный срок возврата протоколов Политбюро. Но, следует отметить, что в дальнейшем, по постановлению Политбюро от 23 мая 1929 года «О возврате протоколов Политбюро и Пленумов ЦК», восстанавливался 5-ти дневный срок возврата протоколов Политбюро, восстанавливался и прежний порядок рассылки выписок из протоколов заседаний Политбюро и Пленумов ЦК. К постановлению «О конспирации» прилагалось и вышеупомянутое постановление от 5 мая 1927 года «О пользовании секретными материалами». Действие постановления «О конспирации»,

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 608. Л. 99–113.

как и прежнее, распространялось как на государственные, так и на партийные органы.

Центральный комитет большевиков, естественно, не мог оставить без внимания и вопросы конспирации по использованию и других видов секретных документов партии. Так 21 февраля 1930 года Секретариатом ЦК были утверждены подготовленные Секретным отделом ЦК правила пользования сводками «О заграничной печати» и «О секциях Коминтерна». К примеру, требования к хранению и пользованию сводками «О заграничной печати», предъявлялись такие же, что и к другим секретным документам ЦК.

В 1930 – 1940-х годах активно шел процесс разработки и введения в действие документов, регламентирующих работу с секретными сведениями и документами на государственном и ведомственных уровнях. Особенно, если это касалось военного ведомства. Так приказом Наркома по военным и морским делам СССР от 25 сентября 1930 года № 70 было введено в действие «Наставление по мобилизационной работе в войсковых частях, управлениях, учреждениях и заведениях РККА». В 1937 году был издан приказ Наркома обороны СССР № 0043 «Об основах и организации скрытного управления войсками», № 0105 «О мероприятиях по зашифровке наименований войсковых частей и сохранению в тайне дислокационных сведений». Приказом НКО СССР от 4 сентября 1939 года № 150 было введено в действие «Наставление по секретному делопроизводству в РККА», приказом от 20 июня 1940 года № 0130 «Наставление по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений КА», а перед самой войной, приказом Наркома обороны от 5 марта 1941 № 095 года «Наставление по мобилизационной работе местных органов военного управления НКО СССР». Постановлением СНК СССР от 17 июня 1939 года № 884-145 с «О реорганизации фельдъегерской связи НКВД СССР» закреплялся уже фактически существующий порядок перевозки секретной и совершенно секретной корреспонденции СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б), НКО, НКВМФ и НКВД от Москвы до республиканских, краевых, областных центров и обратно через фельдъегерскую связь НКВД, а также перевозка всех ведомств (за исключением перечисленных) секретной, совершенно секретной корреспонденции и драгоценных металлов от центра до районов и обратно через Специальную связь Наркомата связи.

Важным этапом в разработке нормативной базы было утверждение 2 января 1940 года Постановления СНК СССР «Инструкции по ведению секретных и мобилизационных работ и делопроизводства в учреждениях и на предприятиях». Данный общегосударственной документ регламентировал почти весь комплекс работ по соблюдению режима

секретности и работе с секретными документами в учреждениях и на предприятиях. В инструкции были определены:

– Порядок разработки перечня сведений, подлежащих засекречиванию и порядок установления и изменения грифа секретности, классификацию сведений по степени секретности;

– функции 7 отдела УГБ;

– функции и ответственность руководителей учреждений за состояние режима секретности;

– названия секретных органов, порядок их создания и ликвидации;

– основные задачи секретных органов;

– требования к работниками, допущенным к секретной информации;

– порядок оформления допусков к секретным работам и документам;

– требования по ограничению допуска к секретной информации;

– порядок ведения секретного делопроизводства и работы с документами в секретных библиотеках и архивах;

– порядок обращения с шифротелеграммами в учреждениях, не имеющих шифровальных органов;

– порядок хранения секретных и мобилизационных документов;

– порядок учета, хранения спецпродукции и обращения с ней;

– требования к производству кино- и фотосъемки;

– порядок проведения секретных заседаний.

Каких-либо регламентирующих нормативных документов по работе с секретными партийными документами за 1930-е годы в материалах открытых протоколов высших органов партии, и в другом изученном материале автором работы не обнаружены. Возможны два варианта: либо инструкции по данным вопросам, утвержденные во второй половине 1920-х годов, действовали и не претерпевали существенных изменений вплоть до Великой Отечественной войны либо данные вопросы с начала 1930 -х годов обсуждались только на закрытых заседаниях высших партийных органов и поэтому данные документы, возможно, находятся в материалах закрытых протоколов, «особой папки» и Особого сектора ВКП(б).

Незадолго до Великой отечественной войны, 28 июня 1940 года в ЦК ВКП (б) была утверждена инструкция о постановке секретного делопроизводства в обкомах, крайкомах и ЦК республик. Эта инструкция касалась, в основном, секретно-мобилизационной работы. В парткомах на местах, на основании полученных от ЦК решений и рекомендаций, принимались правила и инструкции по хранению, ознакомлению и возврату секретных конспиративных документов. Так, к примеру, в документах Кызыл-Ординского обкома Казахстана мы находим «Правила хранения, ознакомления и возврата протоколов заседаний Бюро и Пленумов обкома КП (б) К». Данные документы были аналогичны инструкциям ЦК и в большей части их повторяли.

Таким образом, в партийных комитетах РКП (б) – ВКП (б) за 1918 – 1940-е годы (до начала войны), было разработано и введено в действие более двадцати документов по соблюдению и обеспечению режима секретности в целом и регламентирующих работу с секретными партийными документами в частности. Следует отметить, что особое внимание партии на протяжении 1920 – 1930 гг. уделялось секретным документам высших партийных инстанций и форумов – постановлениям, протоколам и другим материалам Съездов, Пленумов, заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК. Самая ранняя инструкция, обнаруженная автором – «Инструкция о порядке хранения и движения секретных документов», была принята на заседании Секретариата ЦК, и датируется 30 августа 1922 года. Возможно, существовали более ранние нормативно-регламентирующие документы, но не обнаруженные в материалах открытых протоколов Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК. В 1922 году постановлением Политбюро было принято решение о разделении партийного от государственного и профсоюзного делопроизводства. Другим наиболее важным событием в жизни страны была подготовка к политическому и юридическому оформлению Советского Союза. Эти обстоятельства способствовали созданию нормативных, регламентирующих актов по соблюдению конспирации и работе с секретными, как с партийными, так и государственными документами. Так, в конце 1922 – начале 1923 года, были разработаны и утверждены «Инструкция о порядке хранения и движения секретных документов» и «Перечни документов, не подлежащих разглашению». Так же был утвержден и список учреждений, в которых вводилась в действие вышеуказанная инструкция в масштабах всей страны. В 1922 году также были приняты первые партийные нормативные документы, регламентирующие движение секретных документов внутри ЦК. Далее на всем протяжении 1920-х годов разрабатывались новые, дополнялись или перерабатывались старые нормативные документы по соблюдению конспирации. Так, к примеру, 19 августа 1924 года Пленумом ЦК были утверждены «Правила обращения с конспиративными документами ЦК РКП», 6 марта 1925 года «Порядок хранения и возвращения в ЦК протоколов Секретариата, Оргбюро, Политбюро и Пленума ЦК». В 1927 – 1928 гг. Политбюро были утверждены общегосударственные постановления «О пользовании секретными материалами», а в партийных комитетах – «Правила ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами в партийных комитетах». 16 мая 1929 года постановлением Политбюро ЦК «О конспирации» было закреплено и продлено действие постановления 5 мая 1927 года «О пользовании секретными материалами», действие которых распространялось на все партийные и государственные структуры. Регламенти-

рующие документы партии не только утверждались на высшем партийном уровне, но и были приняты за основу при разработке и введение в действие инструкций и правил по постановке и обеспечению конспирации при работе с протоколами заседаний ЦК ВЛКСМ, а также при пользовании сводками бело-эмигрантской печати (Утверждено Секретариатом ЦК 04.03.27 г.), сводками «О заграничной печати», «О секциях Коминтерна» (Утверждены 21.02.30 г.) и др.

Особо необходимо отметить механизм разработки, рассмотрения и утверждения секретных нормативных документов. Для решения данной задачи создавались специальные комиссии, в основном, под председательством одного из членов ЦК или Секретаря ЦК с участием представителей Секретных подразделений ЦК, Специального отдела ОГПУ, ведомств и специалистов по соответствующим направлениям. Часть решений и документов поручалось подготовить непосредственно Бюро Секретариата (Секретному отделу) ЦК, который и представлял разработанные им или комиссией документы на утверждение Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК. Помощь в разработке, согласование, проведение проверок (совместно с секретными подразделениями партии), общее руководство и контроль за соблюдением режима секретности и правил по работе с секретными документами осуществлял Специальный отдел ОГПУ и его приемники в органах государственной безопасности. Все окончательные решения по созданию секретных нормативных документов и их утверждение происходило на высшем партийно-государственном уровне. Это была реальная правовая база по работе с секретной информацией. Наряду с регламентирующими функциями, эти нормативно-регламентирующие акты давали и легитимное, в рамках функционирующей партийно-государственной системы, правовое обеспечение, в том числе и санкций за нарушение их требований.

Следует отметить, что принятые в конце 1920-х годов секретные партийные инструкции действовали вплоть до Великой Отечественной войны. По секретному партийному делопроизводству в обкомах, крайкомах и ЦК республик инструкцию 1928 года сменила утвержденная ЦК ВКП (б) 28 июня 1940 соответствующая партийная инструкция, а государственная – до принятия постановления СНК СССР от 2 января 1940 года.

2.5. Партийный и государственный контроль за соблюдением конспирации, условий хранения и использованием секретных документов и информации

Одной из самых сложных проблем в функционировании механизма политической власти в стране в 1920 – 1930-е гг. был контроль за выполнением принимаемых решений, в том числе и по соблюдению режима секретности и использованием секретными документами в партийных комитетах. Обеспечение контроля в этой области было одним из направлений деятельности секретных подразделений ЦК и органов государственной безопасности. Для выполнения данной задачи Центральным комитетом организовывались проверки соблюдения режима секретности при хранении и пользовании секретными документами в аппарате ЦК и партийных комитетах на местах. Эта работа проводилась с целью определения «слабых мест» и «уязвимых участков утечки» информации и дальнейшего проведения превентивной профилактической и административной работы по обеспечению режима секретности.

Для решения этой проблемы необходимо было в первую очередь сосредоточить секретные документы, находящиеся у «ответственных товарищей» из партийного аппарата и организаций, в свое время переданных им ЦК для работы, в едином центре в Секретариате ЦК. К 1922 году в Политбюро имелись сведения, что много документов, в том числе и секретных, таких как протоколы заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата находились на руках у членов ЦК. Данный вопрос был рассмотрен на заседании Секретариата ЦК 21 апреля 1922 года и затем представлен на утверждение Политбюро. Постановлением от 18 мая 1922 года «О порядке хранения протоколов Политбюро членами ЦК», Политбюро утвердило решение Секретариата: «а) Признать

необходимым возвращение старых протоколов Политбюро в Секретариат ЦК. б) Срок возвращения установить как общее правило, 1,2 года. Секретариат ЦК предоставляет право изменения этого срока, если это потребуется условиями. в) Поручить Секретариату проверить достаточно ли соблюдается в личных секретариатах членов ЦК конспирация при хранении протоколов»[1]. Секретарю ЦК В. В. Куйбышеву было поручено выполнение данного постановления. 22 октября он направил письмо всем членам ЦК, в котором просил: «1. Срочно сообщить мне порядок хранения протоколов ЦК в Ваших личных архивах, какими мерами обеспечена достаточная конспиративность их хранения и проч. 2. Принять к сведению и руководству, что протоколы Цека подлежат обязательному возвращению в ЦК. (Протоколы Политбюро в Секретариат Политбюро, а протоколы Оргбюро и Секретариата в Секретариат Оргбюро) по истечению 6-ти месячного срока; в данный момент должны быть возвращены протоколы ЦК созыва X-го съезда до декабря 1921 г. включительно; остальные протоколы ЦК прошлого созыва подлежат возвращению в ЦК в сентябре текущего года. В отношении протоколов ЦК созыва XI съезда поступать также, т. е. пересылать их по истечению 6-ти месячного срока по полугодиям, в ЦК»[2]. Во исполнение решения Политбюро и Оргбюро, в Секретариат ЦК и В. В. Куйбышеву направлялись письма членов ЦК о состоянии и условиях хранения документов и соблюдения конспирации[3]. Сам В. В. Куйбышев, в свою очередь, также информировал ЦК: «Протоколы Секретариата, Оргбюро, Политбюро и Пленума храню в закрытом ящике письменного стола в моем кабинете в ЦК, причем кабинет в часы, когда нет занятий, запирается»[4].

Из сообщений членов ЦК стало очевидно, что, в общем на первый взгляд, при хранении секретных документов у них соблюдались предъявляемые требования. Но в распоряжении ЦК, имелись и факты, говорившие о нарушении правил хранения секретных документов, что приводило к разглашению секретных сведений. Нарушались, в том числе, и правила хранения архивных документов партии, сосредоточенных в государственных архивах. Так, в 1923 году Спецотделом ОГПУ был проверен Архив Октябрьской Революции (АОР), в котором вообще отсутствовала Секретная часть, а секретные документы ЦК РКП (постановления и материалы к ним, основания к правительственным и партийным актам, договорам, концессиям, документы, освещающие нелегальную работу и т. д.) лежали открыто на полках без должной ох-

---

[1] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 293. Л. 5.
[2] Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 333. Л. 57–58.
[3] Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 393. Л. 212–218.
[4] Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 393. Л. 211.

раны[1]. К контролю за соблюдением правил конспирации при работе с секретными документами, их хранения и использования кроме секретных подразделений ЦК привлекалась и Центральная Контрольная Комиссия ЦК. Так на заседании Президиума ЦКК 4 марта 1924 года был рассмотрен вопрос о распространении секретных документов: «Ввиду того, что практика ЦКК показала широкое распространение среди членов партии документов, запрещенных к распространению и что в распространении и хранении этих документов сплошь и рядом замешаны и члены партии, непричастные к фракционной борьбе и не заинтересованные в распространении, войти в ЦК партии с просьбой, чтобы местным организациям было предложено сделать указание членам партии о сдаче всех секретных документов в партийные организации с тем, что в случае обнаружения секретных документов на руках членов партии, впредь будут приниматься суровые меры партийного взыскания»[2]. В результате, данное предложение было вынесено на рассмотрение Секретариата ЦК, который постановил: « а) Принять предложение ЦКК о хранении и сдаче секретных документов. б) Поручить тов. Короткову в недельный срок составить для рассылки на места циркуляр о хранении и сдаче секретных документов»[3].

В 1925 году по поручению Секретариата ЦК, Бюро Секретариата предприняло меры по сбору информации о состоянии секретной работы в партийных органах на местах. 20 октября 1925 года из ЦК в 33 окружкома было направлено письмо, за подписью заведующего Бюро Секретариата Л. З. Мехлиса, в котором предлагалось срочно ответить на ряд вопросов. В том, числе: кто из работников аппарата окружкома ведает секретным делопроизводством (краткие сведения о них) и кем он утверждался, имеются ли в парткомах несгораемые шкафы и охраняется ли здание окружкома? Видимо, не удовлетворившись ответами комитетов и обладая оперативной информацией с мест, а также не прекращающиеся случаи утерь и кражи секретных партийных документов, вынуждали ЦК более серьезно проводить мероприятия по обеспечению режима секретности и проверку соблюдения конспирации при работе с секретными документами. Так в начале декабря 1925 года Бюро Секретариата просило Секретариат ЦК поставить на очередное заседание вопрос о проверке соблюдения правил хранения, возврата и ознакомления с секретными документами ЦК РКП (б). В проекте постановления предлагалось установить порядок периодических плановых проверок соблюдения правил конспирации в парторганах, в советских учреждениях, профсоюзных, кооперативных и прочих организациях, а так-

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 587. Л. 21–21 об.
[2] Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 526. Л. 110–110 об.
[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 526. Л. 7.

же в отделах ЦК, в Секретариатах членов ЦК и ЦКК и определить лиц и органы производящие такие проверки. Секретным отделом ЦК было предложено, что проверки в партийных органах должны были производить местные партийные ревизионные комиссии, ответственные инструктора ЦК и лица, специально направленные ЦК для проведения данных мероприятий. В Секретариатах членов ЦК и ЦКК проверки проводились в каждом отдельном случае по постановлению Секретариата ЦК по согласованию с заведующими отделами и членами ЦК и ЦКК. Бюро Секретариата, в свою очередь, брало на себя обязанность снабжать проверяющих лиц соответствующим инструктивным материалом и подготовку письма к ревизионным комиссиям на местах с просьбой проводить периодические проверки[1]. В результате 29 января 1926 года Секретный отдел ЦК вынес на Секретариат ЦК вопрос «О проверке соблюдения правил хранения, возврата и ознакомления с секретными документами ЦК ВКП (б)». Рассмотрев его, Секретариат ЦК постановил: «Установить порядок периодических плановых проверок соблюдения правил хранения, возврат и ознакомления с конспиративными документами ЦК ВКП (б)[2]. Секретариат ЦК также подтвердил, предложенный Секретным отделом порядок и круг лиц, производящих проверку. С этого момента все результаты проверок порядка хранения, возврата и ознакомления с секретными документами ЦК подлежали представлению в Секретный отдел ЦК. Как видно, данное постановление узаконило плановый и периодический характер проведение проверок. Данная работа велась при непосредственном участии ЦК ВКП (б), Секретного отдела ЦК и Специального отдела ОГПУ.

Во исполнение этого постановления, уже весной 1926 года, Секретный отдел поднял вопрос о проведении проверок соблюдения правил обращения и хранения конспиративных материалов ЦК ВКП (б) в обкомах на местах. 7 мая 1926 года Секретариат рассмотрел просьбу Секретного отдела ЦК и разрешил произвести проверку соблюдения правил хранения, возврата и ознакомления с секретными документами ЦК. Следует отметить, что данный вопрос рассматривался на закрытой части заседания, и решения по нему были вынесены в «особую папку».

Принятие к 1926 году нормативных документов по регламентации работы с секретными документами партии, таких как «Инструкция о порядке хранения и движения секретных документов», «Инструкция по ведению, хранению, пересылки и доставке секретной корреспонденции», «Правила обращения с конспиративными документами», «Правила хранения, ознакомления и возврата протоколов Политбюро и Пленума ЦК ВКП (б)», постановления ЦК «О порядке хранения и возврата в

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 944. Л. 294–296.

[2] Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 163. Л. 24.

ЦК РКП протоколов Секретариата, Оргбюро, Политбюро и Пленума ЦК», также требовало от ЦК проверки их исполнения. Обследовались не только партийные, но и государственные ведомства и учреждения, получающие секретные партийные документы. Так в январе – мае 1926 года Секретным отделом ЦК и Спецотделом ОГПУ были проверены Наркомпрос, Госплан СССР, НКТруда, НКЗдравоохранения, Государственный институт Запада, Коммунистический университет трудящихся Востока и некоторые члены ЦКК. По результатам проверок, 29 января 1926 года заведующий Секретным отделом ЦК А. П. Товстуха и 14 мая 1926 года его заместитель Я. Е. Брезановский, делали доклады на заседаниях Секретариата ЦК. Как выяснилось в ходе проверок, были выявлены случаи халатного обращения с конспиративными документами. К нарушителям были применены меры партийного и административного воздействия[1]. В данном случае, проверялось ведение секретного делопроизводства и постановки шифровальной работы. В некоторых случаях, когда не было возможности обеспечить секретность или не соблюдались нормы и правила ведения шифрработы, шифрчасти просто ликвидировались. В общем следует отметить, что по результатам проверок «оргвыводы» следовали довольно мягкие: «поставить на вид», «обязать», «указать» и т. п., то есть, отношение к нарушителям было на удивление более чем лояльное. Необходимо отметить, что именно к этому времени была, в основном, разработана и введена в действие нормативная база по обеспечению режима секретности и секретному делопроизводству, что давало легитимную нормативно-правовую основу осуществлять контроль за соблюдением требований и правил по работе с секретными документами и по принятию мер по защите информации в целом.

Механизм проведения проверок был таков:

1. Оргбюро или Секретариат ЦК по представлению Секретного отдела ЦК выносили решения о проведении проверок соблюдения правил хранения, возврата, ознакомления, ведения секретного и шифровального делопроизводства.

2. Во исполнение данных решений и по согласованию с Секретным отделом ЦК, проверку производил Специальный отдел ОГПУ.

3. По результатам проверки Спецотделом ОГПУ составлялся акт, в котором фиксировались как положительные, так и негативные моменты и недостатки. Причем, один экземпляр акта (в середине 1920-х гг. акты подписывал начальник Спецотдела ОГПУ Г. И. Бокий, заместитель начальника отдела А. Гусев, начальник 5 отделения Спецотдела Цибизов), в котором делался общий (с оценкой) вывод и указывались меры по устранению недостатков, направлялся в Секретный отдел ЦК;

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 163. Л. 24–25.

4. Секретный отдел ЦК акты анализировал, группировал, делал в виде сводок свои заключения по данным проверок и направлял сводку с приложенными актами на рассмотрение в Оргбюро или Секретариат и представлял на утверждение проект постановления ЦК по данному вопросу.

5. Оргбюро или Секретариат выносили постановления ЦК с соответствующими организационными выводами.

6. В итоге проверенные организации и партийные комитеты в обязательном порядке должны были сообщать в Секретный отдел ЦК об исправлении обнаруженных недостатках.

Так, к примеру, в августе 1926 года был проверен порядок обращения с секретными документами в Калужском губкоме ВКП (б)[1]. В результате Секретариат ЦК на заседании 20 августа 1926 года принял постановление: «....б) Поставить на вид секретарю Калужского губкома за недопустимое обращение с конспиративными материалами ЦК (регистрация и хранение документов ЦК не в надлежащем порядке, передача их в органы Центроархива), «.....Упорядочить обращение с конспиративными материалами, согласно соответствующих правил ЦК, а также указаний Спецотдела ОГПУ, перечисленных в актах проверки. О принятых в этом направлении мерах сообщить в ЦК в двухнедельный срок»[2]. В результате, в письме Калужского губкома, во исполнение данного постановления, в Оргбюро объяснялись причины и сообщалось о принятия мер к устранению недостатков[3].

В сентябре 1926 года Секретный отдел направил в Секретариат ЦК ВКП (б) «Сводку нарушений установленных правил обращения с конспиративными документами ЦК, обнаруженных обследованием Спецотдела ОГПУ», произведенных у ряда должностных лиц. В результате чего выходит постановление Секретариата ЦК: «...Обязать перечисленных выше товарищей упорядочить обращение с конспиративными документами ЦК согласно существующих правил, а также указаний Спецотдела ОГПУ перечисленных в актах проверки. О принятых в этом отношении мерах сообщить ЦК – в двухнедельный срок»[4]. В результате в двухнедельный срок в ЦК было сообщено о причинах сложившегося положения и принятых мерах[5].

В январе 1926 года Спецотделом ОГПУ был проверен порядок пользования и хранения секретных документов ЦК в Самарском, Тамбовском, Рязанском, Воронежском и Саратовском губкомах, у кандидата в члены ЦК ВКП (б) Варейкиса, членов ЦКК К. М. Кудряшова, Я. К. Абеля,

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 222. Л. 128–139,141–147.

[2] См. Там же Л. 7.

[3] См. Там же. Л. 145–147.

[4] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 242. Л. 8.

[5] См. Там же. Л. 203–204.

М. О. Разумова. Обследование показало, что из всех проверенных организаций и лиц, только у М. О. Разумова дело обстояло благополучно. У всех остальных было обнаружен ряд упущений и недостатков, являющихся нарушением правил конспирации (выдача документов на дом и при выезде в командировки, отсутствие надлежащего учета, допуск к документам лиц, не утвержденных ЦК, не соблюдение сроков возврата и условий хранения документов и т. д.). Наряду с проверкой ведения секретного делопроизводства, в данном случае в Тамбовском, Саратовском, Самарском губкомах проверялось и ведение шифрработы[1]. В июне 1926 года был проверен НКИД и Бюро заграничных ячеек ЦК ВКП (б). В результате проверки в Бюро состояние дела отмечалось как неудовлетворительное. В сентябре – октябре того же года были проверены высшие государственные органы страны – Управления делами СНК СССР и СТО, аппарат ЦИК, а также Карельский обком ВКП (б)[2]. В результате были выявлены фактически такие же случаи халатного отношения к работе с секретными документами ЦК (хранение на квартире, не возврат в установленный срок, отсутствие допуска, регистрации и учета). В ноябре 1926 года на заседании Секретариата ЦК рассматривались результаты очередной проверки соблюдения правил обращения с конспиративными документами ЦК. Следует заметить, что постановление по данному вопросу было занесено не в открытую часть протокола, а уже в «особую папку». Проверке подвергались не только партийные комитеты и должностные лица, но и секретные подразделения ведомств. В наиболее значимых случаях дела передавались на рассмотрение ЦКК ВКП (б). На заседаниях Президиума ЦКК по данным вопросам всегда присутствовали представители органов государственной безопасности. Так от ОГПУ на заседаниях присутствовали начальник Специального отдела ОГПУ Г. И. Бокий, начальник V отделения этого же отдела Цибизов и А. Гусев[3]. В особых случаях ЦК не ограничивался принятием только административных мер, а при обнаружении виновных ОГПУ поручалось передавать дела в прокуратуру, т. е. для привлечения к уголовной ответственности.

Производимые проверки выявляли также и недочеты в данной работе и со стороны самого ЦК. Так, исходя из результатов проверок, Специальный отдел ОГПУ в 1926 году приходит к заключению о необходимости приведения нормативных документов ЦК в соответствие с новыми условиями. Так, в письме Спецотдела ОГПУ, направленном в Секретный отдел ВКП (б): «...считает необходимым обратить Ваше внимание на крайнюю необходимость выработки и предоставления со-

[1] См. Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 259. Л. 170–189.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 308. Л. 9–10, 194–208.

[3] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 246. Л. 20–21.

ответствующей твердой инструкции о порядке пользования и хранения секретных материалов ЦК, Политбюро и ЦКК, так как практика обследования показала нам, что существующие ныне правила по хранению и пользованию указанными материалами частично отжили свое время указаний, как хранить, учитывать и пользоваться названными материалами»[1]. Далее в решении Секретариата ЦК по данному вопросу указывалось на недопустимость нарушений правил обращения с конспиративными документами и предлагалось в двухнедельный срок привести в соответствие с существующими правилами и указаниями Спецотдела ОГПУ, приведенными в актах обследования, что, судя по присланным затем в Секретариат ЦК сообщениям секретарей губкомов, и было сделано[2]. В итоге, принимая во внимание озабоченность и рекомендации Секретного отдела ВКП (б) и Специального отдела ОГПУ по поводу результатов проверок, ЦК было принято решение разработать новую инструкцию. Вскоре была разработана и 5 мая 1927 года на Политбюро ЦК окончательно утверждена инструкция «О пользовании секретными материалами». Как видно, здесь мы наблюдаем обратную связь и взаимодействие органов госбезопасности и ЦК по данному вопросу.

После принятия инструкции, проверки Спецотделом ОГПУ возобновились. В мае 1927 года были произведены обследования у заместителя председателя СНК РСФСР Лежавы, председателя Подготовительной комиссии СНК СССР Антонова-Саратовского, председателя коммунистической фракции Правления Центрального Сельхозбанка Шефлера, членов ЦК Богуславского, Леплевского. В результате, фактически снова выявились случаи халатного отношения к работе с секретными документами ЦК (хранение на квартире, не возврат в установленный срок, отсутствие допуска, регистрации и учета). В решениях Секретариат ЦК по данным проверкам опять такие мягкие формулировки, как «указать и устранить». Снова в ЦК идут сообщения об устранении обнаруженных недостатков[3]. В конце 1927 – начале 1928 гг. Спецотделом ОГПУ были проверены Среднеазиатское Бюро ЦК, Сибкрайком, Казахкрайком, ЦК КП (б) Узбекистана, ЦК КП (б) Туркменистана, Киргизский обком, Кокандский окружком, Бурят-Монгольский обком. В результате было выявлено неудовлетворительное состояние дел по работе с секретными документами (несанкционированная выдача документов на руки, небрежное хранение, нарушение правил регистрации, учета и пересылки, несоблюдение сроков возврата и др.). В постановлении Секретариата ЦК от 10 февраля 1928 года мы снова видим прежние

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 246. Л. 178.

[2] См. Там же. Л. 195–197.

[3] См. Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 308. Л. 9–10, 194–208.

санкции «указать секретарям», «исправить недостатки», самое суровое – «выговор»[1]. В декабре 1927 года за халатное отношение к конспиративным материалам (пропажа документов) выговоры и лишение на полгода высылки материалов получили известный большевик Н. И. Подвойский и член Орехово-Зуевского укома Каштанов. В назидание остальным, данные решения были доведены до всех лиц, получающих конспиративные материалы[2]. Примечателен случай, когда очень серьезно начатое расследование, выявилось при проверке у кандидата в члены ЦК КП (б) Узбекистана Кадыр-Алиева. Дело в том, что, отбыв в командировку в ЦК Узбекистана, он оставил партийные документы дома. Его жена, обнаружив их, и будучи неграмотной, продала данные документы в частную лавку как материал для упаковки товаров. Расследованием этого дела занимался Специальный отдел ОГПУ. Сначала была получена санкция на арест за преступление, предусмотренного ст. 153 УК Узбекистана за разглашение секретных сведений, не подлежащих оглашению. Но затем, в письме за подписью Г. И. Бокия и Цибизова в Секретный отдел ЦК ВКП (б) заместителю заведующего Я. Е. Брезановскому сообщалось, что в ходе проверки обнаружено, что среди проданных «совершенно секретных» и «секретных» документов, все-таки, нет. И, в итоге, к нарушителю были применены более мягкие, по сравнению с арестом, санкции – объявлен партийный выговор и снят с работы[3].

Данный случай говорил, во-первых, с одной стороны, о существовании в конце 1920-х гг. и более строгих мер-наказаний, предусмотренных уголовным кодексом за разглашение секретных сведений. Во-вторых, с другой стороны, о недостаточно серьезном, понимания вопроса субъектами – носителями секретной информации и низком культурном и правовом уровне при работе с документами вообще, имевшемся еще в стране, в целом, и особенно на периферии. Так, в феврале 1928 года было указано секретарям Уральского, Актюбинского, Сырдарьинского, Акмолинского губкомов, Ташкентского, Зейского, Самаркандского, Кустанайского и Читинского окружкомов на неудовлетворительное обращение с конспиративными документами и дан 2-х недельный срок на исправление положения дел[4].

14 октября 1927 года на заседании Секретариата ЦК рассматривался вопрос о пропаже в Архангельском ГК сразу 11 секретных документов и шифра «Заря» Рогачевским укомом, выявленных при проверке губ-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 595. Л. 4.
[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 582. Л. 6.
[3] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 582. Л. 6.
[4] См. Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 598. Л. 11.

отделом и Спецотделом ОГПУ. Данное дело приняло характер целого расследования, о чем свидетельствует переписка Секретного отдела ЦК ВКП (б), Спецотдела ОГПУ, Архангельского губотдела ОГПУ. В результате проверки было обнаружено, что утеряны следующие документы, считавшиеся секретными: Стенограмма Оргбюро об обследовании Владимирской и Смоленской губернии; о проведении антирелигиозной компании в связи с наступающим мусульманским постом; отношение Орграспреда ЦК, подписанное т. Косиором о постановлении ЦК относительно командировании 150 товарищей из промышленных районов в непромышленные с целью их кадрового укрепления; отношение за подписью Косиора о вмешательстве Архангельского ГК в работу отдела Госбанка; информационный обзор о работе среди бедноты; просьба ЦК деревоотделочников об отзыве из Архангельска М. А. Лобанова для работы в ЦК союза; о посылке докладчиков о Пленуме ЦК и ЦКК на места; о губернской прокуратуре в Архангельске; об освобождении коммунистов-организаторов партийной переписи и регистраторов на время партпереписи от партийной работы; о работе т. Колтунова Л. Г.; просьба ЦК ВЛКСМ о командировании т. Кучерова в качестве представителя ЦК ВЛКСМ на Пленуме Архангельского ГК 26 декабря 1927 г. Причем, сначала была обнаружена пропажа 21 документа, затем десять из них нашли. Начальник Спецотдела ОГПУ Г. И. Бокий и начальник V отделения Цибизов просили начальника Архангельского губотдела ОГПУ указать причины и виновных лиц. В Архангельске было произведено расследование по факту произошедшего случая, включая и производство допросов. Г. И. Бокий и Цибизов предлагали: «ввиду важности вопроса предлагается Вам срочно произвести исчерпывающее дознание по существу недостающих документов, выявить персональную ответственных лиц, коими утеряны документы, не ограничиваясь опросом только технических работников губкома и весь материал с Вашим заключением немедленно направить нам». Спецотдел ОГПУ предлагал привлечь бывших секретарей Архангельского ГК Куджиева и Бейка (во время пропажи именно они были секретарями губкома) к внесудебной ответственности в партийном порядке. В результате, так строго начавшееся дело окончилось довольно мягким, для данного случая, постановлением Секретариата ЦК 14 декабря 1927 года, по которому Куджиеву и Бейко были объявлены строгие выговоры за халатное отношение к секретным документам[1].

Из своего кабинета, у заместителя заведующего Орготделом Шахтинско-Донецкого окркома Бегеулова, вместе с портфелем была украдена секретная сводка бело-эмигрантской прессы. Этот случай также

---

[1] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 114. Д. 337. Л. 14, 273–297.

стал предметом разбирательства Секретного отдела ВКП(б), ОГПУ, Шахтинско-Донецкого окркома Северо-Кавказского края и, в конечном счете, Секретариата ЦК. Бегеулову был объявлен выговор за халатное отношение к секретным документам[1]. В 1933 году за утерю протокола Политбюро (оставил в номере гостиницы «Националь») был лишен в течение 3-х месяцев права получать протоколы секретарь ЦК КП (б) Узбекистана Икрамов[2]. На заседании Секретариата ЦК 22 марта 1933 года, комиссии в составе А. И. Стецкого (председатель), Н. А. Вознесенского, В. В. Осинского поручалось дополнительно выяснить и внести на рассмотрение Оргбюро вопрос по поводу разглашения данных по убыли скота журналом «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства»[3]. Здесь следует отметить, и то обстоятельство, на каком уровне решался, казалось бы частный вопрос и то, что данные по убыли скота в голодный год были секретным.

С 1930-х годов, ЦК стал строже относиться к фактам разглашения секретных сведений. На это были как внутренние, так и внешние причины. С одной стороны, это было следствием усиления личного влияния и власти И. В. Сталина и его теории об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма, с другой, – обострение международной обстановки в Европе, в связи с приходом к власти нацистов в Германии и действий японских милитаристов в Азии. Все это вместе взятое способствовало ужесточению мер по соблюдению режима секретности и наказаний за их несоблюдение. В 1927 году вышло постановление о мерах ответственности по секретным делам, предусматривающих внесудебный порядок рассмотрения данных дел. Так же была принята и введена в действие статья Уголовного кодекса: «Разглашение секретных и не подлежащих оглашению сведений». Если раньше виновные в несоблюдении секретности получали довольно мягкие административные взыскания, то теперь все чаще дело доходило до суда. Так, на заседании Политбюро 1 февраля 1930 года был рассмотрен вопрос «О разглашении секретных сведений о добыче золота и цветных металлов». Оргбюро по данному вопросу вынесло следующее решение в отношении виновных: «а) Передать дело на расследование ОГПУ. б) Предложить ОГПУ немедленно арестовать Шипека. в) Вопрос о Симонове и Алешине передать в ЦКК»[4]. 31 августа 1935 года Политбюро рассмотрело вопрос «О привлечении к ответственности военного цензора Галгута». Постановление опять было строгим: «Предать суду военного цензора Галгута за

---

[1] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 113. Д. 611. Л. 9, 206–208.

[2] См. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 78.

[3] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 340. Л. 6.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 914. Л. 5.

утерю секретного документа, который, таким образом, стал известен иностранцам»[1].

В 1940 – начале 1941 гг. усилилась работа по проверке соблюдения секретности и расследованию фактов разглашения секретных сведений, в первую очередь по военным и военно – мобилизационным делам. Так, 23 февраля 1940 года, на Секретариате ЦК рассматривался вопрос «Об утере совершенно секретных документов в Наркомате военно-морского флота»[2]. И в данном случае, дело теперь не заканчивалось оргвыводами. Военная прокуратура приняла его к производству и исполнению. Несмотря на то, что перед Великой Отечественной войной в общем стратегические и политические планы гитлеровцев не были секретом для руководства СССР, все-таки в некоторых ведомствах наблюдались факты беспечного отношения к секретным сведениям, которые иногда просачивались через средства массовой информации и ведомственные каналы. ЦК, естественно, резко реагировал на данные случаи. Иллюстрацией этого может служить, рассмотренный Оргбюро ЦК в декабре 1940 – феврале 1941 года вопрос «О фактах разглашения секретных сведений Московской радиостанцией Наркомрыбпрома СССР»[3]. В данном случае, со стороны Наркомрыбпрома выявилось грубое нарушение правил секретности. Оргбюро реагирует оперативно и обязывает в короткий срок (до 1 марта) исправить недостатки. Важность вопроса была такова, что рассмотрение его было вынесено на заседание Политбюро.

Имелись факты нарушений и в самих секретных подразделениях партии. Так, 13 июля 1940 года на Оргбюро ЦК было рассмотрено неудовлетворительное ведение дел в Особом секторе Камчатского обкома ВКП (б). При проверке не обнаружилось на месте протоколов Пленумов обкома, отсутствовала регистрация секретных документов и т. д. Оргбюро обязало в месячный срок навести порядок в протокольном и секретном делопроизводстве. Контроль за выполнением поручалось осуществлять вышестоящему органу – Хабаровскому крайкому[4]. Как видно, проблема разглашения секретных сведений была актуальна вплоть до Великой Отечественной войны.

Таким образом, проверка соблюдения режима секретности являлось одним из направлений деятельности по защите секретной информации. Данная работа имела двоякое значение. Во-первых, это была проверка истинного состояния дел по соблюдению режима секретности, наличия узких мест, выяснения причин уязвимости информации. Во-вторых,

---

[1] См. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 970. Л. 28.
[2] Там же. Ф. 17. Оп. 116. Д. 64. Л. 66.
[3] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 116. Д. 67. Л. 70–71.
[4] Там же. Ф. 17. Оп. 116. Д. 43. Л. 11.

это была проверка исполнения решений ЦК по вопросам защиты информации. В распоряжении высших органов партии постоянно появлялись факты неблагополучного состояния дел в тех или иных партийных комитетах и государственных учреждениях по соблюдению режима секретности, как в центре, так и на местах. Были случаи разглашения секретных сведений, утери и кражи секретных документов, неудовлетворительного состояния секретного делопроизводства. На заседаниях высших органов партии не раз рассматривались эти вопросы. Контроль и проверка соблюдения конспирации возлагалась на Спецотдел, местные отделения ОГПУ – НКВД и секретные органы партии (Секретный отдел ЦК – Особый сектор ЦК). До 1926 года данная работа носила эпизодический характер, но после принятия постановления Секретариата ЦК 29 января 1926 года, стала плановой. Специальным отделом ОГПУ проверялись партийные комитеты, а также ведомства и отдельные должностные лица. Недостатки, как правило, были везде однотипны. Среди самых распространенных были: ознакомление и работа с секретными документами не допущенных лиц, задержка или не возврат документов, утеря, кража, хранение документов на дому, отсутствие условий и не соблюдение правил хранения, непорядок в регистрации и учете. Секретные подразделения готовили материал и выносили на рассмотрение проекты постановлений по результатам проверок на Секретариат и Оргбюро, а иногда и на Политбюро. Как видно из документов ЦК, отмеченные в актах Спецотдела и местных органов ОГПУ, недостатки после соответствующих оргвыводов, исправлялись.

По незначительным нарушениям в 1920-х годах, виновным выносились довольно мягкие санкции, ограничиваясь организационными и административными мерами: постановка на вид; прекращение, на определенный срок, высылок секретных документов; выговор; строгий выговор. Редко дело доходило до более строгих мер. Но с начала 1930-х годов наблюдается ужесточение санкций; – снятие с занимаемой должности, увольнение с работы, вплоть до передачи дел в прокуратуру и ОГПУ на расследование и привлечение к уголовной ответственности.

Проведение организационных и административных мероприятий давало положительные результаты. Со строгой партийной дисциплиной и централизацией, партия и страна в целом, находясь, то в военном, то после или предвоенном состоянии, с одной стороны, проводила определенную политическую и государственную линию по проведению в жизнь режимно-секретных мероприятий как в партийных, так и государственных инстанциях, но с другой, все-таки, на наш взгляд, не везде и не всегда этому придавалось должное значение. В одних случаях не хватало организованности, а где и имело место халатное отношение к соблюдению секретности. Об этом говорят случаи утери и кражи

документов, разглашения секретных сведений. Данные случаи являлись предметом пристального разбирательства в высших партийных органах с привлечением ЦКК и ОГПУ.

Не обладая специальной аналитической информацией органов государственной безопасности, трудно судить, в полной мере, о степени эффективности работы партии и страны в целом по обеспечению режима секретности, сохранности государственной и партийной тайны и контролю за соблюдением конспирации в партийных и государственных органах и учреждениях в период между двумя мировыми войнами, и особенно перед Великой Отечественной войной. Хотя полностью блокировать деятельность иностранных разведок на своей территории не удалось, необходимо было свести реальные угрозы к минимуму. Не смотря на определенные недостатки в данной работе, в целом можно отметить, что, к примеру, перед войной: «Немецкие генералы признавали особо сложные условия для деятельности западных разведок и контрразведок в СССР. По свидетельству Леверкюна, *[немецкий генерал – Г. К.]* Советская Россия еще до начала войны представляла в отношении разведки особо трудную проблему»[1]. В этом, я вижу, главные положительные моменты в деятельности РКП(б) – ВКП(б) по организации работы и контролю за обеспечением режима секретности как в партийном аппарате, так и государственном масштабе в целом.

---

[1] *В. А. Волков.* Тайное становится явным. Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы Второй Мировой войны. Л. 120.

2.6. Ограничение распространения и цензура информации как деятельность РКП (б) – ВКП (б) по защите партийно-государственной тайны

Одним из направлений деятельности по защите информации в партийных органах в 1918 – 1941 гг. являлся контроль за возможной утечкой секретных сведений из партийных органов через средства массовой информации и печатные издания, причем данные сведения могли быть как военно-экономического, так и политического характера. Со стороны большевиков введение режима секретности на ту или иную информацию обуславливалось политической целесообразностью, защитой государственной и политической тайны. В принципе, в понятийном смысле партийная и государственная тайна большевиками не разделялись и понимались воедино как единое целое. Чтобы пресечь случаи опубликования в печати и разглашения секретных сведений в других средствах массовой информации, которые время от времени происходили, РКП (б) – ВКП (б) проводила определенную ограничительную и цензурную политику.

Цензурная политика в данной работе понимается не как элемент контроля со стороны партии и государства за средствами массовой информации, творчеством или наукой, а как функция и деятельность большевиков, т. е. набор средств и методов, по ограничению несанкционированного распространения партийно-государственной секретной информации. В этом случае цензурная политика партии представляла собой вид деятельности политической системы как осознанная необходимость по сохранению существующего строя. В тоже время большевики понимали и значение открытости информации в политической борьбе и поэтому после прихода к власти, перед ними в этом плане стояла двоякая задача. С одной стороны, это опубликование документов (в том числе и ранее секретных), разоблачающих антинародную сущность царского

и Временного правительств, имеющих политическое значение, а с другой стороны, защита собственной секретной оперативной информации и ограничение распространение контрреволюционных, по мнению большевиков, изданий других партий и организаций.

Специальных партийных органов и государственных актов, регламентирующих политическую цензуру, в начале, не было. Но для противодействия распространению контрреволюционной информации в печати уже в декабре 1917 года при Наркомате Юстиции создается «Ревтрибунал печати», а 23 декабря 1918 года при Реввоенсовете республики была организована военная цензура, которая занималась не только военной, но и политической гражданской цензурой. Цензурой, поступающей в Советскую Россию иностранной информации, занималось Российское Телеграфное агентство (РОСТА) под руководством НКИД. Более того, с 1920 года Наркоминдел должен был сам осуществлять цезуру информации, касающуюся внешней политики. В августе 1921 года военная цензура была передана в отдел военной цензуры ВЧК, который осуществлял и политическую цензуру. Таким образом, данная деятельность становится прерогативой специального органа государственной безопасности. Цензурные функции осуществлял и Наркомпрос. В конце 1920 – начале 1921 года в ГИЗе появляется политотдел, который осуществлял рецензирование рукописей, рекомендовал их к печати или запрещал. Другой структурой, Наркомпроса, осуществляющей цензурную деятельность был Главполитпросвет возглавляемый Н. К. Крупской, который был: «...создан как государственный, но его деятельность носила партийный характер. В. И. Ленин воспринимал Главполитпросвет не как государственный, а как партийный орган»[1]. Как видно в данный период цензура в Советском государстве имела децентрализованную систему, но, формально подчиняясь разным ведомствам, она в политическом и кадровом отношении зависели от партии.

Вопросы утечки информации не подлежащих опубликованию через печатные издания вызывали обеспокоенность ЦК и не раз поднимались на высшем партийном и государственном уровне. Так, в июле 1919 года был определен порядок публикации в «РОСТА» сведений, которые направлялись в агентство. В августе 1919 г. разбирались претензии Наркомпрода о разглашении государственных тайн, а в октябре того же года – вопросы военной цензуры. В. И. Ленин и Нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин подготовили в декабре 1919 года постановление ЦК о цензуре отчетов и протоколов о выступлениях ответственных работников по вопросам международной политики[2].

---

[1] См. *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б)... С. 82.

[2] См. Там же. С. 76.

В данной работе уже упоминалось заявление А. М. Лежавы на Политбюро 29 марта 1921 года о разглашении секретных сведений, по которому Ф. Э. Дзержинскому, т. е. ВЧК, поручалось расследовать дело. Сложившаяся ситуация требовала больше внимания уделять цензурной политике. Для ликвидации самодеятельности и неразберихи в области защиты информации в СМИ, издательства и средства массовой информации должны были иметь соответствующие регламентирующие документы, а государство – цензурные органы сверху – донизу. Одним из первых, известным разработанным документом (скорее всего, были более ранние) в этом направлении, был утвержденный декретом СНК РСФСР 13 октября 1921 года «Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению». В данном перечне секретные сведения делились на две группы: военного и экономического характера. Одновременно, 13 октября 1921 года, постановлением СНК РСФСР было утверждено и «Положение о военной цензуре ВЧК», по которому «для ограничения политических, экономических и военных интересов РСФСР» вводилась «цензура печатных произведений, почтово-телеграфной корреспонденции и контроль за радиотелеграфными связями». Как видно, одновременно были разработаны и утверждены два основополагающих документа в области цензурной политики. В декабре 1921 года Политбюро, обеспокоенное положением дел с политической цензурой, на заседании, на котором присутствовали Л. Б. Каменев, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, В. М. Молотов и М. И. Калинин, рассмотрело, поднятый Л. Б. Каменевым вопрос «О политической цензуре», на котором постановили: «Поручить т. Радеку обследовать положение дела с цензурой как военной, так и гражданской и доложить в Политбюро свои выводы»[1]. У автора данной работы нет сведений, как проходило обследование и какие были сделаны выводы К. Б. Радеком, а также когда на Политбюро было доложено об исполнении данного постановления и какие меры приняты. Но, думается это послужило началом дальнейших действий партии большевиков и советского правительства в этом направлении. Вскоре, в июне 1922 года, создается главный цензурный орган страны – Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при Наркомате просвещения РСФСР со структурными подразделениями на местах. «Но при этом он подчинялся Наркомпросу достаточно формально, постоянно подчеркивая свою самостоятельность и зависимость исключительно от партийных органов»[2].

Критерии, по которым могли запрещаться те или иные рукописи и издания были определены еще ранее. Главлит запрещал публиковать

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 244. Л. 4.

[2] *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б)... С. 19.

материалы: 1. Содержащие агитацию и пропаганду против советской власти. 2. Разглашающие военную тайну. 3. Возбуждающие общественное мнение путем ложных сообщений. 4. Возбуждающие национальную и религиозную рознь, 5. Носящие порнографический характер. Как видно, набор запретов более чем традиционен во многих странах и по сей день.

По партийной линии цензурную политику проводил Агитационно-пропагандистский отдел ЦК. В том же, 1922 году, на высшем партийном уровне было принято весьма важное и принципиальное решение. Так, 6 октября 1922 года под эгидой ЦК проходило заседание представителей цензуры, под председательством А. С. Бубнова. На данном заседании, среди прочих, был рассмотрен вопрос о цензуре. Рассмотрев сложившееся положение дел, было принято решение: «Признать необходимым переход от предварительной к карательной форме цензуры. Для выработки точного текста постановления и детализации данного вопроса создать комиссию в составе: тт. Мещерякова, Этингофа, Лебедева-Полянского. Работу комиссии закончить в недельный срок»[1].

В отдельных, наиболее важных случаях, ЦК РКП (б) реагировало на факты разглашения секретных сведений, созданием представительных комиссий для разбора случившегося и принятию соответствующих организационных и административных мер, как это было, к примеру, после опубликования не подлежащих разглашению сведений по Госплану в конце 1922 года. В данном случае, комиссии, в составе В. В. Куйбышева, Г. М. Кржижановского, Г. Л. Пятакова, Н. П. Горбунова и др. поручалось выработать инструкцию о том, какие постановления Госплана печатанию не подлежат, а также разработать вопрос о порядке опубликования «особо щекотливых и сомнительных» сведений, касающихся какого-либо ведомства и способах осуществления данным ведомством контроля над подобного рода сообщениями в печати. Созыв комиссии поручался В. В. Куйбышеву[2]. В результате комиссией был разработан, касающийся непосредственно документов Госплана «Перечень постановлений Президиума Госплана, не подлежащих печатанию» и общий для всех ведомств «Порядок опубликования сведений»[3]. В разработанных перечнях, отмечалось, что в целях определения экономических и военных интересов РСФСР, определении того, что не подлежит публикации, руководствоваться Перечнем сведений, составляющих тайну, и не подлежат распространению, выработанным комиссией ЦК. Наблюдение и ответственность за опубликование сведений, нарушающих политические, экономические и военные интересы РСФСР, должны быть возложены на Главлит,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 311. Л. 5.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 329. Л. 8.

[3] См. Там же. Л. 6–7.

который должен был распространять свою деятельность и на все издания государственных органов. Для возможности осуществления со стороны Главлита контроля, намечались определенные организационные мероприятия. Так, все наркомы должны были выделить ответственного представителя, без визы которого информация, исходящая из данного ведомства, публикации не подлежала. Этим представителям Главлит предварительно сообщал перечень сведений, не подлежащих распространению. Ответственные представители ведомств, связанные с Главлитом, в необходимых случаях, должны были сообщать ему дополнительно перечень сведений, нарушающих интересы государства или ведомства, в связи с проводимым данным ведомством операцией (сезонное запрещение и т. д.). Этот дополнительный (сезонный) «Перечень запрещаемых к опубликованию сведений», после утверждения Главлитом, сообщался им в редакции газет и издательств, а также ответственным лицам наркоматов. Все редакции газет и изданий выделяли представителя – ответственного за помещение сведений, идущих без визы ответственных представителей ведомств и сведений, предусмотренных перечнем или сообщенных дополнительно Главлитом, а также сведений «особо щекотливых или сомнительных, касающихся какого-либо ведомства». В случае сомнений, ведомствам рекомендовалось обращаться за разрешением в Главлит. В заключении отмечалось, что все перечисленные организационные мероприятия предполагают соответствующую реорганизацию и усиление Главлита[1].

Изменение обстановки, связанной с окончанием Гражданской войны, требовало и изменения отношения к военной, государственной и партийной тайне, уже в относительно мирное время. На заседании представителей цензуры 23 октября 1922 года был поднят вопрос о подготовке военного перечня для цензуры. На этом заседании присутствовали: от Агитпропа ЦК – Я. А. Яковлев, И. В. Вардин; от ГПУ – Ашмарин; от Главлита – Н. Л. Мещеряков, Б. Е. Этингоф; от Госиздата – П. И. Лебедев-Полянский; от газет «Известия ВЦИК» – Литовский; «Рабочая Москва» – Б. М. Волин; «Экономической жизни» – Стоклинский[2]. Далее этот вопрос был вынесен на совещание заведующих отделами ЦК. 2 ноября 1922 года он рассматривался, наряду с другими вопросами, касающимися цензуры, Главлита и РОСТА. В итоге на заседании Секретариата ЦК РКП (б) 10 ноября 1922 года был заслушан вопрос о цензуре, доложенный заведующим Агитационно-пропагандистским отделом ЦК А. С. Бубновым. В итоге, на заседании было принято следующее постановление: «1. Поручить комиссии в составе тт. Бубнова, Вардина (Агитпроп ЦК), Но-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 329. Л. 6–7.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 100.

вицкого (Печать), Этингофа (Цензура) и Ингулова (ЦК работников печати) переработать в десятидневный срок военный перечень цензуры. Комиссии привлечь к работе ответственных представителей ведомств (членов партии). Созыв комиссии за тов. Бубновым. 2. Усилить Главлито 5-ю работниками коммунистами»[1].

Результатом работы комиссии было издание секретного «Перечня сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению[2]. Далее перечень был представлен А. С. Бубновым на заседании Оргбюро ЦК РКП (б) 14 декабря 1922 года, на котором постановили: «Доклад принять к сведению. Работу комиссии считать законченной»[3]. В данном перечне определялись сведения, составляющую государственную тайну РСФСР военного и экономического характера, не подлежащих опубликованию по двум разделам: в военное время и в мирное время. Мы не знаем, успел ли он дойти до исполнения цензурным органам, но это был последний перечень РСФСР, так как вскоре был образован Советский Союз и, нужно было разрабатывать уже перечень союзный. Но, следует отметить, что последний перечень РСФСР был взят за основу для составления первого перечня СССР. Так на заседании Секретариата ЦК 25 мая 1923 года был утвержден состав комиссии по пересмотру перечня под председательством В. И. Нарбута. «Для пересмотра перечня сведений, составляющих тайну и не подлежащих оглашению в печати, составить комиссию в следующем составе: председатель т. Нарбут; члены тт. Лебедев – Полянский (Главлит), Ингулов (Прессбюро), Данилов (Реввоенсовет), Бокия (ГПУ), Попов («Правда»), Виленский-Сибиряков («Известия»), Волин («Рабочая Москва»), Крумин («Экономическая жизнь»). Срок работы комиссии недельный»[4]. В результате работы комиссии Секретариату ЦК был предложен на рассмотрение первый общесоюзный перечень. На заседании Секретариата ЦК 15 июня 1923 года было принято следующее постановление: «а) Не возражать против предлагаемого «Перечня сведений, составляющих государственную тайну и не подлежащих опубликованию в печати». б) Передать вопрос на разрешение в советском порядке»[5].

В итоге, после рассмотрения вопроса в СНК СССР с 1 июля 1923 года вводился в действие первый союзный перечень6. В новом перечне были небольшие изменения. Различия, в основном, заключались в редакции

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 4.

[2] См. *Куренков Г. А.* 1922 г. Что было государственной и военной тайной в РСФСР // Отечественные архивы. 1993. № 6. С. 80–86.

[3] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 112. Д. 397. Л. 6.

[4] Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 452. Л. 6.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 456. Л. 4.

[6] См. Там же. ЛЛ. 40–46.

и соединении отдельных параграфов. Большинство редакций было в разделе «Б» – «в военное время». Из перечня были изъяты сведения, в основном, экономического характера. К примеру, такие как: О сметах Госплана; заключения Президиума Госплана об экспортных и импортных планах (но заключения об экспортно-импортном плане СССР в целом, остались); о реорганизации наркоматов, о распределение ассигнований на сельское хозяйство; заключения Президиума Госплана по конкретным вопросам промышленной иммиграции; основные изменения финансовой политики; заключения о работе секций Госплана. Эти сведения теперь не являлись секретными, но печатать их разрешалось только с согласия Президиума Госплана, СТО, Совнаркома. Исключались из союзного перечня и становились общедоступной (но с разрешения соответствующего руководителя промышленности) критика хозяйственных органов, которая признавалась необходимой, но без подрыва авторитета хозяйственных органов; сведения по судебным делам и делам ревизий после их окончании; сведения о столкновениях органов власти с крестьянами при сборе продналога и всех вытекающих обстоятельств; цифровые данные об инвалидах и раненых РСФСР; сведения о внешнеполитических шагах без согласия НКИД. Как уже было отмечено, из общесоюзного перечня были убраны пункты экономического характера, относящиеся к ведению Госплана. Но это не говорит, о том, что они рассекречивались совсем. Данные сведения вошли в ранее принятый, комиссией В. В. Куйбышева специально для Госплана, «Перечень постановлений Президиума Госплана, не подлежащих опубликованию». В раздел перечня «В военное время» с разрешения РВСР вносились вопросы военно-морского бюджета; о состоянии и наличии запасных частей и подготовки резерва.

Таким образом, в союзном перечне секретными оставались, в основном, сведения военного и политического характера, но на некоторые экономические сведения распространялись ведомственные ограничения. Необходимо отметить, что общесоюзный перечень был несколько «демократичней» по сравнению с перечнем РСФСР, что определялось окончанием Гражданской войны. Но, следует заметить, что уже через два года: «к лету 1925 г. был создан новый, более полный и разработанный «Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению в СССР в целях сохранения политико-экономических интересов СССР»... После представления Главлитом этого очередного перечня в Отдел печати ЦК, он был утвержден в Отделе печати с одной поправкой, о чем сообщалось в Главлит 6 июня 1925 года»[1]. Это было одним из способов, каким партия большевиков направляла цензурную

[1] См. *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б)... С. 203.

политику с точки зрения защиты информации в СМИ. В принципе, по сведениям из вышеперечисленных перечней, можно вполне определенно и конкретно судить, что же являлось государственной тайной в РСФСР – СССР до середины 1920-х годов? Сопоставив сведения из данных Перечней с конкретной политической обстановкой можно постараться ответить на вопрос насколько было оправдано засекречивание той или иной информации. На наш взгляд засекречивание большинства сведений в перечисленных перечнях, на тот исторический момент, было политически и экономически целесообразно и обосновано.

Проблема разглашения секретной информации военного характера через печатные издания, особенно в годы НЭПа, когда была разрешена работа частных издательств, естественно, в силу выполнения своих функций, волновала органы государственной безопасности. Так «Ф. Э. Дзержинский был озабочен тем, чтобы в печать не просачивались сведения, составляющие государственную или военную тайну. Когда, в 1923 г. в некоторых газетах появились статьи о Красной Армии, в которых давалась характеристика ее боевого состава, организации, мест расквартирования войск и другие сведения, представляющие интерес для противника, он забил тревогу. По согласованию с Реввоенсоветом Феликс Эдмундович дал распоряжение органам ГПУ принять решительные меры, обеспечивающие сохранение государственной и военной тайны. Впредь разрешалось публиковать в открытой печати только статьи, в которых содержались сведения общего характера, без указания конкретной войсковой части или подразделения»[1].

Одновременно с новым перечнем, комиссией под председательством В. И. Нарбута был разработан в виде инструкции и, на заседании 6 июня 1923 года, окончательно определен и принят «Порядок опубликования сведений, не подлежащих оглашению в печати». В документе подтверждался ввод в действие с 1 июля 1923 года «Перечня сведений, составляющих государственную тайну и не подлежащих опубликованию». Все прежде изданные постановления секретного характера о цензуре с утверждением нового перечня, считались аннулированными. Наблюдение и ответственность за опубликование сведений, нарушающих политические, экономические и военные интересы СССР возлагались на Главлит. Деятельность Главлита распространялась на все издания, как частные и частно-правовые (кооперативные), так и государственные. Главлиту предоставлялось исключительное право в экстренных случаях применять вызванные необходимостью временные дополнения к перечню с последующим внесением их в 24-х часовой срок на утверждение в СНК СССР. Также было решено создать в составе Глав-

[1] Ф. Э. Дзержинский. Биография. Л. 279.

лита специальный секретариат с ночным дежурством для взаимосвязи с заинтересованными ведомствами и редакциями[1]. На Главлит возлагался контроль и ответственность за опубликование сведений, не подлежащих разглашению на территории всей страны. Тем самым он стал высшей государственной цензурной инстанцией, с определенными правами и функциями, таким образом, была преодолена ведомственная разобщенность в цензуре.

Наряду с общим и ведомственными перечнями сведений, не подлежащих опубликованию, существовали и другие цензурные документы подобного ограничительного плана, в том числе и касающегося самого Главлита, решение по которым также проходило через высшие партийные органы. Так, к примеру, выполняя постановления Оргбюро, Главлит 22 ноября 1922 года направил на утверждение в ЦК состав редакции «Секретного бюллетеня Главлита». Данное письмо было адресовано заведующему Агитропом ЦК А. С. Бубнову, который вынес рассмотрение данного вопроса на совещание заведующих отделами ЦК. На этом совещании был рассмотрен состав редакции в составе Ашмарина (заведующий иностранным отделом Главлита – представитель ГПУ), И. В. Вардина (заведующий подотделом печати Агитпропа ЦК – представитель от ЦК), П. М. Лебедева-Полянского (заведующий Главлитом). Окончательно состав редакции был утвержден на Секретариате ЦК 7 декабря 1922 года.

Отсутствие закона, который юридически регламентировал работу органов печати, влекло за собой определенные трудности и ведомственную анархию, когда ведомство само, исходя из собственного понимания, определяло порядок опубликования сведений. В государстве отсутствовал общий закон о печати. Решение этого важного вопроса, стало предметом обсуждения ЦК. Так обосновывал необходимость принятия данного закона, зав. подотделом печати Агитпроапа ЦК И. В. Вардин, в письме в Секретариат ЦК 21 ноября 1922 года: «Закон о печати особенно необходим в настоящее время для того, чтобы обеспечить свободу рабочей печати и ее работникам. Преследование сотрудников печати, принявшее (например, убийство рабкора Спиридонова) за последнее время массовый характер, может быть прекращено лишь в том случае, если печать получит **законодательную защиту**.* С другой стороны, закон о печати должен будет предусмотреть и карать беспощадно всякое **злоупотребление печатью**** (злостная ложь, клевета, инсинуации и т. д.).

* Выделенное подчеркнуто И. В. Вардиным.

** Выделенное подчеркнуто И. В. Вардиным.

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 456. Л. 38.

В основу закона должны быть положены резолюции и циркуляры съездов и ЦК РКП. Выработка и опубликование закона желательно по возможности до Всероссийского съезда Советов»[1].

Государственная защита, защита законом всегда предполагает, определенную регламентацию, ограничения и санкции за нарушение, оговоренных данным законом правил, соблюдать которые обязаны все как юридические, так и физические субъекты права. В рассматриваемый период, механизм принятия государственных решений по цензурной политике был таков, что за основу принимались решения партии, затем проводившиеся в государственном порядке. Для соблюдения формального прохождения законодательной инициативы и принятия государственного решения, данный вопрос должен был рассмотрен на советском уровне. В то время была общепринята практика прохождения и рассмотрения вопросов, сначала партийным, а затем государственном порядком или наоборот. Многие государственные вопросы принимались, к примеру, совместными решениями ЦК партии и Совнаркома. Так, конкретно по данному вопросу, на совещании заведующих отделами ЦК 21 ноября 1921 года, заведующий Агитпропом ЦК А. С. Бубнов рекомендовал: «Предложить ВЦИКу создать специальную комиссию для выработки такого проекта с включением в нее представителя Агитпропа ЦК т. Вардина»[2]. В результате вопрос «Об основном законе печати» рассматривался на заседании Секретариата ЦК, на котором было принято решение: «Направить вопрос в советском порядке»[3]. В партийных документах того времени слово «советский» было идентично слову «государственный». Из вышеизложенного видно, что формально это было совместное решение партии и правительства. Наряду с решением о переходе от предварительной к карательной форме цензуры, принятие закона о печати усилило позиции большевиков и государства в целом в этом вопросе. Принятием этого закона, был фактически и юридически закреплен контроль государства и партии над печатью.

Важной стороной вопроса при определении степени секретности информации, как и в любой профессиональной сфере, необходимо было определиться с терминологией. Так, в марте 1925 года по поручению ЦК Спецотдел ОГПУ и Главлит разработали и определили терминологию расшифровки ограничительных грифов выпускаемых ведомственных изданий. Были определены два типа сведений: несекретные, к которым относились грифы: «на правах рукописи» и «не подлежит огла-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 390. Л. 77.

[2] Там же. Л. 76.

[3] Там же. Л. 3.

шению» и секретные: грифы – «секретно» и «совершенно секретно». Было также раскрыто содержание грифов (что они обозначали) и определены места печати секретных изданий. Причем, грифы «секретно» и «совершенно секретно» были представлены как материал, трактующий в целом вопросы, предусмотренные издаваемой Спецотделом ОГПУ номенклатурой секретной переписки[1]. В итоге, письмо Спецотдела ОГПУ было направлено в Секретариат ЦК РКП(б), всем наркоматам и центральным учреждениям для исполнения.

В августе 1926 года Специальный отдел ОГПУ конкретизировал сведения не подлежащих оглашению и подготовил ориентировочный перечень «совершенно секретных», «секретных» и «не подлежащих оглашению вопросов»[2]. Вопросы военного характера делились на «совершенно секретные» и «секретные», финансово-экономического характера – на «секретные» и «не подлежащих оглашению». Вопросы политического характера выделялись согласно особым положениям. К ним, в частности, относили переписку парторганов и другие конспиративные партийные документы. «Совершенно секретными», к примеру, являлись информационные сводки и обзоры ОГПУ и других органов надзора, – всего 10 пунктов, «секретными» – также 10 пунктов. «Не подлежащих оглашению» считались сведения о волнениях и белогвардейская и иностранная литература. В секретном делопроизводстве данные сведения получили литеры «А», «Б» и «В» соответственно. После получения данных документов для исполнения, цензурным органам стало значительно легче, не внося самодеятельности, контролировать, не допускать к распространению и наказывать (вспомним переход от предварительной к карательной цезуре) за возможные случаи просачивания секретных сведений в печать. Для этого и была создана нормативная и правовая база для работы органов цензуры.

Работа по соблюдению конспирации в печати, в общем, так и по отдельным вопросам и направлениям, продолжала быть предметом обсуждений и решений ЦК, особенно когда речь шла об информации о военном или о военно-промышленном потенциале страны. Так, в конце 1925 – начале 1926 года Реввоенсовет республики утвердил протокол межведомственного совещания о зашифровке дислокации военных заводов государственного управления военной промышленности. Необходимо было пересмотреть постановление о цензуре информации с военных заводов. Поэтому, на заседании Секретариата ЦК 18 июня 1926 года, был рассмотрен вопрос о пересмотре директивы контрольным органам о цензуре информации с военных заводов, на котором постано-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1004. Л. 26–26 об.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 170. Л. 13–18.

вили: «а) Признать необходимым пересмотр утвержденного РВСР постановления о цензуре информации с военных заводов в духе предоставления возможности освещения в печати партийной и бытовой жизни, культурно-просветительной работы военных заводов, с тем однако, чтобы была обеспечена абсолютная секретность тех сторон работы заводов, которые этой секретности требуют. б) Поручить т. Уншлихту в 2-х недельный срок согласовать окончательный текст директивы контрольным органам по этому вопросу Секретариатом ЦК»[1]. 28 июня 1926 года заместитель Председателя РВС СССР Уншлихт представил в Секретариат ЦК ВКП (б) Косиору для согласования проект разъяснения для контрольных органов печати о зашифровке дислокации заводов Главного Управления военной промышленности со списком зашифрованных заводов. Уншлихт считал, что этот проект будет иметь реальное значение лишь при утверждении новых зашифрованных наименований заводов. На заседании Секретариата 13 августа 1926 года был рассмотрен проект директивы с разъяснениями по данному вопросу2. В результате Секретариат ЦК постановил: «Не возражать против предложения Уншлихта о директивах органам цензуры, а также зашифровке наименований заводов»[3]. А через два дня, 15 августа, ЦК своим постановлением окончательно решил вопрос о порядке оглашения в печати сведений, касающихся заводов военной промышленности. Начальнику спецотдела ОГПУ и одновременно представителю РВС в Главлите Г. Бокию было выслано данное постановление для возможности дать Главлиту необходимые указания и ликвидировать существующие неясности. Дальнейшее решение вопроса об оборонных предприятиях нашло свое продолжение в Постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) от 26 мая 1934 года «Об оборонных заводах», приказе Наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе «Об организации и порядка найма рабочих, служащих и ИТР на особо важных оборонных заводах», совместном приказе ОГПУ и Наркомата тяжелой промышленности «Об упорядочении и усилении охраны заводов военной промышленности», а также в положении «Об охране и режиме пропусков на заводах военной промышленности»[4].

Центральный комитет и ОГПУ постоянно отслеживали материалы зарубежной прессы. Так, «Все поступающие в Советский Союз из капиталистических стран издания просматривались цензурой, за работой которой Ф. Э. Дзержинский осуществлял постоянный личный контроль. Он просил обследовать и докладывать о просмотре заграничной

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 219. Л. 46.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 219. Л. 42.

[3] Там же. Л. 3.

[4] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 945. Л. 3, 61–72.

почты, о постановке дела, о достигнутых успехах, о том, что обнаружено, а также как велика вообще заграничная почта по родам пересылок. 13 марта 1921 года Феликс Эдмундович писал В. Р. Менжинскому: «У нас несколько цензур для публикаций сведений о событиях. Но было бы полезным, если бы Вы взяли на себя созвать совещание для урегулирования этого вопроса»[1]. Автором работы не ставилась задача раскрыть все аспекты, касающиеся распространения иностранной литературы в РСФСР – СССР в данный период, но хочется отметить принятие высшими правительственными и партийными органами некоторых организационных и административных мероприятий касающееся данного вопроса. Это, прежде всего, ограничительные и запрещающие меры. Так большевиками были запрещены все белогвардейские и контрреволюционные издания, а также определен новый порядок ввоза и распространения иностранной литературы и изданий. Все эти вопросы регламентировались декретами советской власти и партийными решениями. Так, к примеру, 2 февраля 1922 года был принят декрет СНК от «О порядке приобретения заграничной литературы государственными учреждениями». 10 февраля 1922 года Оргбюро постановило: «1) Допущение в Россию всех иностранных газет признать преждевременным. 2) Разрешить к свободному обращению в России: а) периодические издания, издаваемые за границей ком. партиями и социалистическими группами или организациями, сочувствующими коммунизму и Советской власти. 3) Составление списка указанных изданий поручить НКИД и б) книги и журналы научного и технического содержания»[2]. В решении Оргбюро подтверждалось запрещение ввоза и получение белогвардейской литературы для широких масс, но разрешалось получать ее узкому кругу пользователей – членам ЦК, членам Президиума ВЦИК, наркомам и членам коллегий наркоматов, ИККИ, ГПУ, ГИЗ, Разведупр, редакциям коммунистических газет Москвы и Ленинграда, некоторым лицам персонально. Как видно окончательное решение было не за Главлитом или ОГПУ, а за Оргбюро. Таким образом, вся иностранная литература и информация из иностранной и белоэмигрантской прессы, поступающая в Советскую Россию и СССР, строго дозировалась. Право получать данную информацию могли только высшие функционеры партии и государства, а также ответственные сотрудники по номенклатурному принципу. Данная информация считалась секретной со всеми вытекающими отсюда ограничениями в ее получении и ответственностью при ее использовании. В ЦК, к примеру, существовали специальные подразделения, ведавшие распределением такой информацией. В основном иностранная и белоэмигрантская пресса преподносилась

---

[1] См. Ф. Э. Дзержинский. Биография. С. 280.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 287. Л. 3, 33.

пользователям в виде сводок и бюллетеней. Работа с этими источниками строго регламентировалась. Так существовали определенные инструкции о порядке получения, использования и хранения белогвардейской литературы[1]. Данную литературу, например, до 1927 года получали только с разрешения Главлита через Литиздат НКИДа. Список пользователей внутри учреждений определялся руководителем учреждения. Один раз в полгода использованные издания сдавались в Отдел Политконтроля ОГПУ для утилизации. Контроль за соблюдением правил пользования данными изданиями возлагался на секретные части учреждений. Виновные в несоблюдении требований инструкций могли подвергнуться партийной и даже судебной ответственности. В начале 1927 года Информотдел ЦК инициировал в Секретариате ЦК ВКП (б) вопрос о порядке хранения и пользования белоэмигрантской прессой и представил проект новых правил, которые были утверждены на заседании Секретариата 4 марта 1927 года[2]. Правила пользования и хранения ожесточались. В том же году Секретариат ЦК своим постановлением от 27 мая утвердил список ответственных работников аппарата ВКП (б) на получение другого документа, не подлежащего оглашению – бюллетеня ТАСС «Не для печати», в котором было 50 человек[3].

Таким образом, можно констатировать, что право на получение иностранной литературы имел только узкий круг лиц ответственных партийных и советских работников, членов партии. Считалось, что это были люди, особо закаленные в политическом смысле. Простым членам партии, не говоря уже о беспартийных, в 1920 – 1930 гг. данная информация не предоставлялась и считалась антисоветской агитацией и пропагандой.

В 1930 году, в целях укрепления контроля за литературой, печатью, радиовещанием и публичными выступлениями, перестройкой издательского дела в центре, ростом низовой печати и радиовещания, было решено провести реорганизацию Главлита. Необходимо было освободить центральный аппарат Главлита от всяких оперативных работ по предварительному просмотру печатного материала. Основным звеном в области предварительного контроля за литературой, радиовещанием и др. должен был стать создававшийся институт уполномоченных. Причем, весь предварительный просмотр печатного материала должен был производиться в самих издательствах, которые были обязаны обеспечить содержание необходимого штата уполномоченных Главлита. В районных газетах уполномоченными могли быть сами редактора газет по совместительству.

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 170. Л. 117–118.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 270. Л. 14.

[3] См. Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 296. Л. 18.

По постановлению Секретариата ЦК от 6 сентября 1930 года решение вопроса «О Главлите» было вынесено на Политбюро. Политбюро, в свою очередь, поручил Наркомпросу в двухнедельный срок провести реорганизацию Главлита. Смысл реорганизации состоял в том, что, освободившись от предварительной работы, возложив ее на уполномоченных, аппарат Главлита сохранял основные функции, такие как: общего объединения всех видов цензуры, общего руководства и инспектирования подчиненных органов и уполномоченных, последующего контроля за выходящей литературой как с политико-идеологической, так и с военно-экономической точек зрения, разрешения и запрещения изданий и издательств, издания правил и распоряжений для обеспечения требований партии и правительства в области цензуры, рассмотрения апелляций на решения органов и уполномоченных Главлита, выработки совместно с другими ведомствами перечней сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, составление обзоров литературы и происходящих в ней явлений, привлечение к ответственности виновных в нарушение требований Главлита и его органов в области цензуры, предоставление к утверждению и снятию в НКП уполномоченных и заведующих крайоблитами, предоставление на утверждение НКП редакторов и редколлегий[1]. В тоже время усиливался контроль и регламентировался порядок опубликования документов высших органов партии, так к примеру, 30 декабря 1934 года вышло постановление Оргбюро ЦК «О порядке опубликования и освещения в печати постановлений Оргбюро и Секретариата ЦК».

Обострение международной обстановки, увеличение заинтересованности к военным вопросам в печати, требовало от партии и советского правительства уделять более пристальное внимание военной цензуре. Так, по постановлению Оргбюро ЦК «О военной цензуре» от 19 сентября 1933 года, военная цензура выделяется в самостоятельный орган – Аппарат Уполномоченного СНК СССР по охране военной тайны в печати, непосредственно подчиненный правительству СССР. Уполномоченным был утвержден Б. М. Волин, бывший в 1920-е годы редактором газеты «Рабочая Москва». Группу Главлита РСФСР по военной цензуре выделили в самостоятельный отдел при Уполномоченном СНК СССР. В союзных республиках при начальниках Главлита создавались отделы по военной цензуре, которые также подчинялись Уполномоченному СНК СССР. Б. М. Волину, совместно с РВС и ОГПУ, поручалось в двух декадный срок подготовить и издать единую для всех союзных республик инструкцию по охране военных тайн. Решением Политбюро от 5 декабря 1933 года, было утверждено постанов-

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 185. Л. 6–7.

ление СНК об отпуске 49 730 рублей из резервного фонда СНК СССР на содержание аппарата уполномоченного по военной цензуре при СНК СССР[1].

В кадровом и политическом отношении цензурные органы, в 1918 – 1941 гг., также зависели от ЦК. Так, к примеру, по партийной линии, Культпропу ЦК и Б. М. Волину, совместно с ЦК национальных компартий, обкомами, крайкомами поручалось в месячный срок пересмотреть весь персональный состав работников по охране военных тайн во всех республиках и областях. ЦК рекомендовал освобождать от работы лиц, не отвечающих, по мнению комитетов, требованиям, предъявляемых к сотрудникам данных органов и укрепить их выдержанными партийцами и квалифицированными работниками. Особенно было важно то, что весь личный состав отделов по охране военных тайн, считался на действительной военной службе, с вытекающими отсюда правами, обязанностями и ответственностью[2]. С одной стороны, это говорило о довольно высоком для того времени социальном статусе, а с другой, в определенной степени, ограничивало личную свободу.

Не военными, но «служивыми» людьми были и сотрудники других цензурных органов. С 1937 года цензоров газет вводят в партийную номенклатуру. Так, в постановлении Оргбюро ЦК от 21 октября 1937 года «О цензорах центральных, республиканских, краевых, областных и районных газет» говорилось: «1. Ввести в номенклатуру работников, утверждаемых ЦК ВКП (б) цензоров центральных газет. 2. Ввести в номенклатуру работников, утверждаемых ЦК нацкомпартий, крайкомами и обкомами, цензоров республиканских, краевых и областных газет. 3. Цензоры районных газет утверждаются райкомами партии. 4. Отделу печати и издательств ЦК в месячный срок внести на утверждение ЦК цензоров центральных газет. 5. Обязать обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий закончить свою работу с утверждением цензорского состава в двух декадный срок и о результатах проделанной работы известить отдел печати и издательств ЦК ВКП (б)»[3].

В начале 1940 года укрепляются кадрами низовые органы цензуры. В феврале 1940 года ЦК ВКП (б) обязывает ЦК национальных компартий республик, крайкомы и обкомы укомплектовать местные органы цензуры «проверенными в партийном отношении и по деловым качествам пригодными к такой работе членами и кандидатами в члены партии», кандидатуры которых должны были утверждаться на Бюро соответствующих парткомов. Устанавливалось также, что райкомы не имеют право смещать и переводить уполномоченных Главлита на дру-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 935. Л. 9.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 930. Л. 6.

[3] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 114. Д. 631. Л. 46.

гую работу без санкции на то ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов ВКП (б)[1].

Работа по охране государственной тайны в печати была особенно актуальной в предвоенный период, когда стало ясно, что войны, в общем, не избежать. В период, когда угроза войны все более нарастала, а в Европе и Азии она шла полным ходом, особенно было важно сохранить военную и экономическую тайну. Имевшие место факты разглашения секретных сведений в печати требовало еще более основательно подойти к данной проблеме. В силу перечисленных обстоятельств, перед самой войной, была создана комиссия по разработке правил охраны государственной (военной и экономической) тайны в печати. Состав комиссии был внушительным. Членами комиссии были А. А. Жданов, А. С. Щербаков, Г. М. Маленков, А. А. Андреев, Л. З. Мехлис. 30 мая 1941 года на заседании Секретариата ЦК был представлен проект правил. Секретариат поручил Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) направить и запросить по проекту отзывы наркоматов Обороны, Военно-морского флота, Иностранных дел, Внутренних дел и Государственной безопасности и к 10 июня 1941 года представить проект в Секретариат ЦК с учетом внесенных поправок[2]. У автора работы нет сведений о том, были ли данные правила вместе с поправками наркоматов представлены к 10 июня или вообще к началу войны, были ли они изменены с учетом военного времени, утверждены и руководствовались ли цензурные органы данными правилами, но факт разработки данных правил говорил об озабоченности партии и правительства проблемой защиты государственной тайны в печати и вообще в средствах массовой информации перед войной, когда явно ощущалась ее угроза.

Таким образом, можно констатировать, что проблема охраны государственной и партийной тайны в средствах массовой информации встала почти сразу с момента образования советского государства. До высших руководителей партии и правительства доходили факты разглашения секретных сведений через печать и радиосообщение. Необходимо было создавать определенные органы и аппарат для проведения цензурной политики. Общее руководство и контроль за данной деятельностью должен был осуществляться ЦК партии. Главным цензурным органом страны, по решению партии, становится с начала 1920-х годов, Главное управление по делам литературы и издательств при Наркомпросе (Главлит). Автором данной работы ставилась задача показать цензурную деятельность ЦК и партии с точки зрения организации и проведения мероприятий по защите партийно-государственной

---

[1] См. Там же. Ф. 17. Оп. 116. Д. 29. Л. 135.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 93. Л. 1.

тайны в печати, как одного из направлений деятельности РКП(б) – ВКП(б) и государства по защите секретной информации, а также показать механизм осуществления и уровень принимаемых решений. В этом смысле создание Главлита являло собой организационное оформление цензурной политики большевиков в области защиты и распространения информации. Вопросы цензуры рассматривались и решались на самом высоком партийном и государственном уровне.

Одним из направлений деятельности по защите военной и экономической тайны также была разработка под руководством РКП(б) – ВКП (б) основополагающих, нормативных и регламентирующих документов для цензуры, таких как, перечни сведений, составляющих тайну и не подлежащих опубликованию, различного рода инструкций и правил. Первый перечень был создан в период Гражданской войны, в условиях военного времени. В связи с окончанием войны, в конце 1922 года, встает вопрос о создании перечня ориентированного не только на военное, но и на мирное время. Такой перечень был разработан, и он же стал основой для создания первого общесоюзного перечня 1923 года, а затем и перечня 1925 года. Для разработки таких основополагающих для цензурных органов документов, по решению ЦК создавались комиссии, как правило, из представителей Агитпропа ЦК, Главлита, печатных органов, Реввоенсовета, ОГПУ. Представленные перечни утверждались в ЦК, а затем направлялись для дальнейшего прохождения и ввода в действие советским порядком. Лишь после этого они вступали в законную силу и рассылались в цензурные органы для руководства в работе. Засекречиванию подлежали не только сведения военного и экономического, но определенного политического и идеологического характера. Все это определялось историческим и политическим моментом, спецификой государственного устройства и сущностью классовой и внутрипартийной борьбы.

Наряду с общими перечнями через ЦК проходили и другие цензурные документы, в том числе и ведомственные перечни. Это, к примеру, утвержденный ЦК в 1923 году «Перечень постановлений Президиума Госплана, не подлежащих опубликованию», а также «Разработка вопросов о порядке опубликования сведений какого-либо ведомства способах осуществления ими контроля на подобного рода сообщениями в печати», «Инструкция о разработке вопросов в порядке опубликования сведений, не подлежащих оглашению в печати», «Секретный бюллетень Главлита», «О цензуре информации с военных заводов» и другие.

Непосредственно под руководством ЦК был разработан и основной закон о печати, принятие которого законодательно упорядочило работу издательств и цензурных органов. В основу закона, были положены резолюции и циркуляры РКП (б), что отражало реальное положение и

значение партии в государственном устройстве страны. В 1930 году в связи с реорганизацией издательского дела был реорганизован и Главлит. Центральный аппарат освободили от предварительного просмотра печатного материала и возложили данную функцию на созданный институт уполномоченных Главлита в изданиях. За Главлитом оставили общее руководство и основные функции. В целях усиления военной цензуры, 19 сентября 1933 года Политбюро утвердило постановление, на основании которого создавался аппарат Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати со своей структурой по всей стране. Так была разработана единая инструкция по охране военных тайн. Сотрудники органов военной цензуры становились военнослужащими. Таким образом, военная цензура была отделена от других цензурных структур и становилась самостоятельным органом, что повышало ее значение и статус в предвоенное десятилетие. В декабре 1934 года вышло постановление Оргбюро ЦК, касающиеся порядка опубликования и чисто партийных документов – постановлений Оргбюро и Секретариата ЦК. Данное постановление определяло правило опубликования документов одних из наиболее важных высших партийных органов. Перед Великой Отечественной войной постановлением ЦК цензоров центральных республиканских, краевых, областных и районных газет вводят в партийную номенклатуру, утверждаемую соответствующими по уровню парткомами. В феврале 1940 года Центральным Комитетом ВКП (б) было дано указание парткомам на местах «укрепить местные органы цензуры проверенными партийными кадрами», их перемещение, увольнение и т. д. впредь разрешалось только с санкции парткомов. Таким образом, большевики осуществляли руководство и контроль за деятельностью цензурных органов не только как орган партийно-государственного управления напрямую, но и через кадровое обеспечение. Большая часть сотрудников не только являлись, но и обязаны были быть членами партии, представляя собой не только государственный щит от утечки военной и экономической тайны, но и отсекая идеологическую и политическую информацию нежелательной направленности, тем самым, проводя официальную линию партии. В этом тогда усматривалось сочетание и единство государственных и партийных интересов. Последним, перед Великой Отечественной войной, мероприятием партии и государства по охране партийно-государственной тайны, была разработка правил по охране государственной (военной и экономической) тайны в печати. Комиссии, под председательством А. А. Жданова, поручалось к 10 июня 1941 года представить проект правил в Секретариат ЦК на утверждение.

В итоге, можно сделать вполне определенный вывод, что, проводимая цензурная политика партии, кроме всего прочего, являлась одним

из направлений деятельности по защите секретной информации. Для проведения мероприятий по обеспечению секретности в печати и других средствах массовой информации были созданы органы и средства, осуществляющие данную деятельность, разработана правовая и нормативная база, обеспечены подбор и расстановка кадров. Таким образом, большевики осуществляли полный контроль над информацией и защищали не только чисто партийные, но и государственные тайны и интересы. Все более-менее значимые вопросы в этой области решались на самом высоком партийном уровне. О том, что было тайной в советском государстве в данный период, можно судить по перечням сведений, составляющих государственную тайну и не подлежащих опубликованию, разработанных в начале 1920-х годов, и другим документам для цензуры. Более того, все вопросы, связанные с цензурой, независимо от того, кто являлся инициатором, исходили ли они из государственной или партийной инстанции, сначала проходили обсуждение и утверждение в ЦК партии и лишь при положительном результате передавались на решение государственным порядком. Фактически, решения ЦК принимались не только за основу, но и к неукоснительному исполнению. Все вопросы по защите государственной и политической тайны в печати и других средствах информации решались партией в тесном сотрудничестве с органами государственной безопасности, осуществляющих общий контроль за проведением работ по защите информации.

2.7. Взаимодействие партийных комитетов с органами ВЧК – НКГБ по обеспечению защиты информации

Защита секретной информации в государстве в целом, прежде всего, возлагается на специальные органы государственной безопасности. Несмотря на то, что охрана государственных секретов является одной из прерогатив государства, специфичным являлось то, что при сложившейся системе государственного устройства в Советской России – Советском Союзе, основные решения по защите информации принимались и утверждались сначала на партийном, а лишь затем проводились в жизнь на государственном уровне. То есть, большевистской партией осуществлялось управление не только через партийный аппарат, но и посредством его, а также через государственные структуры. Органы государственной безопасности в Советской России – СССР, будучи одной из структур исполнительной власти, претворяли в жизнь решения по защите информации, принимаемые на высшем партийно-государственном уровне. Но имелось движение и в обратном направлении. Органы государственной безопасности были инициаторами многих вопросов, касавшихся их компетенции по защите информации и выносимых затем для рассмотрения и утверждения в высшие органы партии. После принятия решения высшими партийными органами, уже сами партийные комитеты должны были исполнять предписания органов государственной безопасности. А те, в свою очередь, обязаны были проверять их исполнение.

С самого начала своего существования органы государственной безопасности советской республики были по образному выражению В. И. Ленина «вооруженным отрядом партии». «ЧК созданы, существуют и работают, – отмечал ЦК РКП (б) в обращении ко всем коммунистам – работникам чрезвычайных комиссий, – лишь как прямые органы пар-

тии, по ее директивам и под ее контролем»[1]. Во главе ВЧК стояли большевики с дореволюционным подпольным партийным стажем. Ф. Э. Дзержинский, будучи членом ЦК, действовал исключительно по директивам Центрального Комитета РКП (б). С самого начала существования высшие органы партии и губернские партийные комитеты, регулярно рассматривали вопросы, связанные с деятельностью ВЧК. Так, после образования в апреле 1919 года Политбюро, почти на каждом заседании, проходивших два раза в неделю, решало вопросы, имевшее непосредственное отношение к органам безопасности. Только с мая 1918 года по 1920 год включительно они 26 раз стояли в повестке дня заседаний ЦК и объединенных заседаний Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б)[2]. Так, к примеру, уже 3 мая 1919 года Дзержинский внес на рассмотрение Оргбюро ЦК РКП (б) предложение о том, чтобы представитель Особого отдела ВЧК ежемесячно давал отчет о борьбе с контрреволюцией и шпионажем в Красной Армии непосредственно в Оргбюро ЦК. Это предложение было принято[3].

Одним из направлений контрразведывательной работы по пресечению деятельности контрреволюционных организаций и иностранных разведок, являлась защита секретной информации от несанкционированного доступа путем организации мер по соблюдению секретности и проведения режимно-секретных мероприятий. В данной работе в предыдущих главах было представлено достаточно много примеров взаимодействия партийных и органов государственной безопасности в области обеспечения защиты информации. Естественно, проблема соблюдения секретности и защиты информации очень волновало руководство страны. Это отвечало как интересам партии, так и страны в целом. В начале 1920-х годов, к концу Гражданской войны, когда Советская власть уже достаточно прочно укрепилась в центре России, но продолжались боевые действия на окраинах, ЦК и Совнарком проводят ряд организационных мероприятий по защите информации. Так, 5 мая 1921 года по постановлению Малого Совнаркома был создан Специальный отдел при ВЧК (затем ОГПУ). Но он фактически не подчинялся руководству органов безопасности, пользовался автономией и находился в ведении партии. Причем, ЦК настоял на том, чтобы начальник Специального отдела должен был быть членом Коллегии ВЧК[4].

Одними из основных функций данного подразделения являлась работа по охране государственных и партийных секретов от разглашения и утечки информации, контролю по ведению секретного делопроиз-

---

[1] Цитируется по Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 10.

[2] Цит. Там же.

[3] Ф. Э. Дзержинский. Биография. С. 171.

[4] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 176. Л. 37.

водства, как в партийных органах, так и советских учреждениях и ведомствах. Кроме того, задачей Специального отдела (СПЕКО) являлась работа по криптографии и криптоанализу, защита информации техническими средствами (шифровка, дешифровка), осуществление разведывательных и контрразведывательных мероприятий. Сотрудники Специального отдела составлял шифры для партийных и государственных учреждений как для работы внутри страны, так и за границей. Спецотдел также осуществлял проверку шифрподразделений, и осуществлял обучение шифровальщиков. Так, к примеру, в 1923 году на курсах по шифрделу обучались шифровальщики ЦК РКП (б). Курсы вело III отделение Спецотдела ОГПУ. Шифровальщики всех учреждений страны подчинялись непосредственно Спецотделу. Работу по расшифровке иностранных шифров, как отмечалось в ряде работ, Спецотдел выполнял на должном уровне. Ежемесячно он составлял сводки расшифрованных телеграмм для рассылки начальникам отделов ОГПУ и членам ЦК.

Работа отдела была засекреченной. Сотрудникам запрещалось говорить о том, в каком учреждении и где они работают, и их месторасположение. Им не разрешалось, к примеру, посещать рестораны в виду того, что их разговоры могли быть подслушанными. Первым руководителем отдела был Глеб Иванович Бокий, член партии с подпольным стажем с 1900 г., участник революций 1905 и 1917 годов, двенадцать раз отбывавший срок в царских тюрьмах и дважды ссылавшийся в Сибирь. Кроме того, являясь одним из руководителей революционного подполья Петербурга, Г. И. Бокий пробрел огромный опыт конспиративной и организационной работы, сплотил вокруг себя группу надежных и грамотных соратников. Г. И. Бокий руководил Специальным отделом более 15 лет. С середины 1920-х годов Г. И. Бокий в оппозиции к И. В. Сталину. В результате политической борьбы он оказался в числе первых жертв репрессий в органах госбезопасности. В конце 1937 года Г. И. Бокий и его заместитель П. Х. Харкевич были расстреляны[1].

Перед автором данной работы не ставилась задача представить цельную историю Спецотдела, а лишь осветить некоторые аспекты взаимодействия органов государственной безопасности с партийными органами по интересующим нас вопросам. Но, все-таки, считаю целесообразным вкратце представить историю Спецотдела и его приемников в рассматриваемый период. До 1936 года Специальный отдел входил в ОГПУ. Контролем за ведением секретного делопроизводства, соблюдением режима секретности и охране государственной тайны ведало (в конце 1920-х годов) V отделение (начальник отделения Цибизов)

---

[1] См. *Анин Б., Петрович А.* Радиошпионаж. С. 252–259.

Специального отдела. По постановлению Политбюро ЦК от 27 ноября 1936 г. Главное управление государственной безопасности было реорганизовано, а в его новой структуре (скорее всего из СПЕКО), после 1936 года, был создан Специальный (секретно-шифровальный) отдел. Приказом НКВД СССР № 00383 от 28 ноября 1936 г. на базе Главного управление было создано 10 отделов. Начальником 9-го Специального отдела был назначен Г. И. Бокий. По приказу НКВД от 9 июня 1938 года начальником 9 Спецотдела (шифровального) 1 Управления НКВД был назначен капитан госбезопасности Д. А. Баламутов. Как известно, по указу Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 года НКВД было разделено на самостоятельные НКВД и НКГБ. В НКГБ был образован 5 шифровальный отдел. В феврале 1941 года дешифровальная секция Спецотдела вошла в состав одного из управлений НКВД. 14 апреля 1941 года был образован знаменитый «СМЕРШ», в составе которого было создано 5 шифровально-дешифровальное управление.

С самого начала возникновения Специального отдела, одной из его функций, была проверка соблюдения конспирации и ведения секретного делопроизводства в государственных учреждениях, ведомствах и партийных комитетах РКП (б)–ВКП (б), а также расследование, по поручению ЦК, случаев разглашения секретных сведений и утери секретных документов в партийных органах, государственных структурах и у должностных лиц. На заседаниях Политбюро и других высших партийных органов, данные факты служили предметом обстоятельных разбирательств. Расследования происходили при получении информации о неблагоприятном положении дел в области обеспечения конспирации в партийных комитетах.

Специальный отдел ОГПУ совместно с Секретным отделом ЦК также контролировал и кадровый состав секретных сотрудников ЦК и государственных структур и лиц, допущенных к партийно-государственной тайне. К примеру, в июле 1923 года Спецотдел ОГПУ направил в ЦК РКП (б), а также всем наркоматам и центральным ведомствам секретный циркуляр о запрещении контактов с иностранными миссиями и вообще с иностранцами, сотрудников секретных частей данных учреждений. Специальный отдел мотивировал это тем, что: «...в каждой иностранной миссии и представительстве имеется филиал иностранной разведки в России и что сотрудники этих миссий, ведущие разведку, не только прибегают к открытым методам вербовки агентов, но также используют свое знакомство с гражданами СССР для замаскированного выпытывания путем частных «дружеских» бесед интересующих их сведений» Спецотдел подготовил ряд предложений и предупреждал всех сотрудников, имеющих дело с секретной информа-

цией соответствующих ведомств, о привлечении к уголовной ответственности за невыполнение или разглашении данного циркуляра[1]. Учреждения и ведомства, в свою очередь, должны были огласить данное письмо своим сотрудникам под расписку. В ЦК РКП данное письмо было зачитано каждому секретному сотруднику Секретариата ЦК РКП (б) и часть предложений Специального отдела ОГПУ нашло свое отражение в пунктах Инструкции секретным сотрудникам Секретариата ЦК РКП, подготовленном ЦК в сентябре 1923 года[2].

С участием и под контролем ОГПУ в партийных комитетах разрабатывались нормативные и инструктивные документы по обеспечению режима секретности. Так, к примеру, в состав комиссии по разработке инструкции о порядке хранения и движения секретных документов ЦК, утвержденной 30 августа 1922 года, входил начальник отделения (по проверке ведения секретного делопроизводства и соблюдению режима секретности) Спецотдела ОГПУ, – Цибизов. 11 мая 1923 года для разработки инструкции по вопросу работы с секретными документами ЦК была создана комиссия, в которую, наряду с Заведующим Бюро Секретариата, членом ЦК А. М. Назаретяном, (он короткое время был заведующим Бюро Секретариата) входил и начальник Спецотдела ОГПУ Г. И. Бокий. В результате совместной работы в июне 1923 года была принята инструкция «О порядке рассылки и ознакомления с конспиративными документами ЦК РКП (б)», 21 ноября 1927 года Секретный отдел ЦК ВКП (б), совместно с ОГПУ, представил в ЦК проект правил ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами ЦК в парткомах. Общее наблюдение за постановкой секретного делопроизводства в парторганах должно было поручено совместно Секретному отделу ЦК и Спецотделу ОГПУ (в данном случае он именовался как Спецотделение Политконтроля ОГПУ) и ГПУ на местах. По постановлению ЦК ВКП (б) от 16 мая 1929 года «О конспирации» комиссии, с участием представителей ОГПУ Г. И. Бокия и М. А. Трилиссера, поручалось проверить секретарей и доверенных ответственных партийных сотрудников, а также весь состав Секретного отдела ЦК. По постановлению ЦК 5 мая 1927 года «О пользовании секретными материалами», Спецотделу ОГПУ поручалось наблюдать за правильным использованием учреждениями, ведомствами и ответственными сотрудниками, имеющихся у них шифров. Общий контроль за проведением, указанных в данном постановлении решений, возлагался на ОГПУ.

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 587. Л. 8.

[2] См. Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 491. Л. 28–28 об.

Еще одним направлением совместной работы большевистской партии и органов государственной безопасности в области обеспечения режима секретности, являлась пересылка секретной корреспонденции. Рассылка всей партийной секретной переписки осуществлялась через курьеров, прошедших проверку спецслужбами, а иногородняя корреспонденция пересылалась через фельдъегерский корпус ОГПУ. По постановлению Секретариата ЦК 7 декабря 1922 года Народному Комиссариату почт и телеграфов было предложено войти в СНК СССР с предложением об определении порядка пересылки секретной корреспонденции всех ведомств через фельдсвязь ОГПУ[1]. Особое внимание уделялось контролю за перепиской с государственными структурами, находящимися за границей. Данный вопрос всегда был под контролем Политбюро.

В определенных случаях ЦК корректировал деятельность органов государственной безопасности. К примеру, на закрытом заседании Политбюро 12 мая 1927 года рассматривался вопрос об ослаблении контроля со стороны ОГПУ над работой советских посольств и представительств за заграницей. В данном случае Политбюро постановило: «а) Считать необходимым коренные улучшения в той части работы ОГПУ, которая связана с иностранцами и заграницей с придачей всей работе большей гибкости и с учетом политических последствий, вытекающих из отдельных мероприятий. б) Обратить внимание ОГПУ на плохую постановку дела политконтроля за перепиской. в) Обязать ОГПУ принять экстренные меры постановки работы в этой области. г) Создать комиссию в составе тт. Янсона и Косиора для расследования имевших место отдельных инцидентов в этой области политконтроля за перепиской и выработки мероприятий по наказанию виновных»[2]. Как видно, Политбюро своей властью приходилось разрешать данные вопросы, в том числе и направляя деятельность ОГПУ.

Особое внимание ЦК уделяло проверке ведения секретного делопроизводства и соблюдения конспирации, а также расследованию случаев утери (кражи) секретных документов и разглашения секретных сведений. В партийных комитетах проверку проводили совместно органы госбезопасности и Секретный отдел (Бюро Секретариата, Особый сектор) ЦК партии. В начале данные проверки происходили от случая к случаю, в связи с расследованиями фактов утери или получении информации о неблагоприятном положении в деле обеспечения конспирации в определенных партийных комитетах. Но по постановлению ЦК ВКП (б) 29 января 1926 года на Секретный отдел ЦК и Специаль-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 395. Л. 6.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 2–3.

ный отдел ОГПУ возлагалось производить проверку плановым порядком. В партийных комитетах и учреждениях проверку производили Секретный и Специальный отделы совместно, а работу с секретными партийными документами в советских учреждениях, – СПЕКО, по согласованию с ЦК. Механизм проверок был таков: По поручению ЦК непосредственно проверку производил Спецотдел ОГПУ. По результатам проверки ОГПУ составляло акт, давало заключение, свои предложения и рекомендации по исправлению недостатков. В актах СПЕКО фиксировались как отрицательные, так и положительные моменты. Как правило, проверки происходили по плану почти одновременно в нескольких партийных комитетах. После проведенных проверок ОГПУ направляло сводку с приложением перечисленных документов в Секретный отдел (Бюро Секретариата) ЦК. Сводки с рекомендациями подписывались начальником Спецотдела и начальником подразделения, проводившем проверки *[во второй половине 1920-х годов подписывал Г. И. Бокий и начальник V отделения Цибизов – Г. К.]* Секретный отдел, в свою очередь, выносил вопрос и представлял проект постановления на рассмотрение в Секретариат, Оргбюро, а порой и на Политбюро ЦК, для принятия окончательного решения.

Об объеме работы, говорят имеющиеся факты. Так, к примеру, в октябре – мае 1926 года, СПЕКО и Секретным отделом ЦК были проверены Наркомпрос, Госплан, НКТруда, НКЗдравоохранения, Государственный институт Запада, Коммунистический университет трудящихся Востока, некоторые члены ЦКК; в августе 1926 г. – НКТорговли; 1927–30 гг. Самарский, Тамбовский, Рязанский, Воронежский, Саратовский губкомы, ряд ответственных работников ЦК, Средне-Азиатское бюро ЦК, Сибкрайком, Казахкрайком, ЦК КП(б) Узбекистана, ЦК КП (б) Туркменистана, Киргизский ОК, Кокандский Окрком, Бурят-Монгольский ОК, ОК Немцев-Поволжья, Уполномоченный в Берлине Немцев-Поволжья, НКВнешторг, Глававиапром, НКТяжелой промышленности, Калужской и Архангельский ОК (утративший 11 секретных документов), Курсы марксизма, ответственные сотрудники ЦК и ЦКК, руководители советских учреждений, делегаты съездов партии (потерявшие документы) и др. Проверке подвергалась как постановка секретной работы в целом, так и режимно-секретные и шифровальные подразделения парткомов.

По результатам проверок лица, учреждения, парткомы в 2-х недельный срок должны были известить ЦК и ОГПУ о принятых мерах и устранить обнаруженные недостатки. На большинство руководителей налагались довольно мягкие партийные взыскания в виде постановки на вид и выговоров. Кроме плановых проверок, естественно, расследовались случаи утери, кражи или разглашения секретных сведений. В дан-

ных случаях наказания были строгими. В любом случае, СПЕКО и Секретный отдел ЦК предупреждали о принятии особых строгих мер. Так, к примеру, 3 августа 1926 года при рассмотрении результатов проверки Наркомата торговли, вынесенные на заседание ЦКК, на котором присутствовали Бокий и Цибизов, рекомендовавшие продолжить разработку дела и, в случае обнаружения виновных, передать их дела в прокуратуру.

В общем, в 1930-х годах более часто стали применяться строгие меры – снятие с работы, арест, привлечение к уголовной ответственности. На мой взгляд, это было связано со все возрастающей ответственностью по укреплению исполнительской дисциплины и ужесточением мер пресечения в государстве в целом.

Особое внимание ЦК и ОГПУ *[в начале 1920-х годов III отделение Спецотдела ОГПУ – Г. К.]* уделяло проверке работы шифрподразделений в парткомах. Так, в конце 1922 года в связи с вхождением Дальневосточной республики в состав РСФСР, начальник Спецотдела ОГПУ Г. И. Бокий направил в Шифрбюро ЦК РКП (б) и всем заведующим шифрчастями секретное письмо с предложением срочно принять меры к налаживанию шифрсвязи с данным регионом. Секретариат ЦК, 7 декабря 1922 года, предложил ОГПУ направить на Дальний Восток сотрудника для обследования и постановки там шифрделопроизводства в советских и партийных органах. Непосредственно в партийных комитетах на местах проверку ведения шифрработы проводил Специальный отдел ОГПУ совместно с шифрподразделением ЦК. В 1926–27 гг., к примеру, проверки были произведены в Тамбовском, Саратовском, Самарском, Кара-Калпакском обкомах, Ферганском окркоме. В июне – июле 1927 года было выявлено нарушение правил проверки и приема на работу секретных шифровальщиков в восьми областных парткомах. В результате, 24 октября 1927 года, Секретный отдел ЦК совместно с Шифрбюро, направили всем парткомам подписанное Товстухой (Зав. Секретного отдела ЦК) и Чечулиным (Зав. Шифрбюро ЦК) секретное письмо о порядке согласования кандидатур шифрработников и присылкой соответствующих документов для оформления в ЦК. Кроме того, 30 мая 1927 года, в циркулярном письме, подписанным Коссиором, указывалось на нарушение правил движения шифработников и на их частую сменяемость. В письме отмечалось, что перемещения и назначения шифрработников должно производиться только с согласования Секретного отдела и только после проверки кандидатов в органах ОГПУ. Таким образом, осуществление проверок секретного и шифрделопроизводства в парткомах и проведение проверочных мероприятий по отношению к кандидатам на должности, связанные с секретностью, было, прежде всего, прерогативой органов государственной безопасно-

сти и секретных подразделений ЦК. Что касается приема на работу в секретные подразделения парткомов и ЦК, – лишь только после соответствующей проверки на профессиональную пригодность и лояльность к власти и только с согласия органов госбезопасности, кандидат мог рассчитывать на положительный результат. Все это проводилось в рамках мероприятий по обеспечению режима секретности вплоть до начала Великой Отечественной войны и позже.

Органы государственной безопасности также совместно с ЦК принимали самое непосредственное участие в работе по обеспечению режима секретности в печати и других средствах массовой информации, подготовке нормативных и инструктивных документов по данному вопросу. Так, например, в работе комиссии представителей цензуры по подготовке Военного перечня цензуры от ОГПУ был Ашмарин; в 1923 году в комиссии по пересмотру перечня 1922 года сведений, составляющих государственную тайну и не подлежащих опубликованию, входил начальник СПЕКО Г. И. Бокий; в утверждаемый ЦК состав редакции Секретного бюллетеня Главлита также входил Ашмарин, который являлся заведующим Иностранным отделом Главлита и в тоже время представителем ОГПУ. Как пример можно привести и участие ОГПУ в разработке и введение в действие директивы контрольным органам о цензуре информации с военных заводов в 1926 году, причем непосредственное участие в этом принимали Бокий и Уншлихт. ВЧК, а затем ОГПУ и НКГБ постоянно отслеживали материалы и деятельность иностранной прессы и с введением института уполномоченного по охране военной тайны в печати. Уполномоченному СНК СССР Волину, а также РВС и ОГПУ было поручено в двухнедельный срок издать единую инструкцию по охране военной тайны для всех союзных республик.

Совместно с НКГБ, Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) и другими ведомствами в мае – июне 1941 года разрабатывались Правила охраны государственной (военной и экономической) тайны в печати, которые должны были быть представлены на утверждение ЦК к 10 июня 1941 года

Кроме всего прочего, связанного с государственной безопасностью, на заседаниях ЦК в 1920–1930 годах рассматривались и специфические вопросы оперативного разведывательного и контрразведывательного характера. Так, к примеру, на заседании Политбюро ЦК 11 января 1923 года, рассматривались и были приняты предложения заместителя председателя ОГПУ Уншлихта, об утверждении задач созданного при ОГПУ Бюро дезинформации, по собиранию и дальнейшем использовании сведений о степени осведомленности иностранных разведок о России. В задачи Бюро должно было входить: « 1) Учет поступающих как

ГПУ, так и в Разведупр и другие учреждения сведений о степени осведомленности иностранных разведок о России. 2) Учет характера сведений, интересующих противника. 3) Выяснение степени осведомленности противника о нас. 4) Составление и техническое изготовление целого ряда ложных сведений и документов, дающих неправильное представление противникам о внутреннем положении России, об организации и состоянии Красной Армии, о политической работе, руководящих партийных и советских органах, о работе НКИД и т. д. 5) Снабжение противника вышеуказанным материалом и документами через соответствующие органы ГПУ и Разведупра. 6) Разработка ряда статей и заметок для периодической прессы, подготовляющих почву для выпуска в обращении разного рода фиктивных материалов с представлением их в каждом отдельном случае на рассмотрение одного из Секретарей ЦК»[1].

Особое внимание и объектом совместных усилий парторганов и органов государственной безопасности была не только защита секретной и иной информации, но и сбор ее. Для сбора информации ЦК использовало свои партийные каналы, в частности, через присылку информационных, политических и «закрытых» писем партийных организаций с мест. Партийные комитеты особо ценили сведения, получаемые от органов госбезопасности, к примеру, через сводки ВЧК и ОГПУ, которые объективно отражали состояние дел на местах. Это особенно было важно с точки зрения укрепления государственного и партийного аппарата в целом, контроля над политической, социальной и экономической жизнью общества. 17 марта 1921 года по указанию ЦК РКП (б) и ЦИК РСФСР, в ВЧК создается специальная служба государственной информации. Во всех губерниях образуются государственные информационные тройки в составе представителя губкома партии, губисполкома и губернской ЧК. В обязанности троек входило составление информационных сводок, по разработанной в ВЧК типовой форме. С 1923 года функции госинформтроек полностью перешли к губернским отделам ГПУ, в составе которых создавались специальные информационные подразделения. ГПУ стало готовить сводки исключительно своими силами, включая в эти документы, как официальную информацию, так и секретные сведения, добытые агентурным путем. Естественно, данные материалы носили секретный характер. Партийные комитеты всех уровней обязаны были оказывать поддержку чекистам в негласном освещении событий о состоянии дел в стране. Так в процессе сбора информации выявлялись негативные моменты в работе государственных учреждений и предприятий, руководители которых пытались скрыть административные и хозяйственные ошибки. Партийные

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 329. Л. 9.

комитеты знали о таких фактах от ГПУ и принимали меры по содействию и поддерживали работу спецслужб в этом направлении. Так, «в 1925 году Витебский окружной комитет КП (Б) адресовал всем райкомам партии округа специальное письмо, где обратил внимание на важность деятельности ГПУ по сбору политической и экономической информации. В документе предлагалось привлекать к партийной ответственности тех коммунистов – руководителей, кто пытается умышленно скрыть от спецслужб недостатки в работе учреждений, предприятий и организаций»[1].

Автор представленной работы, не затрагивает специально деятельность информационных троек и информационных подразделений, но следует отметить, что все спецслужбы: ВЧК, ОГПУ, НКВД, НКГБ и Разведупр, постоянно направляли в ЦК сводки о положении дел в стране и за границей, причем информация часто добывалась оперативным путем и являлась более достоверной и полной, чем из официальных государственных и партийных источников. Материалы информационных троек и информационных отделов ГПУ с мест направлялись в Москву в ЦК партии, в центральный аппарат ВЧК – ОГПУ, а их копии в ЦК национальных республик и губкомы. После соответствующего изучения и анализа партийные органы принимали по ним конкретные решения. «Так, 20 июня 1922 года, рассмотрев материалы госинформтройки при ГПУ, бюро Гомельского губернского комитета КП (б) приняло развернутое постановление, в котором обязало, в частности, комиссию по работе в деревне при губкоме партии заняться изучением сектанства на селе, как приносящего вред Советской власти. Оно считало также целесообразным образовать специальную комиссию для пересмотра анкет меньшевиков, так как по данным госинформтройки многие гомельские меньшевики, отказываясь на словах от политической борьбы с большевиками, на деле продолжали ее»[2]. Как пример оценки работы органов безопасности на местах по информационному обеспечению партийных комитетов, можно судить по отчету Витебского губернского отдела ГПУ за 1925 год. «Витебский окружной комитет КП (б) констатировал, что «освещение, даваемое в сводках ГПУ, вполне правильно отражает политическое и экономическое состояние округа». Окружной комитет КП(б) подчеркнул важность информационной работы органов государственной безопасности. «Основным стержнем в работе /отдела ГПУ. – Авт./, отмечалось в его постановлении, – является сейчас деятельность информационного аппарата, в зависимости от поста-

---

[1] *Майданов И.И.* Из истории деятельности советской спецслужбы 1921 – 1929 гг. На материале Белорусской ССР. С. 49.

[2] Там же. С. 48.

новки и состоянии которого можно судить о работе органов в целом». Внимание чекистов обращалось на всестороннее освещение политического положения в округе и особенно настроении рабочих при неослабном освещении положения дел в деревне»[1].

В ЦК сводки органов госбезопасности направлялись через Бюро Секретариата (Секретный отдел), регистрировались как секретная корреспонденция с соблюдением мер конспирации. Естественно ЦК, соответствующим образом реагировал на поступавшую информацию от органов безопасности. Так, на заседании Секретариата 22 января 1926 года рассматривался проект циркуляра ЦК об использовании сводок ОГПУ, который предложено было включить в очередные циркулярные указания ЦК[2]. Как видно, сводки ОГПУ официально признавались партией одним из достоверных источников информации, ложившихся в основу некоторых партийных решений.

Одним из направлений совместной деятельности и решений высших партийных инстанций и органов было обеспечение безопасности, а также защита информации о партийных, государственных лицах и объектах. Особенно остро этот вопрос встал во время и после эсеровского мятежа, покушения на В. И. Ленина и анархистских терактов. Как известно, функция охраны возлагалась на органы государственной безопасности, первоначально на ВЧК. Председателю ВЧК поступали сообщения об активизации контрреволюционной деятельности. «В письме к Ксенофонтову в конце июня *[1919 г. – Г.К.]* Дзержинский сообщал, что белогвардейцы и анархисты готовят террористические акты и предлагал усилить охрану Кремля, своевременно выявлять и пресекать антисоветскую деятельность правых эссеров, кадетов и польских шпионов. Письма и телеграммы Дзержинского тщательно рассматривались на заседаниях Президиума ВЧК и ее коллегии. Например, 8 июня 1920 г. обсуждались предложения Феликса Эдмундовича об усилении борьбы с белогвардейскими элементами в тылу, а 2 июля были разработаны меры более эффективной охраны Кремля»[3]. При проведении операций по обезвреживанию контрреволюционных организаций в руки чекистов попадали, наряду с другими, советские документы со сведениями секретного характера. Так, «...В июле – августе Особый отдел ВЧК ликвидировал Петроградское отделение «Национального центра», которое возглавлял кадет В. И. Штейнингер. У заговорщиков было изъято много документов, содержащих сведения о 7 армии *[Красной Армии. – Г. К.]*, переписка со штабом Юденича, отчет о деятельности Петроградской и

---

[1] Цит. по *Майданов И.И.* Из истории деятельности советской спецслужбы 1921 – 1929 гг На материале Белорусской ССР. С. 51.

[2] См. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 113. Д. 160. Л. 9.

[3] Ф. Э. Дзержинский. Биография. С. 190.

Московской шпионской организаций»[1]. На допросе у Дзержинского 23 сентября 1919 г. арестованный член московской организации «Национального центра», бывший полковник гвардии В. А. Миллер, рассказал: «что в разговорах они строили планы как захватить Ленина и Троцкого в качестве заложников против красного террора и для этой цели держать их в каком-нибудь имении вне города Москвы»[2]. Хотя большевики и принимали меры безопасности по охране членов ЦК и Правительства, но еще не в полной мере сознавалась реальная опасность. Известно как по началу, легкомысленно относился к этому В. И. Ленин. Так, к примеру, « Личная охрана В. И. Ленина состояла из двух человек. Лишь только после того, как его ранила Каплан, число телохранителей было увеличено вдвое»[3].

ЦК и органы государственной безопасности тревожила также проблема утечки информации касающейся сведений о членах ЦК и Правительства, передаваемых в печати. К примеру, в июне 1926 года на Политбюро обсуждался проект циркуляра органам печати, предложенного ОГПУ. Спецслужбы, озабоченные тем, что им было трудно наладить работу и обеспечить безопасность, когда заранее становится известно о месте пребывания и мероприятиях с участием членов Правительства. В циркуляре, разработанным ОГПУ и озвученного на Политбюро заместителем председателя ОГПУ Ягодой отмечалось, что за последнее время в местной прессе (журналах и газетах) печатались сведения, заранее указывающие маршруты из центра, остановки, места выступления (съезды, конференции, митинги), а также место лечения и пути обратного следования членов Правительства СССР, РСФСР и членов ЦК РКП (б). В циркуляре также отмечалось, что некоторые редактора, гоняясь за сенсациями, посылали без ведома ОГПУ не только репортеров, но и фотографов, проводивших целые засъемки мест пребывания. По мнению ОГПУ, появление заранее этих сведений в печати, облегчало деятельность всякого рода шпионов и агентов и крайне затрудняло работу по охране членов Правительства и могло в любое время привести к печальным последствиям. Исходя из этого, ОГПУ предлагало без их согласования с отделом политконтроля ОГПУ такие сведения не давать, за исключением, когда поездка совершается с агитационными целями. Согласования редакциями должно происходить заранее до передачи материала в набор, посылка репортеров, фотографов должна происходить только после специальной визы и с предъявлением выписанного удостоверения ОГПУ, дающее право заниматься данной деятельностью. Предлага-

---

[1] Ф. Э. Дзержинский. Биография. С. 175.

[2] Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 451.

[3] См. *Судоплатов А.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымысел о моем отце. Книга первая. С.81.

лось, что редакции, посылающие своих работников без визы ОГПУ, штрафовать, а репортеров, фотографов и прочих работников подвергать аресту[1]. Политбюро, рассмотрев данный проект, не имело возражений против посылки данного циркуляра от имени ОГПУ. На мой взгляд, это вполне приемлемая и обоснованная реакция, особенно учитывая реалии того времени, да и практику сегодняшнего дня.

Особой задачей для ОГПУ была охрана Кремля, других правительственных и партийных учреждений, также членов ЦК и Правительства как основных носителей государственных секретов. С самого начала функционирования Кремля как правительственной резиденции, вход осуществлялся по пропускам. Система прохода с течением времени менялась. Так, к примеру, к 1925 году система пропусков и установленный порядок прохода в Кремль уже не удовлетворяла службу безопасности и, по их мнению, «лишало возможность обеспечить от проникновения ненужного элемента в Кремль и сводило на нет всю охрану Кремля».

К тому времени существовало двенадцать различных видов пропусков: 1.Члены Президиума, члены и кандидаты в члены ЦИК СССР, 2. Члены Президиума, члены и кандидаты в члены ВЦИК, 3.Члены ЦК ВКП (б), 4. Кандидаты в члены ЦК ВКП (б), 5.Члены ЦЦК ВКП (б), 6. Пропуск ответственного работника (годовой), 7. Годовой пропуск в здание Правительства, 8. Дневной трехмесячный пропуск в Кремль, 9. Ночной пропуск в Кремль, 10. Увольнительный значок курсантов и красноармейцев, 11. Разовый пропуск в Кремль, 12. Разовый пропуск в здание Правительства.

Большое количество пропусков затрудняло их проверку и, к тому же, имелось большое количество потерянных пропусков. ОГПУ в секретном письме, направленном в Секретариат ЦК ВКП (б) и Президиум ЦИК СССР, предлагало сократить число пропусков до восьми. Предлагалось сократить четыре вида: на членов и кандидатов в члены Президиума ЦИК, ВЦИК, ЦК ВКП (б). Членам и кандидатам в члены ЦК ВКП (б) и ЦКК, не являющиеся членами ЦИК СССР, рекомендовалось получить единый пропуск ответственного работника. Зам Председателя ОГПУ Ягода просил ЦК ВКП (б) утвердить предлагаемый порядок[2]. ЦК рассмотрело данное предложение на заседании Оргбюро Секретариата 22 июня 1925 года. Для проработки вопроса образовали комиссию в составе Гузакова, Мехлиса, Беленького, Шкирятова, Петерсона, т. е. представителей ОГПУ, ЦК и ЦКК. Комиссии предлагалось предста-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 445. Л. 5.

[2] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 176. Л. 191–198.

вить на утверждение Секретариата свой проект постановления[1]. Как видно, фактически этот вопрос решался скорее партийным, чем советским порядком.

Естественно, ЦК регламентировало и проход в здание ЦК ВКП (б). В начальный период проход в здание ЦК был прост и осуществлялся по партийным билетам, т. е. каждый рядовой член партии мог свободно пройти в свой Центральный комитет. Но в 1925 году, в результате работы комиссии выяснилось, что официально числятся похищенными 30 тыс. партбилетов. Имелись случаи передачи партбилетов другим лицам для прохода в здание ЦК, подчистка партбилетов и неуплата членских взносов более 3-х месяцев, наличие партбилетов у исключенных и психически больных, которым он служил только для прохода в здание ЦК с различными просьбами. В ЦК задерживались лица, имеющие на руках различные документы на разные фамилии. К примеру, у одного задержанного было обнаружено 60 различных документов на другие фамилии. В результате, для разработки вопроса, была создана комиссия с участием Зав. Бюро Секретариата Товстухи, а также Гузака, Беленького, Петерсона. На заседании Секретариата ЦК в марте 1926 года рассматривалось два предложения: комиссии ЦК и предложение ОГПУ. В итоге был выбран компромиссный вариант. Секретариат ЦК утвердил предложения комиссии, но с предложениями ОГПУ. Было принято решение сохранить пропуска по партбилетам. Но имелось ввиду, что в данное время проходила замена старых партбилетов – на новый (образца 1926 года), где уже имелась фотография. С введением новых партбилетов, пропуск в здание без фотографий на партбилетах был запрещен, сокращалось количество видов пропусков. Члены ЦК, кандидаты и члены Ревизионной комиссии проходили по своим мандатам; члены ЦИК СССР и кандидаты – по мандатам с предъявлением партбилетов; члены ЦКК – по своим мандатам; члены МК и члены МКК, члены Коминтерна – на общих основаниях; члены ЦК РКСМ и кандидаты – по своим мандатам. Кремлевский пропуск для прохода в здание ЦК был действителен только с особой отметкой на пропуске[2]. На заседании фракции ВКП (б) Президиума ВЦИК 20 мая 1926 года был рассмотрен вопрос, внесенный Секретариатом Президиума ВЦИК, предложивший коменданту Кремля оставить в силе действующий порядок пропуска в Кремль и здание ВЦИК по мандатам членов Президиума, членов и кандидатов в члены ВЦИК3. Общий контроль и ответственность за пропуск в здание ЦК возлагался на Бюро пропусков комендатуры Управления делами ЦК ВКП (б). Но в 1928 году Бюро пропусков комен-

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 176. Л. 200.

[2] Там же. Л. 10.

[3] См. Там же. Л. 199.

датуры Управления делами ЦК было ликвидировано. Управляющему делами поручалось организовать охрану здания ЦК на договорных началах с ОГПУ. Вход в здание ЦК вместо пропусков устанавливался только по партбилетам[1].

Таким образом, в здание ЦК мог пройти любой рядовой член партии по своему партийному билету. Вообще до середины 1930-х годов доступ в здание ЦК и возможность общения рядовых членов партии с партийными руководителями был вполне демократичным, да и охрана была минимальной. Об этом говорит факт убийства Кирова, оставшегося в момент покушения без охраны. Думается даже не стоит сравнивать охрану нынешних государственных руководителей с целой армией охранников и беспрецедентными мерами безопасности. «В 20-е годы, охрана советских руководителей была достаточно скромной. После 1929 года, когда Сталин окончательно утвердился у власти, штат охранников в Кремле стал увеличиваться. Однако пока не настолько, чтобы поразить чье-нибудь воображение своими масштабами»[2]. Далее А. Судоплатов отмечает тот факт, что: «До убийства Кирова, Сталина можно было встретить на Арбате в сопровождении Власика – начальника личной охраны и двух телохранителей. Он часто заходил к Демьяну Бедному, иногда посещал своих знакомых, живших в коммунальных квартирах. Сотрудники НКВД и ветераны, имевшие значок «Почетный чекист»... и удостоверение к нему, могли беспрепятственно пройти на Лубянку. Они имели право прохода всюду, кроме тюрем. Но далее он пишет: «Вся эта система была немедленно изменена. Убийство Кирова явилось предлогом для ужесточения контроля, который никогда уже больше не ослабевал»[3].

Выше была приведена лишь небольшая часть примеров, касающихся вопросов охраны и безопасности, проходившие обсуждение и утверждение в ЦК. Думается основной материал по вопросам данного взаимодействия можно найти в фондах ВЧК – ОГПУ – НКВД.

В результате сложилась и укрепилась система взаимодействия высших партийных органов со службами государственной безопасности в области обеспечения секретности, охраны государственной тайны, проведению режимно-секретных мероприятий. Такое сотрудничество определялось как взаимодействием высших органов политического и государственного управления страной с исполнительными структурами и определялось политической целесообразностью с самого начала существования советского государства. На высших постах органов государственной безопасности находились члены ЦК партии. Назначение и перемеще-

---

[1] См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 621. Л. 14.

[2] *Судоплатов А.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. Кн. 1. Л. 80.

[3] См. Там же. Судоплатов А. Тайная жизнь генерала Судоплатова. С. 76.

ние руководящих сотрудников проходило утверждение в ЦК или в партийных комитетах на местах. Кадровое распределение и политико-административное влияние на исполнительные структуры со стороны партийных комитетов было основным рычагом не только взаимодействия, но и фактического управления. Круг взаимодействия определялся исполнением функциональных обязанностей, как структур, отвечающих за безопасность страны в целом, так и политическими интересами. Партия, с одной стороны делегировала органам охрану и собственную безопасность, с другой – в тоже время, направляла их деятельность в нужном политическом русле. Органы безопасности, выполняя государственные функции по охране государственной и военной тайны как в мирное, так и военное время, осуществляли мероприятия по допуску к секретным сведениям, проверке сотрудников партийных учреждений, защите информации техническими средствами в партийных инстанциях, организации обучения партийных шифрработников и криптографов, участию и созданию нормативных партийных документов по обеспечению секретности и работе с секретными документами, проводили проверки соблюдения режима секретности и секретного делопроизводства в парторганах и ведомствах, где могли быть секретные партийные документы, защите секретных сведений в печати и других средствах массовой информации, охране государственных и партийных учреждений, членов Правительства и ЦК, как основных носителей государственной и партийной тайны. В данной работе приведены примеры данного взаимодействия. Весь комплекс вышеописанных вопросов решался совместно парторганами и службами госбезопасности. Особо следует отметить сотрудничество между, созданным в мае 1921 года Специальным отделом при ОГПУ и секретными подразделениями ЦК (Бюро Секретариата, Секретный отдел, Особый сектор ЦК). Естественно, Специальный отдел при ОГПУ осуществлял свою работу по решению высших парторганов и совместно с секретными подразделениями ЦК. К примеру, шифровальное дело велось и совместно с одной из структур Секретного отдела ЦК, занимающейся защитой информации техническими средствами – Шифрбюро, Шифротделения. Сотрудники Специального отдела участвовали непосредственно или курировали разработку секретных инструктивных и нормативных документов. По результатам совместной работы и заключениям Специального отдела и секретных подразделений ЦК выносились решения высших партийных органов.

В принципе, принимая во внимание все реалии и специфику взаимоотношений правящей партии со службами безопасности, это сотрудничество не позволяло осуществлять крупных утечек информации. Факты свидетельствуют, что, не смотря на определенные отрицательные моменты в деятельности советской контрразведки, разведслужбам соперничающих с Советским Союзом государств, по их признанию, было

очень трудно работать в нашей стране. Усиление влияния и власти И. В. Сталина и обострение международной обстановки в Европе в связи с приходом к власти нацистов в Германии и действия японских милитаристов в Азии, требовали и способствовали ужесточению мер по обеспечению режима секретности. В СССР образовалась своего рода система взаимного контроля, когда партия контролировала и направляла деятельность служб безопасности, но в тоже время органы обязаны были контролировать и деятельность партийных комитетов и государственных структур. Инициаторами тех или иных решений высших партийных или государственных органов по вопросам обеспечения режима секретности в одних случаях выступали партийные органы, а в других – службы безопасности. Те меры, которые большевики принимали по охране тайн и обеспечению режима секретности, в том числе в партийных органах (не затрагивая внутриполитической борьбы), особенно усилившейся в 1930-е годы и перед Великой Отечественной войной, как показали дальнейшие события, оказались отнюдь не лишними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая доктрина большевиков после прихода к власти определяла, что «мир разделен на два лагеря, лагерь капитализма и лагерь социализма», «окруженный» капитализмом. Именно это окружение оправдывало проводимую внешнюю и внутреннюю политику. Поэтому данное обстоятельство диктовало необходимость создания определенных структур и принятие мер по обеспечению защиты военной, государственной и партийной (политической) тайны. Опыт конспиративной работы большевики накопили еще в дореволюционный период, во время работы на нелегальном или в полулегальном положении. Большевистская партия в дореволюционный период, это, прежде всего, партия революционеров-профессионалов с полувоенной организацией, отсюда и определенное политическое и социальное мышление лидеров партии. Когда в повестку дня встал вопрос об организации системы защиты информации большевики взяли «на вооружение» и традиции и принципы своей прежней конспиративной работы. С приходом к власти и созданием советской республики, перед большевиками встала задача создания нового, теоретически обоснованного В. И. Лениным, типа государства. Чтобы сохранить власть, создать и укрепить новый общественной строй, защитить его от внутренней и внешней контрреволюции, советской России был жизненно необходим новый государственный аппарат. В. И. Ленин уже 26 октября (8 ноября) 1917 года в докладе о мире сказал, что империалистическую войну нельзя кончить отказом от нее. Он предупреждал, что капиталистические правительства и буржуазия употребят все усилия, чтобы раздавить рабочую и крестьянскую революцию, как не раз до этого показывала история. И действительность доказала данные предположения. Разразившаяся Гражданская война, интервенция, контрреволюционные заговоры и мятежи подтвердили предположения о том, что правящие круги иностранных

государств и свергнутые силы России постараются объединиться, чтобы уничтожить власть большевиков. Примером тому служили уже созданные в первые месяцы после Октябрьской революции и далее реально существовавшие и раскрытые большевиками контрреволюционные организации, такие как «Азбука», «Союз защиты родины и свободы», «Совет общественных деятелей», «Союз земельных собственников», «Торгово-промышленный комитет», «Правый центр», «Союз возрождение», «Национальный центр», «Тактический центр», «Союз русской молодежи» и др., также «Заговор послов», мятеж левых эсеров в июле 1918 г. в Москве, подготовленный и осуществленный анархистами взрыв в Леонтьевском переулке в Москве 25 сентября 1919 г., а затем Гражданская война и интервенция. Оказавшись окруженной в центре России, новое молодое государство принимало титанические усилия для отражения внутренней и внешней контрреволюции. Судьба Советской республики буквально была на волоске. Для противостояния вооруженной интервенции, экономической блокаде и подрывной деятельности и саботажу, большевиками создавались чрезвычайные органы власти, которые принимали самые решительные меры военного, административного и карательного характера. Создавалась Красная армия, ВЧК и Военно-революционные трибуналы. Также необходимо было организовывать определенные структуры и принимать меры по обеспечению защиты вначале военной, затем государственной и партийной тайны. Социально-экономический кризис, обострившийся в связи с империалистической войной, две революции и, наконец, Гражданская война, многократно увеличивали тенденцию к секретности. С приходом к власти, перед большевиками встали вопросы конспирации не только в партии, но и в государстве в целом. Большинство задач, связанных с обороной, экономикой, внешней и внутренней политикой решалось в секретном порядке. Большевиками на практике решали вопросы защиты партийной информации исходя из государственных интересов в целом. Следует отметить, что в партийном и государственном аппаратах в рассматриваемый период не разграничивали тайну на партийную и государственную, она понималась как единое целое. Организация защиты информации диктовалась, во многом, условиями военного времени, а после Гражданской войны борьбой с внешней и внутренней угрозой.

Противодействие внешним и внутренним угрозам – в целом, главная и основная цель защиты информации. Именно внешнеполитический фактор и защита интересов государства в данный период был определяющим. Особенно это было актуально в рассматриваемый исторический период. Основным негласным законом было соблюдение правила: «Чем меньше людей имеет доступ (в той или иной форме) к секретным материалам – тем больше гарантий сохранения конспира-

ции». Защита информации достигалась посредством организации специальной системы обеспечения защиты информации, призванной противодействовать существующим угрозам или существенно снизить их опасные последствия. Основным источником дестабилизирующего воздействия для секретной партийной и государственной информации в тот период представлял человеческий фактор. Исходя из понимания существующих угроз и дестабилизирующих факторов, партией создавались условия, ограничивающие распространение секретной информации и по максимуму сужался круг лиц, допущенных к ней. Основными методами и формами по защите секретной информации на тот исторический период были – организация секретного делопроизводства, контроль исполнения, правовое и техническое обеспечение.

В начале своей государственной деятельности работа по защите информации большевиками не планировалась. Одними из их первых декретов были об опубликовании секретных договоров царской России и открытие для публики архивов, а в 1920 году вышли «Общие положения к Правилам пользования архивными материалами для государственных, научных и частных потребностей», в которых закреплялся принцип гласности и доступности документов. Но, с другой стороны, новые зарождавшиеся государственные, военные, дипломатические структуры в процессе деятельности ограничивали в пределах своей компетенции доступ к документам. Но, если рассматривать секретность как проявление государственной политики на тот исторический момент, то она была вполне оправдана. Здесь можно процитировать слова историка М. В. Зеленова с которыми автор данной работы полностью согласен: «Гражданская война воссоздавала режим секретности на каждом шагу...»[1] Но все же, как было изложено в данной работе, оборотной стороной вопроса, несмотря на эти обстоятельства, особенно в двадцатых годах в Советской России в государственных и партийных учреждениях в деле обеспечения секретности было еще достаточно трудностей и недочетов, беспечности и недопонимания. Сообщения о просачивании и распространении секретных сведений, прочитывании и перехвата иностранными и белогвардейскими спецслужбами военно-политической и дипломатической советской информации, были известны Политбюро. Об этом докладывали в ЦК партийные, военные руководители и другие инстанции.

Организация защиты информации всегда была сложной и дорогостоящей задачей, как в организационном, так и техническом плане. В царской России централизованной системы защиты информации не

---

[1] *Майданов И.И.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. С. 372.

существовало. Каждое ведомство решало эту проблему самостоятельно, что приводило к негативным нюансам в общегосударственным масштабе. Хотя, например, в некоторых ведомствах и учреждениях, таких как МИД, Минюст, жандармских органах, система защиты информации была на должном уровне. Большевики в принципе не могли принять децентрализованную систему, как в организационном, так и в политическом плане. Они ориентировались на организацию унифицированной и централизованной системы защиты информации. Это касалось как государственных, так и партийных структур.

В широком смысле организация защиты информации за весь период 1920 – 1930-х годов протекала в рамках, так называемой «догоняющей модели» государственного строительства, во взаимосвязи с напряженной международной обстановкой. Как система, защита информации в партийных структурах сложилась к концу 1920-х годов. Именно к этому времени была создана основная организационная, кадровая, методическая, методологическая и правовая база защиты информации в Советском Союзе. В 1930-х годах наблюдается увеличение тенденции к большей секретности. Именно в этот период в стране устанавливается уголовная ответственность за разглашение государственной тайны, а в партийном аппарате усиливаются партийные санкции вплоть до исключения из партии за разглашение секретных сведений. Все больше вопросов решалось на закрытых заседаниях партийных структур. В партийном делопроизводстве многие вопросы, которые в 1920-х годах находили свое отражение в открытых протоколах и других документах партии, в 1930-х все чаще откладывались в секретных «особых папках».

Здесь необходимо обратить внимание на большевистское понимание политической целесообразности по отношению к государственной тайне. Большевики в начальный период своей государственной деятельности считали политическую целесообразность вполне приемлемой и оправданной. Но со временем подход меняется. Если в начале, большевики широко использовали критерий политической целесообразности, то ко второй половине 1920-х годов, политическая целесообразность и «политическое чутье» в области защиты информации, все более заменялась нормативно-правовыми нормами. Имеет ли критерий политической целесообразности по ограничению информации право на существование как легитимное и оправданное по отношению к государственной тайне? С начала 1990-х годов среди специалистов в области защиты информации и до настоящего времени идет дискуссия по поводу современного понимания государственной тайны и критериев ее оценки. Даются различные характеристики в советский период и предлагаются новые варианты на современном этапе. Но вопрос политической целе-

сообразности как критерий в обоснованности государственной тайны ими почти не затрагивается. Среди большинства историков и особенно публицистов (не специалистов в этой области) прослеживается негативное отношение к государственной тайне как системе, по их мнению, ущемляющую свободу распространения информации и права человека, пользуясь которой можно сокрыть все что угодно, вплоть до преступлений. Но, как показывает исторический опыт и политическая реальность, хотим мы этого или нет, данный критерий присутствовал и присутствует до настоящего времени, и не только в Советском союзе и России, но и в «самых демократичных странах». А о пресловутом «двойном подходе» вообще не стоит рассуждать как о факте вполне очевидном. С начала 1920-х годов, с одной стороны, публиковались документы царского правительства и революционного движения, открывались закрытые при царе и Временном правительстве архивы и фонды, с другой – вырабатывались определенные критерии секретности, в том числе и политически актуальных вопросов. С точки зрения политики автор данной работы не видит в этом противоречия, так как, большевики, придя к власти, взяв на себя государственные функции, одновременно оставались и политической партией.

После окончания Гражданской войны международное и внутреннее положение Советской республики оставалось весьма сложным и напряженным. Ее обуславливала начавшаяся «холодная война» *[По мнению автора, она началась не, с речи Черчилля в Фултоне в 1946 году, а сразу после окончания Гражданской войны, не прекращаясь на всем протяжении советского периода и переходя время от времени на локальных участках от «холодной» в «горячую» фазу, и так далее от одной фазы к другой – Г. К.]* и внутрипартийная борьба по вопросу дальнейшей внутренней политики и развития страны вплоть до начала Великой отечественной войны. В этих условиях правящая партия должна была уделять пристальное внимание обеспечению постоянной военно-политической готовности государства и партии к любым ситуациям. И именно в связи с этим, можно говорить об организации и создании в конце 1920-х гг. и дальнейшем развитии в 1930-х гг. системы защиты информации и обеспечения сохранности не просто партийной или государственной, а именно партийно-государственной тайны. Это обусловлено и тем, что данный специфический процесс происходил в рамках функционирования не просто государственной системы, а партийно-государственной политической системы с одной правящей партией во главе.

История развития системы защиты партийной тайны напрямую связана с партийным строительством. Автор данной работы не обнаружил среди изученных открытых материалов Политбюро, Оргбюро, Секре-

тариата, Управления делами и секретных подразделений ЦК документа, напрямую говорящего о создании секретного или режимно-секретного подразделения ЦК, с функциями по обеспечению режима секретности в ЦК и парторганах с момента образования аппарата ЦК, Политбюро. Оргбюро и Секретариата. Впервые подразделения с особыми функциями мы находим в наименованиях – Специального отдела Секретариата ЦК в 1919 году, а также о существовании в структуре ЦК 1920 года Конспиративного и Секретного отдела Секретариата ЦК. Возможно, это один и тот же отдел. Есть также упоминание о Секретно-директивной части (Секретного отдела или Управления делами ЦК) и Секретно-оперативного подотдела Секретно-директивной части, а затем самостоятельного Секретно-оперативного отдела, функции которого не известны. Скорее всего, все перечисленные подразделения входили в состав Управления делами ЦК. С образованием в 1921 году Бюро Секретариата из части Секретного отдела Управления делами, начинается история самостоятельного секретного подразделения ЦК, состоявшего из помощников Секретарей ЦК, технического аппарата, шифрподразделения и других служб, обслуживающих, по-началу, только высшие парторганы ЦК, затем взявших на себя полностью или частично, функции режимно-секретного органа партии. В 1926 году Бюро Секретариата переименовывается в Секретный отдел. В 1930 году Секретный отдел переводят в Кремль. В 1933 году была произведена его реорганизация, в результате которой была усилена секретность, закреплены функции и направления работы отдела, а в 1934 году, после XVII съезда партии, он стал именоваться Особым сектором ЦК. Функции данных подразделений особо не менялись. Количество сотрудников было по сравнению с остальными подразделениями ЦК, большим, уступая, лишь Управлению делами. Неоднократные сокращения аппарата ЦК, в основном, не затрагивали данные подразделения. Следует отметить, что термины «режимно-секретный орган» или «режимно-секретные мероприятия» в то время не существовали, а для обозначения «секретности» в большинстве случаях в партийном аппарате употреблялись слова «конспирация» и «конспиративность», использовавшееся большевиками еще с подпольных времен. Секретные подразделения ЦК РКП(б) – ВКП(б) в своем развитии прошли динамику от технических подразделений, обеспечивающих работу Секретарей ЦК до секретных подразделений парткомов всех уровней. Фактически данные подразделения выполняли оперативную режимно-секретную работу. Их всегда возглавляли помощники И. В. Сталина: сначала (короткое время) А. М. Назаретян и Л. З. Мехлис, потом И. П. Товстуха, а с 1930 года – А. Н. Поскребышев. На И. В. Сталина, по функциональному распределению обязанностей между Секретарями ЦК, неизменно возлагалось общее руководство данными подразделениями,

что говорит об их значимости и роли в аппарате ЦК. Они же в руках И. В. Сталина были источником получения оперативной (в большинстве своем секретной и поэтому наиболее правдивой и наименее тенденциозной) информации и соответствующего влияния на принятие адекватных решений, проводниками внутренней политики и исполнителями решений и замыслов Генерального секретаря.

Основными направлениями деятельности большевиков по защите информации в партийных структурах РКП (б) – ВКП (б) всех уровней в 1918 – 1941 гг. являлись: организация подразделений по защите информации, создание легитимной правовой и нормативной базы по обеспечению режима секретности и секретному делопроизводству, кадровое обеспечение секретных подразделений партии, осуществление защиты информации посредством организационных форм работы и создание особых видов секретных документов, организация и обеспечение сохранности секретных документов партии путем организации секретного хранения, организация доступа к секретной партийно-государственной информации, обеспечение защиты информации техническими средствами, осуществление партийного контроля за соблюдением режима секретности, проведение цензурной политики, осуществление взаимодействия ЦК и местных партийных комитетов с органами государственной безопасности.

Основными принципами защиты информации в рассматриваемый период были: 1. Принцип обоснованности доступа к секретным сведениям; 2. Принцип персональной ответственности; 3. Принцип материальной заинтересованности лиц, допущенных к секретным сведениям. Основной организационной формой защиты информации в РКП (б) – ВКП (б) в 1918 – 1941 гг. являлась организация «секретного делопроизводства», а также проведение закрытых заседаний высших парторганов и образование постоянно действующих закрытых комиссий ЦК. Существовали и особые виды секретных документов партии. Наряду с известной «особой папкой», строго секретными документами являлись «закрытые письма». Первое упоминание в протоколах заседаний и материалах высших партийных органов «закрытых писем» автор данной работы находит в 1922 году, а «особых папок» в 1923 г.

Международная обстановка 1920 – 1930 годов в целом была напряженной. Гражданская война хоть и закончилась, но военное и политическое противостояние между СССР и капиталистическими странами не прекращалось. Как уже было отмечено выше, по сути, «холодная война» началась сразу же после Гражданской войны в России. Кроме того, Первая мировая война не разрешила противоречий между европейскими странами. В принципе, мир постоянно находился на грани «тлеющих войн» и, как показали дальнейшие события, локальные войны

и глобальные противоречия быстро переросли в разразившуюся Вторую мировую войну. На сложившуюся обстановку ориентировались все страны, разрабатывая свои военно-политические концепции национальной безопасности. Советский Союз, осознавая опасность войны, в основном, враждебное окружение, был вынужден принимать соответствующие меры противодействия и защиты, в том числе организовывая систему защиты государственной и политической (партийной) тайны. «Концепция тотальной войны порождает концепцию тотальной разведывательной деятельности...Третьей функцией или формой разведывательной деятельности можно считать то, что называется иррегулярной войной. Это понятие включает организацию и поддержку групп сопротивления, подрывную пропаганду и саботаж, которые тесно связаны с разведывательной службой»[1]. В связи с этим менялись не только военные концепции, но и сама природа подготовки и ведения войны, в том числе и разведывательная деятельность, а добывание интересующей информации является основной работой разведок.

В решении вопросов защиты информации мы видим политическое решение и государственное регулирование данного вопроса со стороны партии. В данный исторический период и, принимая во внимание специфику партийно-государственного политического устройства, это было вполне закономерно и укладывалось в действующие тогда легитимные рамки. Здесь партия большевиков выступает и как политическая организация, регулирующая деятельность своих структур и как «руководящий и направляющий» орган, осуществляющий партийно-государственную власть в стране. Для определения секретных сведений разрабатывались соответствующие «Перечни сведений, составляющих государственную тайну и не подлежащих опубликованию». Вся работа по защите партийно-государственной тайны проходила в тесном сотрудничестве ЦК с органами государственной безопасности страны. Наиболее тесное сотрудничество в области защиты информации было между специальными секретными подразделениями ЦК в лице Бюро Секретариата – Особого сектора ЦК и госбезопасности в лице Специального отдела ВЧК – ГПУ (ОГПУ) – НКВД. По специальным вопросам защиты информации партийный аппарат должен был подчиняться требованиям органов безопасности, тем самым осуществлялся взаимоконтроль и совместное ведение работы по обеспечению секретности, что позволяло, в общем, избегать серьезных утечек информации из парторганов.

Деятельность большевиков по защите информации (конспирации) можно разделить на нелегальный дореволюционный и на легальный, в условиях правящей партии, период. Организация защиты информации

---

[1] Цит. по *Мадер Ю.* Тайное становится явным. С. 24.

в советский период была тесно связана с партийным строительством, с деятельностью по созданию партийного аппарата, начиная с первого легального VII съезда в 1918 году, на котором определились новые условия функционирования и создания новой программы и партийных структур. В связи с этим коренным образом изменялась работа партии по защите информации в целом. В период Гражданской войны и до 1922 года в своей работе, данные структуры руководствовались общими военными и государственными (советскими) установками. Только начиная с 1922 года, по постановлению Оргбюро ЦК РКП (б) от 30 ноября 1922 года, после разделения партийного делопроизводства от советского и профсоюзного и принятия постановления «О порядке хранения секретных постановлений ЦК РКП (б)» в партии началась создаваться нормативная база защиты информации. Как система, защита информации в партийных органах, на наш взгляд, сложилась во второй половине 1920-х годов, продолжая развиваться за весь рассматриваемый период. Но следует отметить, что изначально сформировавшиеся основные принципы, формы, методы, направления деятельности по защите информации в партийных структурах РКП (б) – ВКП (б) в 1918 – 1941 гг. действовали на всем протяжении исследуемого периода. Организация защиты информации проходила в своей динамике эволюционный путь в рамках сложившейся партийно-государственной системы, путь постепенного накопления качественной и количественной составляющей. Деятельность по защите информации носила целенаправленный характер и имела вид непрерывного процесса, стабилизируясь или активизируясь в тот или иной период.

На партийные органы в плане защиты информации ложилась «двойная» задача. Это была защита как государственной, так и партийной (политической) тайны. Исключительно трудно классифицировать секретную информацию рассматриваемого исторического периода на чисто государственную или чисто партийную (политическую). В условиях сложившейся системы партийно-государственного устройства разделить ее невозможно.

В чем причины секретности? Именно во внешнеполитическом факторе и защите интересов государства. Но на этот счет есть и другие мнения. Суть их в том, что меры по обеспечению секретности позволяли маскировать внутренние политические и даже «преступные» цели и деяния, которые совершались под покровом обеспечения секретности, а распространение информации, наоборот, строго каралось. Все это воспринимается как ущемление демократии, свободы слова и прав человека. Думается, что истина «лежит посередине», в данном случае важны критерии, мотивация и направленность данной деятельности. Работа по защите информации была и остается одними из важнейших

направлений деятельности любого государства по определенным вопросам его функционирования. В прошлом, как и в настоящем, существовали и существуют и чисто политические, идеологические мотивы защиты информации. По политическим мотивам засекречивается едва ли не большая или по, крайней мере, очень значительная часть информации. Важен мотив – ради какой цели и в чьих интересах ведется эта работа. Это признается и на Западе и на Востоке. Так, английский разведчик Стевенсон, в своей книге, «Человек под кличкой неустрашимый» о разведоперациях Второй Мировой войны, в предисловии пишет: «Секретность правильно отталкивает нас, она является потенциальной опасностью для принципов демократии и свободного правления ... хотя может и излишне подчеркивать столь очевидное, нужно помнить – оружие секретности теряет эффективность стоит только отказаться от нее. Одно из условий демократии – свобода информации». Далее он делает заключение, по сути оправдывающее секретность, – «Однако, стоит предать эти сведения гласности, как мы будем обезоружены»[1].

Признавая и внутриполитические мотивы секретности, когда определенную роль играют моменты внутриполитической борьбы, борьбы за власть, все же, на мой взгляд, основным следует считать внешнеполитический фактор. Особенно это было актуально в изучаемый исторический период. Заслуживают внимания строки из книги А. Судоплатова: «Совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы несовместимы с жестокостью, характерной для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом и Гражданской войной» Как нам известно, это было характерно не только для России, вспомним, хотя бы Великую Французскую революцию и др. Приводя пример борьбы Сталина и Троцкого, автор пишет: «Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей...»[2] Далее автор делает вполне определенный вывод, с которым нельзя не согласиться: «...Но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение. Сталин и его окружение не могли относиться к Троцкому в изгнании просто как к автору философских сочинений. Тот был активным врагом Советского государства.

Дальнейший ход истории показал, что отношение Сталина и руководителей ВКП (б) к политическим перерожденцам и соперникам в борьбе за власть была оправданной. Решающий политический удар по

---

[1] Цит. по *Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. С. 324.

[2] См. *Судоплатов А.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моем отце. Книга первая. С. 225.

КПСС и Советскому Союзу был нанесен именно изнутри, группой бывших руководителей партии. При этом первоначальные узкокорыстные интересы борьбы за власть эти деятели маскировали заимствованными у Троцкого лозунгами и борьбы с бюрократизмом и господством партаппарата»[1]. К сожалению, с этим тоже нельзя не согласиться.

В принципе, государства всегда, независимо от общественно-политического строя, соперничали между собой и поэтому до сих пор актуальны вопросы соблюдения секретности и охраны собственных тайн. Человеческая цивилизация не достигла еще такого уровня развития, когда конфликтные вопросы решались бы только мирным путем. Не ушла в прошлое и идея мирового господства. Современный уровень развития государств пока не знает иного пути, чем экономическое и политическое соперничество. Особенно это было актуально в периоды гласного и негласного противостояния различных общественно-экономических систем. Как уже было отмечено, основными критериями при определении степени, целесообразности и оправданности секретности, являются, в первую очередь, внешние факторы. Именно исходя из этого фактора, уже в первых перечнях сведений, составляющих государственную тайну и не подлежащих опубликованию, основная часть засекреченных сведений были военного, экономического и внешнеполитического характера.

При вопросе о соотношении (или удельном весе) секретной и несекретной информации в деятельности партийных органов в Советской России и СССР в 1920 – 1930-е годы, можно отметить, что это соотношение менялось в зависимости от факторов, определяющих внешними обстоятельствами и внутренним положением страны. Естественно, объем засекреченной информации увеличивался в период Гражданской войны, внешнеполитических кризисов 1923 и 1926–1927 гг., общего обострения международной обстановки со второй половины 1930-х годов и вплоть до июня 1941 года. Партийная информация имела свою специфику, определяемую наличием государственных и политических интересов, отраженных в партийных комплексах документов, в которых трудно выработать объективный подход по ее разграничению на информацию государственную и партийную. Это обуславливалось тем, что на парторганы в плане защиты секретных сведений ложилась как бы «двойная» задача. Это защита как государственной, так и партийной тайны. В условиях сложившейся системы партийно-государственного устройства их разделить почти невозможно. Но можно вполне определенно констатировать, что в советское время, особенно в «сталинский

---

[1] См. *Судоплатов А.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моем отце. Книга первая. С. 225.

период», общество было закрытым. В этом были свои плюсы и минусы. С одной стороны это не вписывалось в рамки так называемых демократических свобод и давало возможность скрывать негативные моменты, но с другой, – усложняло работу иностранных разведок. Это имело особое значение с приходом к власти нацистов в Германии и агрессивных действий милитаристской Японии. В общем, работа по обеспечению режима секретности была направлена на обеспечение внешней безопасности страны. Но в определенной степени она носила классовый характер и была направлена на сохранение диктатуры пролетариата и власти большевиков.

Наибольшее количество документов высших органов партии и секретных подразделений ЦК, освещающих данную тему, в рассматриваемый период, мы наблюдаем в 1920-е годы. Именно за это десятилетие в открытых протоколах Политбюро, Оргбюро, Секретариата, документах Бюро Секретариата и Секретного отдела ЦК находится интересующий нас материал. Это определяется относительной демократичностью внутрипартийной жизни, борьбой мнений в руководстве страны, относительно «спокойная» международная обстановка в Европе после окончания Гражданской войны в СССР, что и отразилось на документальном пласте, отражающем события данного периода. С конца 1920-х начала 1930-х годов, вплоть до Великой Отечественной войны, вопросы обеспечения секретности, становятся все более закрытыми. Обсуждение данных проблем проходит обычно на закрытых заседаниях высших парторганов и комиссий ЦК, документы по ним откладываются в закрытых комплексах, – закрытых протоколах «Особой папке». Практически мы не находим документов (или же их немного) за 1930-е годы по шифрработе, проверке сотрудников, допускаемых к государственной и партийной тайне, проверке соблюдения режима секретности и секретного делопроизводства, разработке инструкций и правил (основные нормативные документы по данным вопросам были разработаны в 1920-е годы), цензурной политике, взаимоотношений органов государственной безопасности с партийными структурами по данным вопросам.

Усиление секретности по всем направлениям мы наблюдаем с 1930-х годов, особенно со второй половины. И это было вполне обосновано. Так, к примеру: «немецкие антифашисты своевременно разоблачили агрессивные планы гитлеровской Германии, предупредив о них мир. «В одной документальной публикации, вышедшей в 1935 году в Париже, немецкие эмигранты назвали имена 2450 нацистских агентов-профессионалов, примерно 20 тысяч агентов непрофессионалов и указали на наличие в разных странах мира 24 нацистских ячеек»[1]. Гитлер перед на-

[1] Цит. *Мадер Ю.* Тайное становится явным. С. 33.

падением на Францию в 1940 году говорил: «Когда я начну войну...то в один прекрасный день, еще в мирное время, я обеспечу появление наших войск в Париже. Они будут одеты во французскую форму и промаршируют по улицам среди бела дня. Никто не задержит их.... Они направятся к зданию генерального штаба, займут министерства, парламент... Я заранее установлю связь с людьми, которые образуют новое правительство. Правительство, которое мне подходит. Мы найдем таких людей, найдем их в любой стране. Наша стратегия заключается в том, чтобы уничтожить противника изнутри, сделать так, чтобы он устранил себя сам»[1]. Хотя, как мы знаем, Гитлер был большой мастер на такого рода инсинуации, но кое в чем он оказался ясновидцем.

Контрразведывательная деятельность также предполагает и организацию мер, предотвращающих утечку информации, т. е. соблюдению режима секретности. Советское государство также беспокоило сотрудничество разведок против СССР. Так, шефу фашистской немецкой разведки Шеленбергу: «...представлялась...федерация европейских секретных служб, которая должна была образовать своего рода информационный пул. Основным принципом ее работы следовало сделать решительное использование всех секретных служб против России, причем предпочтение должно было отдаваться собственным интересам секретных служб»[2]. Секретные службы профашистских сил Финляндии, Венгрии, Хорватии, Сербии, Румынии, Болгарии и Турции дали свое согласие на осуществление этого плана, с секретными службами Франции, Испании и Португалии велись по этому вопросу переговоры[3]. Именно поэтому вопросы защиты партийно-государственной тайны решались на самом высоком партийно-государственном уровне и в тесном сотрудничестве со службами государственной безопасности.

Выполняется основная задача – обеспечение сохранности партийно-государственной тайны в парторганах и государственных структурах. Круг сведений, подлежащих засекречиванию, в партийных органах, определился еще во время Гражданской войны. В принципе, государственная тайна охраняла вопросы военного и экономического характера, международных отношений, а партийная – кроме перечисленных, также вопросы партийного и государственного строительства, внутриполитической борьбы.

На современный взгляд, кажется, что в 1920 – 1930-е годы, засекречиванию подлежали и незначащие второстепенные вопросы сами по себе не содержащие государственную тайну. Но стоит отметить, к

---

[1] Цит. *Мадер Ю.* Тайное становится явным. С. 30.

[2] Цит. Там же. С. 30.

[3] См. Там же. С. 37.

примеру, контрразведка Деникина пристальное внимание уделяла изучению личностей советских руководителей. С этой целью собирались подробные данные, характеристики, обрисовывающий их политический и человеческий облик. В докладе деникинской службы о политическом положении в России в конце января 1919 года мы читаем: «Правой рукой Ленина является председатель Центрального исполнительного комитета Советов Свердлов, главная черта характера которого – непоколебимая воля.... Для уничтожения большевизма более полезным является поддержка партии Троцкого, которая благодаря своей политике, не признающей компромиссов, скорее приведет большевистскую Россию к краху[1]. И далее, что секретного скажем в информации о выборах в Советы, реализации урожая, в наказе при перевыборах в Советы, в приеме в партию крестьян, ледоход, колхозы и т. д. Теперь обратим внимание на информацию, собираемую перед войной немецкой разведкой об СССР. К примеру, служба Гелена составляла отчеты по всем направлениям советской жизни. В число их отчетов и исследований входили, например, такие как: «Урал как экономический и промышленный район», «Производство стали», «Оружейная промышленность», «Электроэнергетика», «Обзор высших военных командиров Красной Армии». Интерес к данной информации понятен, но их интересовали также и такие вопросы как, «Карьера и повседневная жизнь Сталина», «Ледоход в России», «Сельское хозяйство и колхозы»[2]. Таким образом, из таких, казалось бы разрозненных несекретных и секретных сведений, собиралась вся информация о советских военных ресурсах и намерениях и, в целом, о военно-экономическом, политическом и морально-психологическом потенциале страны. Особенно перед войной. Им нужна была максимально точная информация. Все это оказывало влияние на способность СССР противостоять немецкому вторжению. Но, как известно, нацистская Германия ее в полном объеме не получила и ошиблась и, не в последнюю очередь, благодаря созданной большевиками системы защиты информации не только в государственных, но и в партийных органах, как носителе информации по всем вопросам жизнедеятельности государства. В первую очередь, потому что, в партийных органах как и во всей стране сложилась определенная система защиты партийно-государственной тайны, которая, без некоторых недостатков, была вполне надежной.

Естественно, и на современном этапе, вопросы защиты государственной тайны весьма актуальны. Пока существуют государства, существуют и разведки, хотя приоритетные плоскости и направления деятельности

---

[1] Цит. по *Соболева Т. А.* История шифровального дела в России. С. 391.

[2] См. *Ричелсон Джеффри Т.* История шпионажа XX века. С. 264.

меняются. Сегодня, прежде всего, это борьба с международным и местным терроризмом, организованной преступностью, распространением наркотиков и т. д.. Но все же остаются и «старые приоритеты» – военный и экономический шпионаж, работа и функционирование государственных структур и спецслужб, дипломатическая, международная деятельность и т. д. Отвечая на вопрос, насколько была оправдана система защиты партийно-государственной тайны в партийных органах, можно вполне определенно сказать, что, несмотря на освещенные в данной работе, недостатки, система защиты информации в партийных органах РКП(б) – ВКП(б) в 1918 – 1941 гг. в целом соответствовала условиям и требованиям исторического момента, исходя из реалий того времени, социально-экономической внутренней и внешнеполитической обстановки. Анализируя изменение в политике в конце 1920-х или 1930-х годов, западные историки старательно обходят факт систематического давления западного мира на СССР. Капиталистическое окружение, которое видело в Советской России угрозу своему существованию, не дало новому строю развиться в такой степени, чтобы он мог наглядно продемонстрировать свои преимущества.

Навыки по обеспечению секретности, полученные партийным аппаратом и государственными органами, пригодились, к примеру, при создании советской атомной бомбы. Так описывается работа Курчатова с документами: «Тексты документов он должен был писать собственноручно, а сведения, полученные от разведки, рекомендовалось доводить до ближайших своих соратников лишь в устной форме. Все настолько было засекречено, что в самой разведке подлинники агентурных сообщений не доверялись даже переводчикам и машинистам, они оставались навечно в рукописном виде. Делалось это во имя того, чтобы до минимума свести число посторонних глас. Даже сотрудники резидентур не знали, что оценку их разведдеятельности и новые задания по атомной проблеме дает Курчатов. Его имя как руководителя проекта было в то время скрыто под фамилией «Бородин»[1]. И еще один иллюстрирующий отрывок: «Возвращаемые от Курчатова агентурные материалы разведки, представленные в подлинниках, подшивались в дело "Энермоз" (в переводе чудовищный, колоссальный), а если это были вторые или третьи экземпляры, то, по указанию Квасникова, они уничтожались специально созданной комиссией. Благодаря такой вот четко отлаженной системе учета документов и соблюдения норм конспирации в работе с ними ни одна спецслужба Запада не имела представления о том, что в Советском Союзе тоже начали работать над атомной бомбой»[2]. А цели у соперников Со-

---

[1] *Чиков В. М.* Нелегалы. Досье КГБ № 13676., Ч. 1. С. 118.

[2] *Чиков В. М.* Нелегалы. Досье КГБ № 13676. Ч. 1. С. 314.

ветского Союза в период «холодной войны» были вполне определенные и конкретные. Так,: «...в директиве СНБ США № 20/1 от 18 августа 1948 г. в обобщенной форме, но достаточно четко указывалось; «Речь прежде всего идет о том, чтобы сделать и удержать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами, находящимся вне пределов его контроля»[1]. Как мы знаем рассматривались и чисто военные планы нападения на Советский Союз. «Холодная война» послевоенного периода не переросла в «горячую» и у человечества хватило здравого смысла, чтобы не погубить самих себя. Но и как в любой войне оказалось, что есть побежденные и победители. Так оценивал некоторые негативные моменты в работе по обеспечению режима секретности в СССР 1980-е годы бывший Председатель КГБ СССР В. Крючков: «Стали очевиднее изъяны в нашей кадровой работе. Почти во всех случаях выявилась одна печальная истина: ущерб мог быть значительно меньшим, если бы строго соблюдались установленные нормы оперативно-служебной деятельности, секретного делопроизводства, если бы в учете и обработке информации, а также при ее реализации неукоснительно соблюдались все правила конспирации. Причины лежали не в самой системе, а в той расхлябанности, небрежности, потере бдительности, которые, к сожалению, проявились у многих наших сотрудников....»[2].

Итак, автор данной работы постарался осветить и проанализировать одну из малоизученных сторон деятельности ЦК и партии большевиков в целом, механизм и уровень принятия решений по вопросам обеспечения режима секретности и защиты партийно-государственной тайны в партийных органах, круг вопросов составляющих государственную тайну и сведений, не подлежащих разглашению, проведению режимно-секретных мероприятий, дал характеристику секретным комплексам документов, которые отложились в деятельности ЦК. Насколько была оправдана система защиты партийно-государственной тайны в СССР? Такая постановка вопроса актуальна и на современном этапе, когда необходимо соблюсти разумный и обоснованный баланс открытой и закрытой информации, когда очевидно, что чрезмерная открытость может нанести определенный вред национальным интересам государства и привести к тяжелым последствиям. Архивная и оперативная информация, «...Попадая в распоряжение недобросовестных и тенденциозно настроенных лиц, которые не жалеют красок и интерпретируют историю в спекулятивных целях. Предание гласности и опубликование, к примеру, после августа 1991 г., разведывательной и

---

[1] Цит. по *Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. С. 40.

[2] *Крючков В.* Личное дело. Часть первая. С. 166.

контрразведывательной деятельности, докладов руководству органов государственной безопасности, особенно оперативных методов работы спецслужб и партии, содержащих совершенно секретные сведения с грифом «сс» и «ов», по которым можно было легко выйти на наши агентурные и доверительные связи и источники, подставить под удар лиц, организаций и целые страны, тех, кто верой и правдой помогал нашему государству, рисковал собой, не может быть оправдано никакими соображениями. После этого по сообщениям печати, мы лишились многих важных позиций. И наконец, возвращаясь к вопросу об осторожном отношении не только оперативным, но и архивным документам «...И главный вопрос: кто будет иметь к архивам доступ, на каком уровне будет соблюдаться ответственность за сохранность секретов, за их неразглашение или, наоборот, предание гласности? Неосторожное обращение с архивами может нанести непоправимый ущерб... государству в целом»[1]. Думается, что в данном случае можно полностью согласиться со словами бывшего главы КГБ СССР.

Принимая во внимание изменения в политике в конце 1920-х или 1930-х годах, факт взаимного давления западных стран и СССР, для преодоления отставания страны, обеспечения «однородности и внутреннего единства тыла и фронта на случай войны», требовало усиленного внимания к вопросам защиты информации в структурах правящей партии. Защита информации в партийных структурах, исходя из специфики партийно-государственного устройства, входила в общую централизованную систему защиты информации в стране в целом, являясь ее составной частью. В этом смысле организация защиты информации в правящей партии было необходимой мерой в период между двумя мировыми войнами и является фактом не только российской истории, но и результатом развития всей мировой политической системы первой половины XX века.

---

[1] См. *Крючков В.* Личное дело. Ч.1 .С. 377.

Приложения

Приложение I.

Штаты Бюро Секретариата

[Утверждены Секретариатом ЦК РКП (б) 22 ноября 1922 года]

«Бюро Секретариата – 3

Политбюро – 3
Оргбюро – 5
Секретное делопроизводство – 18
Шифрбюро – 6
Всего в Бюро секретариата – 35 человек…

Штаты секретного делопроизводства:

9. Заведующий – 1 чел.
10. Старших делопроизводителей – 2
11. Делопроизводителей 1 разряда – 2
12. Машинисток – 7
13. Телефонистов – 2
Курьеров – 4
Итого: – 18 чел.

Шифрбюро:

15. Заведующий – 1
16. Заместителей – 1
17. Делопроизводителей – 1
18. Машинисток – 1
19. Шифровальщиков – 2

Итого: – 6

[Всего: 59]

См. *РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 112. Д. 302. Л. 6.*

Приложение II.

Структура и штаты Бюро Секретариата
[со второй половины 1924 года]

«Бюро Секретариата:

Помощник Секретаря ЦК тов. Сталина	5
Помощник Секретаря ЦК тов. Молотова	3
Помощник Секретаря ЦК тов. Андреева	2
Помощник Секретаря ЦК тов. Кагановича	2
Пом. Зав. Бюро Секретариата	5
(из них 2 дежурных)	
Зав. Приемной	1

Технический секретариат Политбюро:

Секретарь ПБ	1
Дежурный секретарь	1
Пом. Дежурных секретарей	7
Зав. Архивом	1
Пом. Зав. Архивом	2
Архивариус	3
Машинисток	4
Стенографисток	4
	/25

Технический секретариат Оргбюро:

Секретарь	1
Дежурный секретарь	3
Пом. Дежурных секретарей	4
Зав. Архивом	1
Ст. делопроизводитель	1
	/12

Шифрбюро:

Зав. Шифрбюро	1
Зам. Зав. Шифрбюро	1
Составитель шифров	1
Шифровальщик	2
	/5

Секретарь Бюро Секретариата:

Референтов	2
Переводчиков	2
Ст. делопроизводитель	4
Зав. Секретной регистратурой	1
Журналистов	5

Зав. Архивом	1
Архивариусов	4
Зав. Бюро машинописи	1
Машинисток	9
Стенографисток	1
Телефонисток	6
Курьеров	15
Итого:	112 чел.

См. *РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 590. Л. 28*

Приложение III.

С. СЕКРЕТНО

П Р А В И Л А
ВЕДЕНИЯ СЕКРЕТНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И ОБРАЩЕНИЯ С КОНСПИРАТИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ В ПАРТИЙНЫХ КОМИТЕТАХ.

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

1. – Основной предпосылкой конспирации является соблюдение правила: чем меньше людей имеют доступ (в той или иной форме) к секретным материалам – тем больше гарантий соблюдения конспирации.

2. – Для ведения секретного делопроизводства при партийных комитетах имеются секретные отделы или секретные части. В партийных комитетах, где количество проходящих конспиративных материалов невелико, эта работа возлагается на отдельного, специально для этого выделенного, товарища (доверенного).

ПРИМЕЧАНИЕ: Шифрсвязь и шифровальное делопроизводство при парткомах ведется, согласно особой инструкции.

3. – В обязанности секретных органов входит:

а) Экспедиция, печатание, экспедиция, ведение и хранение дел, возврат и уничтожение конспиративных материалов и т. д.). –

б) Наблюдение, инструктирование и проверка секретного делопроизводства, проверка и учет сотрудников, допускаемых к секретной переписке в подведомственных парторганизациях и фракциях ВКП(б) в местных советских, хозяйственных и общественных организациях.

4. – На основе этой инструкции вышестоящие парткомы преподают нижестоящим организациям соответствующие правила конспирации.

5. – Лица, виновные в нарушении конспирации (разглашение, утеря и халатное обращение с секретными документами), отвечают на осно-

вании постановления ЦИК СССР во внесудебном порядке через Коллегию ОГПУ.

6. – При смене секретарей, а также при сдаче дел секретарем заместителю на время длительной командировки, или отпуска первого сдающий обязан ознакомить принимающего дела с настоящей инструкцией.

ПРИМЕЧАНИЕ: Прием и сдача дел производится по акту, копия которого сообщается в Секретный Отдел ЦК ВКП (б).-

II. ЛИЧНЫЙ СОСТАВ.

7. – Сотрудниками секретных органов или лицами, соприкасающимися с конспиративными материалами в парткомах, могут быть только члены партии.

8. – Назначение заведующих секретных органов или уполномоченных по ведению секретного делопроизводства производится постановлением бюро соответствующего парткома, о чем ставится в известность Секретный Отдел ЦК ВКП (б).

9. – Все сотрудники секретных органов или лица, имеющие касательство с конспиративными материалами, назначаются парткомами после предварительного согласования кандидатур с местными органами ОГПУ.

ПРИМЕЧАНИЕ: Все сотрудники секретных органов, а также лица, соприкасающиеся с секретными материалами, должны быть взяты на учет в местном отделе ОГПУ.

ПРИМЕЧАНИЕ: Все сотрудники, допускаемые к секретной работе, подают заявление об их связях с иностранцами, живущими как вне, так и в СССР и о характере этих связей. К иностранцам относятся все, не имеющие советского гражданства.

10. – Для приема, хранения и возврата конспиративных материалов ЦК ВКП (б) как директивного, так и информационного характера, бюро партийного комитета отдельным постановлением назначает специальное доверенное лицо (желательно заведующего секретной частью парткома или уполномоченного по ведению секретного делопроизводства или зав. шифровальной частью), предварительно согласовав кандидатуру с Секретным Отделом ЦК ВКП (б).

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Доверенные по обращению с конспиративными материалами ЦК разбиваются на две категории: 1-я категория пользуется правом вскрытия пакетов, 2-я без права вскрытия, однако, последняя может хранить и возвращать документы в том случае, когда адресат поручает ей это сделать.

ПРИМЕЧАНИЕ: 2. В постановлениях бюро парткомов о назначении доверенного должно быть указанно по какой категории партком предлагает утвердить.

11. – Для согласования с Секретным Отделом ЦК ВКП (б) кандидатур, указанных в параграфе 10 необходимо выслать 2 заполненные анкеты (форма № 1), фотокарточку, подписку о неразглашении секретных сведений, постановление партийного комитета о назначении товарища на секретную работу и снятии его предшественника, с указанием мотивов его снятия и рекомендации 2-х членов партии с 10-ти летним партстажем.

12. – При уходе сотрудников секретных органов или лиц, соприкасающихся с секретными материалами, с этой работы от них отбирается: 1) подписка о неразглашении секретных сведений и 2) обязательства в течение 2-х лет сообщать парткомитету о перемене места жительства.

13. – Категорически воспрещается сотрудникам секретных частей посвящать своих знакомых, родных о характере выполняемой работы, о составе секретных работников, а равно указывать в удостоверениях, или справках, выдаваемых этим сотрудникам должности и секретные органы, вместо этого указывается: «Сотрудник парткома».

III. ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО ВХОДЯЩИХ БУМАГ.

14. – Вся поступающая в партийный комитет почта, за исключением в параграфе 15, принимается непосредственно в секретном отделе (части) парткома или уполномоченным.

15. – Пакеты ЦК ВКП (б) за серией «К», адресованные лично на имя секретаря парткома, принимаются лично секретарем парткома, а в его отсутствии (командировка, отпуск, болезнь) его заместителем или утвержденным Секретным Отделом ЦК доверенным лицом по обращению с конспиративными материалами ЦК.

ПРИМЕЧАНИЕ: Если секретарь парткома является также членом или кандидатом в члены ЦК, или членом Ревизионной Комиссии ВКП (б), то конспиративные материалы ЦК ВКП (б), адресованные ему, как члену ЦК, или РК, принимаются им лично, или доверенным парткома.

16. – Принимающий секретную почту сотрудник обязан во время приемки проверить целостность оболочки пакета, печатей и условных знаков, если такие установлены. При обнаружении каких-либо повреждений, а также в случае подозрения о возможности перлюстрации пакета, принимающий пакет и доставивший его составляют соответствующий акт в 3-х экземплярах, точно указывая какие недочеты обнаружены. Акты передаются местному отделу ОГПУ для расследования. Для сведения посылаются учреждению откуда пакет был отправлен и один экземпляр остается в секретном органе.

17. – Сотрудник, принимающий секретную почту, обязан на расписке при пакете лит. «А» и «В» и на оболочке пакета серии «К» поставить дату и время получения пакета. Расписки на пакеты ЦК ВКП (б) «литера А»

должны возвращаться в ЦК не позднее 3-х дней, оболочки от пакетов «серии К» с расписками на них же не позднее чем на другой день после получения пакета.

18. – Почта, указанная в параграфе 14, вскрывается лично зав. секретным органом или уполномоченным и немедленно передается для регистрации. Наиболее секретные материалы регистрируются лично зав. секретной частью. Если секретная часть состоит из одного уполномоченного, то вся почта регистрируется им лично.

19. – Регистрация входящих секретных бумаг производится в журналах или на специальных карточках. Если количество поступающих за год в партком секретных бумаг менее 1.000 – 2.000, то регистрация производится в журналах, если больше – то на карточках (формы журнала и карточек прилагаются).

20. – Регистрация и учет движения конспиративных материалов ЦК ВКП (б), а также материалов по мобилизационным вопросам ведется лично доверенным лицом парткома по обращению с конспиративными документами ЦК, в особом журнале (форма журнала прилагается).

21. – Листы журналов должны быть пронумерованы, пропечатаны сургучной печатью и заверены секретарем парткома. Карточки также должны быть пронумерованы. Хранение журналов и карточек производится наравне с секретными документами.

22. – Секретные бумаги передаются непосредственно сотрудником секретного органа или уполномоченным к исполнению только под расписку в журнале или на карточке.

23. – Во время исполнения секретных бумаг, таковые должны находится у лица, расписавшегося секретному органу в получении бумаги. Всякая передача секретной бумаги другому лицу должна производится только через секретную часть.

24. – Всякую передачу секретной бумаги от одного исполнителя к другому секретная часть отмечает в журнале или на карточке. В последних также отмечается к какому делу бумага подшита, а если бумага уничтожена, то номер акта об уничтожении.

IV. ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО ИСХОДЯЩИХ БУМАГ.

25. – По окончании разработки секретного документа, подлинник, черновые наброски и все, что имеет к нему отношение, передаются исполнителем в секретную часть. На документе обязательно проставляется степень секретности («секретно», «с. секретно») и срочности («срочно», «весьма срочно», «особо срочно»).

26. – Секретная переписка печатается только в помещении секретной части. В парткомах, где секретная часть не имеет своих машинисток, для нее выделяется одна из общих машинисток – обязательно член ВКП (б).

27. – Передача черновиков секретных документов машинистками производится лично исполнителем или через сотрудников секретной части.

28. – Печатание секретных материалов под диктовку разрешается только в том случае, если помещение секретной части гарантировано от подслушивания.

29. – Ознакомление машинисткой других сотрудников, даже секретных с выполняемой или выполненной ею работой, категорически воспрещается.

30. – За разбором непонятных слов машинистка обращается только к лицу, давшему ей работу.

31. – Лицо, передающее секретный материал для печатания, обязано на черновике указать количество требуемых экземпляров, адресаты и свои инициалы. Машинистка все это печатает на документе и кроме того проставляет также свои инициалы.

32. – Напечатанная работа возвращается машинисткой лицу, давшему ее. Сверка с черновиком производится лично им или по его поручению сотрудником секретной части.

33. – Для стенографирования секретных и совершенно секретных докладов заседаний, статей заводятся специальные тетрадки. Листки тетрадок должны быть пронумерованы, опечатаны и скреплены подписью зав. секретной частью. Тетрадки выдаются стенографам на время работы, а после расшифровки возвращаются в секретную часть. Если расшифрование производится не в тот же день, то запись речи оставляется на ночь в секретной части. После использования тетрадки, последние хранятся наравне с секретными и совершенно секретными материалами в течение года, после чего уничтожаются.

34. – В начале стенограммы указывается по какой системе велась стенограмма.

35. – Расшифровка стенограмм разрешается только в помещении секретной части с машинистками секретной части.

Расшифрованные секретные стенограммы хранятся наравне с другими конспиративными материалами.

36. – После подписания секретные бумаги вместе с черновиками возвращаются в секретную часть.

37. – Каждая секретная бумага, кроме подписи, должна иметь отметки о фамилии и инициалах подписавшего.

38. – Черновики, испорченные и лишние печатные экземпляры, а также использованная копировальная бумага ежедневно по окончании работы сжигаются обязательно сотрудником секретной части.

39. – Незаконченная машинистками работа, а также бывшая в употреблении копировка по окончании занятий сдается зав. секретной частью.

40. – Размножение секретных документов (на ротаторе, стеклографе, шапирографе и т. п.) производится только в помещении секретной части.

Размножение секретных документов типографическим способом производится в секретных типографиях или секретных частях типографии по установленным местными органами ОГПУ правилам.

41. – Если работа произведена ротаторным способом, то вся макулатура вместе с восковками сжигается. В случае размножения на стеклографе – смывается оттиск на стекле, а испорченные оттиски сжигаются. При размножении на шапирографе, лента хранится в секретной части, пока не будет использована до остатка, после чего уничтожается.

42. – Для регистрации исходящих секретных бумаг никаких журналов или карточек не заводится, а печатается лишняя копия исходящей бумаги. Пронумерованные копии подшиваются в порядке поступления в отдельные скоросшиватели и заменяют собой исходящий журнал. Подобранные по порядку копии хранятся наравне со всеми секретными документами.

43. – Секретные материалы парткома, рассылаемые для ознакомления членами бюро и парткома (протоколы парткомов и другой информационный материал) должны быть возвращены местными товарищами в течение недели, иногородними – в течение месяца.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. В исключительных случаях эти материалы могут быть уничтожены адресатами сожжением. Акты о сожжение должны быть обязательно подписаны 2 лицами и препровождены в соответствующий партком.

ПРИМЕЧАНИЕ: 2. Некоторые секретные материалы парткома, рассылаемые для ознакомления или руководства в нижестоящие парторганизации, могут оставаться в секретных делах последних.

V. ЭКСПЕДИЦИЯ.

44. – Вся секретная исходящая корреспонденция парткомов отправляется через секретную часть.

45. – После регистрации отправляемой корреспонденции заготовляется конверт. На конверте должно быть указано: 1) фамилия, имя, отчество (или, по крайней мере, инициалы) адресата; 2) точный адрес – город, улица, № дома; 3) название учреждения или организации и исходящий номер. Кроме того, на правом верхнем углу конверта проставляется степень секретности и срочности пакета в соответствии с надписью на исходящей бумаге – 1) для местной городской корреспонденции «секретно» или «совершенно секретно» и «срочно» или «весьма срочно», для иногородней корреспонденции, отправляемой через фельдкорпус ОГПУ – литера «А», «В» и «серия К».

46. – Возле исходящего номера на пакете проставляются инициалы заготовлявшего пакет к отправке.

47. – Адресование секретной корреспонденции только на учреждение без указания должности получателя не допускается, желательно также указывать и фамилию адресата.

48. – Для литеровки секретных пакетов устанавливаются следующие литера: «серией К» должна пересылаться совершенно секретная, секретная (срочная и несрочная) корреспонденция, предназначенная ввиду ее особой важности сдаче только в собственные руки (под личную расписку на конверте) адресата; за лит. «А» – совершенно секретная, секретная срочная переписка и за лит. «В» – вся остальная совершенно секретная и секретная переписка. Произвольная литеровка не допускается.

49. – Затем корреспонденция и бланк расписки, если пакет иногородний лит. «А» вкладывается в плотный конверт, обязательно прокладывается специальной прокладной бумагой и конверт заклеивается. Пакет прошивается, (если только это позволяет объем) суровой ниткой крест на крест или проволокой (желательно поближе к углам пакета) и опечатывается одной сургучной печатью парткома. На не прошитые местные городские пакеты накладываются 3 печати, а на иногородние – пять.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1) Печати должны накладываться так, чтобы они были видны, покрывая без остатка прошивку, и притом тонким слоем, чтобы не было возможности снять ее без повреждения.

2) Рекомендуется, предварительно условившись с адресатами, менять цвет сургуча и образцы сургучных печатей, устанавливая определенные знаки.

3) Секретные пакеты должны прокладываться светонепроницаемой бумагой и опечатываться пятью печатями вне зависимости от прошивки.

50. – Готовый пакет записывается в контрольный журнал (форма прилагается) и сдается под расписку в журнале местному фельдотделению, если пакет иногородний, или рассыльному – если пакет городской.

ПРИМЕЧАНИЕ: Допуск лиц к рассылке секретных пакетов проверяется наравне с другими секретными сотрудниками.

51. – Городские пакеты сдаются под отдельную расписку (см. образец) или – под расписку на конверте.

52. – Иногородняя корреспонденция отправляется только через фельдъегерскую связь. Местная городская – через курьеров или самокатчиков обязательно членов ВКП (б).

ПРИМЕЧАНИЕ: В пункты, с коми фельдсвязи нет, секретная корреспонденция отправляется через особо проверенных товарищей. Пересылка оказией не допускается.

53. – Воспрещается отправка несекретной корреспонденции, под видом секретной.

54. – Парткомы составляют перечень вопросов, которые должны проходить у них в секретном, с.-секретном и не подлежащим оглашению порядке и периодически этот перечень дополняют и изменяют.

ПРИМЕЧАНИЕ: Переписка не подлежащая оглашению, обрабатывается в общем аппарате.

55. – Во время развозки (разноски) пакетов, самокатчики и курьеры должны избегать всяких заторов движения транспорта или публики, т. к. при этом возможно хищение пакетов. При исполнении возложенных поручений самокатчикам и курьерам строго запрещается заезжать домой к знакомым и вообще в какие бы то ни было места, не относящиеся к возложенному поручению. Воспрещается также по дороге останавливаться без дела или вступать с кем бы то ни было в посторонние разговоры.

56. – Вручение пакетов производится лично адресату или его уполномоченному по секретной переписке. Передаточные инстанции категорически воспрещаются.

57. – Самокатчик или курьер при сдаче секретных пакетов, если адресат им незнаком просматривают его документы или партбилет. В случае сомнения пакет не сдается, а возвращается в секретную часть с указанием причин несдачи.

58. – Самокатчики и курьеры, доставляющие секретные материалы, как правило, должны быть вооружены револьверами.

59. – По мере поступления расписок (как городских, так и иногородних) в контрольном журнале отмечается, время сдачи пакета и фамилия принявшего.

60. – Подлинные расписки подбираются в порядке номеров и хранятся в течение года. По истечении этого срока комиссия в составе представителей секретной части парткома и местного отдела ОГПУ проверяет наличие расписок, об этом составляется соответствующий акт, а самые расписки сжигаются.

VI. ХРАНЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ И ВЕДЕНИЕ ДЕЛ.

61. – Все исполненные секретные бумаги подшиваются в соответствующие дела (скоросшиватели секретной части). На карточке (в журнале) входящей бумаги или на копии исходящей бумаги отмечается номер дела, к которому данная бумага подшита.

ПРИМЕЧАНИЕ: Категорически воспрещается приобщать секретные документы к несекретным делам.

62. – Дела заводятся на корреспондентов (парткомы, учреждения, организации), а также по отдельным крупным вопросам (например, зарплата, хлебозаготовки и т. п.). Бумаги, как входящие, так и копии исходящих подшиваются в хронологическом порядке.

63. – При наличии дубликатов секретных бумаг таковые подлежат сожжению. Дубликаты собираются, примерно, за месяц, составляется на них опись, которая дается на утверждение секретаря парткома и в случае отсутствия возражений с его стороны – сжигаются, с составлением соответствующего акта, который храниться наравне с другими секретными и с. секретными документами, как текущий материал в течение 3-х созывов.

64. – Дела ведутся от партсъезда до партсъезда и хранятся в секретных частях.

ПРИМЕЧАНИЕ: Категорически воспрещается передача секретных архивов парткомов в советские учреждения.

65. – В каждом деле должна вестись подробная опись бумаг по прилагаемой форме. Опись заводится одновременно с заведением дела. Каждая подшиваемая в дело бумага немедленно заносится в опись.

66. – Дача справок о содержании секретной переписки по телефону строго воспрещается.

67. – Справки могут даваться зав. секретной частью устно только членам бюро партийного комитета. Письменные справки по содержанию секретных материалов выдаются только за подписью секретаря парткома. Выдача выписки или копии секретных документов воспрещается.

ПРИМЕЧАНИЕ: Выписки могут выдаваться только по распоряжению секретаря парткома.

VII. ПОРЯДОК ОЗНАКОМЛЕНИЯ С КОНСПИРАТИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ ЦК И ПО МОБВОПРОСАМ.

68. – С конспиративными материалами ЦК директивного или информационного характера знакомятся все члены и кандидаты парткома, получающего указанные материалы и члены КК.

69. – Категорически воспрещается под ответственностью секретаря парткома выдача на руки документов, указанных в параграфе 68 для ознакомления с ними и хранения их на квартирах.

70. – В каждом парткоме должна быть специальная комната достаточно изолированная, где указанные в параграфе 68 товарищи знакомятся с материалами ЦК по одиночке или группами. После прочтения делаются личные подписи читавших с указанием даты ознакомления.

71. – Ознакомление с материалами ЦК лиц сверх круга, указанного в параграфе 68, допускается только с разрешения ЦК.

72. – Ознакомление с материалами, указанными в параграфе 68, обкомами, губкомами и окркомами низовых организаций, производится путем ознакомления секретарей этих организаций в порядке, указанном в параграфе 70.

73. – Ознакомление с конспиративными документами ЦК более широких партслоев производится после специального указания ЦК.

VI. ПОМЕЩЕНИЕ, ПОРЯДОК ХРАНЕНИЯ, ОХРАНА.

74. – Секретная часть обязательно должна помещаться в изолированном от других частей аппарат помещении. Доступ в помещении секретной части лицам, не связанным с секретной перепиской, категорически воспрещается.

75. Все хранилища секретных документов партийных комитетов должны быть сосредоточены в помещении секретной части.

76. – Хранение секретных материалов должно производиться только в несгораемых или железных шкафах. В парткомах секретная переписка которых крайне незначительная (например, в некоторых укомах) в виде исключения разрешается хранение в обитых железом сундуках, привинченных к полу. Шкафы и сундуки должны быть снабжены надежными запорами. Ни в коем случае не разрешается ограничиваться висячими замками.

77. – Конспиративные материалы ЦК ВКП (б) должны храниться в несгораемом шкафу, или, по крайней мере, в отдельном отделении несгораемого шкафа, ключ от которого должен находиться у секретаря парткома или у зав. секретной частью (доверенного).

78. – Неисполненная отделами парткома за день секретная переписка сдается на ночь для хранения в секретную часть. Ни одному работнику парткома не разрешается оставлять секретную переписку в своем столе или шкафу.

79. – Ни в коем случае не разрешается носить секретные материалы на квартиру или возить с собой при командировках. Также не допускается оставление секретных материалов на столе при выходе из комнаты.

80. – Каждый сотрудник секретной части при уходе со службы вовсе или временно (командировка, отпуск), обязан сдать свои дела приемнику по акту.

81. – По окончании занятий в секретной части черновики, макулатура, использованная копировальная бумага и вся прочая ненужная бумага должны быть сожжены. Со столов должно быть убрано все, кроме канцелярских принадлежностей.

82. – Несгораемые или железные шкафы должны быть заперты и опечатаны сургучной печатью или опломбированы специальным пломбиром секретной части. Само помещение секретной части также должно быть заперто и опечатано или опломбировано.

ПРИМЕЧАНИЕ: Опечатание шкафов и помещения производится зав. секретной частью, или с разрешения секретаря парткома, другим сотрудником секретной части.

83. – Для охраны секретной части выставляется на ночь воинский караул или сторожа, снабженные огнестрельным оружием. Караулу (или сторожам) печати или пломбы на дверях секретных частей сдаются под

НЕ БОЛТАЙ
У ТЕЛЕФОНА!
БОЛТУН-НАХОДКА
ДЛЯ ШПИОНА.

БОЛТУН-
НАХОДКА
ДЛЯ ВРАГА!

БОЛТАТЬ — ВРАГУ ПОМОГАТЬ!

СТРОГО ХРАНИ
ГОСУДАРСТВЕННУЮ И ВОЕННУЮ ТАЙНУ!

РАБОТНИК МИЛИЦИИ!
ТЫ НИ НА МИНУТУ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА ОСЛАБЛЯТЬ СВОЮ НАСТОРОЖЕННОСТЬ

БУДЬ БДИТЕЛЕН!

НЕ БОЛТАЙ! СТРОГО ХРАНИ ВОЕННУЮ И ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ!

расписку. Желательно возле зданий парткомов выставлять милицейские посты.

84. – Ключ от помещения секретной части и сургучная печать или пломбир, коим опечатано помещение, хранится у зав. секретной частью (доверенного).

85. – В помещение секретной части в ночное время (после опечатания) караулом допускается только секретарь парткома или зав. секретной частью; другие же лица – только по разрешении последних. О каждом таком допуске караул обязан на другой день утром письменно сообщить секретарю парткома.

86. – Ежедневно при начале занятий зав. секретной частью проверяет целость печатей (пломб) на дверях помещения и шкафов, а затем принимает печати у караула под расписку.

При обнаружении следов повреждений печатей или пломб составляется соответствующий акт за подписью зав. секретной частью и караула, а затем пересылается местному отделу ОГПУ для расследования.

87. – Уборка помещения секретной части производится только в присутствии сотрудников секретной части.

88. – Помимо настоящих правил возлагается ответственность на руководителей парткомов принимать в каждом отдельном случае дополнительные меры, обеспечивающие в зависимости от обстоятельств максимальную конспиративность ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами ЦК.

Зав. Секретным отделом Товстуха
Секретарь ЦК ВКП (б) Косиор
7. V – 1928

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 608. Л. 99 – 113

Приложение IV

ПОДПИСКА*

Я, нижеподписавшийся ..... даю настоящую подписку Н. Сибирскому ОК ВКП (б) в том, что обязуюсь выполнять объявленные мне правила обращения с секретными бумагами и все могущие мне известными государственные тайны, нигде и ни в какой мере не разглашать, как с момента вступления на секретную (шифровальную) работу, так и после ее оставления.

О своих новых местах жительства или временного пребывания после оставления секретной (шифровальной) работы в вышеуказанной парторганизации, обязуюсь своевременно уведомлять Секретный отдел ЦК ВКП (б) в течение двух лет.

Мне известно, что за несоблюдение этого обязакте5льства, я несу строгую ответственность во внесудебном порядке, согласно известного мне секретного Постановления ЦИК СССР от 26 мая 1927 г.

[27 февраля 1929 г.] Подпись

* Прилагалась к анкете кандидата, поступающего в секретный орган на работу.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 615. Л. 34.

Приложение V.

Копия

«Утверждена Секретариатом

15/IX – с. г. /пр. № 39/».

ИНСТРУКЦИЯ
СЕКРЕТНЫМ СОТРУДНИКАМ СЕКРЕТАРИАТА ЦК РКП /б/

1. Назначения и перемещения секретных сотрудников, в а равно освобождение их от работы утверждается секретариатом ЦК РКП по предоставлению Завбюро Секретариата ЦК.

2. Никто из секретных сотрудников не может вести переговоров и разговоров не в порядке выполнения своих прямых обязанностей по поводу постановлений парторганизаций или обсуждавшихся вопросов.

3. Секретный сотрудник не может посвящать своих знакомых и родных в характер свей работы, а равно о составе секретных сотрудников.

4. Секретная переписка по окончании работы обязательно запирается в несгораемый шкаф или стол и не может быть взята сотрудником с собой в квартиру.

ПРИМЕЧАНИЕ: помощники секретарей ЦК могут брать с собой переписку с согласия соответствующего секретаря ЦК.

5. Секретные сотрудники не могут посещать иностранных миссий, а равно кого-либо из их состава по личным делам.

6. О всех своих знакомых в иностранных миссиях секретные сотрудники извещают Завбюро Секретариата.

7. О всех своих или своей семьи родственниках или знакомых, находящихся за границей, с которыми поддерживается связь, секретные сотрудники извещают Завбюро Секретариата.

8. Никто из секретных сотрудников не может работать по совместительству в другом учреждении без согласия Секретариата ЦК.

1. Нарушение инструкции рассматривается как нарушение партдисциплины.

ЗАВБЮРО СЕКРТАРИАТА ЦК /НАЗАРЕТЯН/.

14-го сентября 1923 г. гор. Москва.

РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 84. Д. 491. Л. 28 – 28 об.

Приложение VI.

С. Секретно Копия

ПОРЯДОК ОПЕЧАТЫВАНИЯ И ОХРАНЫ ПОМЕЩЕНИЙ БЮРО СЕКРЕТАРИАТА ЦК

1. После окончания работы, дежурный сотрудник для поручений (т. Горбачев или Паршин) в присутствии дежурного коменданта и дежурного по Политбюро, Оргбюро и др. опечатывает мастичными печатями шкафы и комнаты по особому списку, утвержденному зав. Бюро Секретариата.

2. Для опечатывания иметь две мастичных печати за №№ 1 и 2 из которых № 1 у т. Горбачева и № 2 у т. Паршина.

3. Дежурный сотрудник для поручений, в присутствии коменданта обязан перед уходом осмотреть весь этаж, проверить все запоры и правильность опечатки.

4. По мере опечатывания шкафов дежурным комендантом расставляются на этаже посты № 1 комнаты Политбюро; пост № 2 – комната Шифрбюро коридор правого крыла этажа; пост № 3 – левое крыло этажа. Охрана этажа производится в соответствии с существующими в комендатуре ЦК правилами.

5. Ключи от комнат 5-го этажа забираются сотрудником для поручений и хранятся в специальном шкафчике, ключ от которого сдается под расписку, дежурному по комендатуре ЦК.

6. После окончания работы и во всякое время печати с дверей секретных помещений и шкафов могут быть сняты в присутствии дежурного коменданта, лишь по личному распоряжению одного из секретарей ЦК, зав. Бюро Секретариата или его заместителя с дверей и шкафов технического секретариата Оргбюро могут быть сняты печати по личному распоряжению 1-ых пом. Секретарей ЦК.

ПРИМЕЧАНИЕ к п. 6-му. В случаях пожара и других стихийных бедствий ответственный дежурный принимает все необходимые меры с немедленным одновременным уведомлением зав. Бюро С-та и управляющего Делами ЦК.

7. Помощники секретарей ЦК, пом. Зав. Бюро Секретариата ЦК и секретарь Бюро Секретариата ЦК могут во всякое время / в присутствии коменданта/ снимать печати со шкафов в своем кабинете или кабинете соответствующего секретаря.

8. Помещения и шкафы, печати с которых были сняты (в соответствии с п. п. 6 и 7), опечатываются свинцовыми пломбами дежурным комендантом в присутствии товарища, которым была снята печать.

9. Дежурный комендант о всех товарищах, допущенных на основании этих правил, в помещении Бюро Секретариата, обязан немедля об этом сообщить ответственному дежурному и не позже 10-ти часов утра следующего дня, совместно с ним, письменно – зав. Бюро Секретариата.

10. Снятие печатей утром с началом работы с дверей всех секретных помещений и шкафов производится дежурным сотрудником для поручений, в присутствии сотрудника соответствующего секретариата (Политбюро, Оргбюро, Шифрбюро и др.). Список товарищей, по указанию которых снимаются утром печати, прилагается.

ПРИМЕЧАНИЕ: В случае повреждений печатей, таковые снимаются в присутствии дежурного коменданта, причем сотрудник для поручений производит расследование с немедленным докладом зав. Бюро Секретариата ЦК.

11. Все работы в Бюро Секретариата (натирка полов, ремонтные работы, установка телефонов и др.) производится под общим наблюдением дежурного сотрудника для поручений.

12. До прихода (утром до 8 ½ час.) сотрудника для поручений, дежурный комендант не в праве никого впускать в помещение 5-го этажа, исключение составляют т.т. перечисленные в п.п. 6 и 7, которые могут также давать указание комендатуре о пропуске соответствующих сотрудников Бюро Секретариата ЦК.

13. О всех нарушениях данного порядка – комендант ЦК сообщает немедленно зав. Бюро Секретариата и Управделами ЦК.

ЗАВ. БЮРО СЕКРЕТАРИАТА ЦК Мехлис

6/ IV [1922] ВЕРНО: Бремман

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 696. Л. 16–17

Приложение VII.

Секретно

ПОЛОЖЕНИЕ
О ШИФРБЮРО СЕКРЕТАРИАТА ЦК РКП

Составлено на основании приказа по Управлению делами Секретариата ЦК РКП от 2-го августа 1921 года за № 27 пар. 4.

1. Шифрбюро учреждается для ведения совершенно секретного характера, в шифрованном виде, переписки Секретариата ЦК РКП:

а/ С подчиненными организациями и отдельными работниками РКП;

б/ С ЦК коммунистических организаций других стран;

в/ С Испокомом Коминтерна;

г/ Со всеми ведомствами РСФСР и их местными органами имеющими шифросвязь.

2. Шифрбюро ведает:

а/ Изготовлением, хранением, учетом и рассылкой шифров и инструкций по хранению шифров и ведению шифропереписки для подчиненных ЦК РКП организаций;

б/ Инструктированием работников, организаций РКП на местах, хранящих шифр и ведущих шифрпереписку, посредством посылки циркуляров и инструкторов ЦК;

в/ Зашифрованием исходящей и расшифрованием поступающей в Секретариат ЦК РКП шифрокоррепонденции;

г/ Выдача кратких справок по содержанию поступающей и исходящей корреспонденции соответствующим /ограниченным/ лицам.

3. Работа Шифрбюро протекает без ограничения временем.

4. Ответственность за всю работу ложиться на Заведующего Шифрбюро и по специальности на каждого сотрудника Шифрбюро.

5. Укомплектование Шифрбюро производится из преданных и испытанных партработников со стажем не менее трех лет и приналичии такой же рекомендации, по возможности знакомых с криптографией, следующим порядком:

Заведующий Шифрбюро назначается Управделом Цека; сотрудники приглашаются Управделами или Заведующим Секретным Отделом согласно приказа о приеме сотрудников.

6. Шифрбюро входит в состав Секретного Отдела Управления Делами Секретариата ЦК РКП.

1. В состав Шифрбюро входят:

1/ Заведующий	1
2/ Заместитель	1
3/ Делопроизводитель 1 разр.	1
4/ Регистратор	1
5/ Машинистка	1
6/ Шифровальщиков	2
ИТОГО – 7 человек.	
Курьер-посыльный	1

Заведующий Шифрбюро ЦК РКП: Чугунов

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 696. Л. 2–4 об.

Приложение VIII.

Секретные циркуляры ЦК РКП (б) за период XII – XIII съездов (май 1923 – 1924 гг.)

1. О порядке приема бывших эсеров в партию.
2. О реализации золотого выигрышного займа.
3. О партработе на транспорте.
4. О борьбе с излишеством и преступным использованием служебного положения членами партии.
5. Ориентировочный наказ при перевыборах Советов.
6. О проведении празднования 6-ой годовщины Октябрьской революции.
7. О работе в пограничной полосе среди польского населения.
8. О мерах по борьбе с меньшевиками.
9. О порядке хранения и выдачи денежных сумм парткомитетами.
10. О порядке приема в партию секретных сотрудников ГПУ.
11. О порядке отправления секретной корреспонденции парткомами.
12. О реализации урожая.
13. О международном положении в связи с событиями в Германии.
14. Об очередных выборах Советов.
15. О введении военно-технических предметов в программу совпартшкол 1 и 2-ой ступеней коммунистических университетов.
16. О Лиге помощи детям трудящихся Германии.
17. Об учете бывших работников ГПУ.
18. Инструкции ячейкам РКП при Сов. органах за границей.
19. О борьбе с дезертирством из Красной Армии.
20. О добровольном наборе призывников 1902 г.
21. О конференциях бывших меньшевиков.
22. О военной работе РКСМ.
23. О вовлечении в РКП членов РКСМ.
24. О работе среди демобилизованных красноармейцев и призываемых в армию.
25. О досрочном призыве в армию 1902 г.
26. О допустимости преподавания мусульманского вероучения.
27. О приеме в партию крестьян.
28. О работе прокуратуры и суда в национальных областях и республиках.
29. О работе исключенных.
30. О председателях комиссий по прекращению следственных дел и освобождению заключенных.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 467. Л. 2–16

Приложение IX.

31.I. 27 г. [правленый экземпляр]

Перечень входящей корреспонденции, подлежащей регистрации в Секретной регистратуре.

1. Вся переписка на адрес ПБ, ОБ, Секретарей ЦК.

Примечание: Корреспонденция, адресованная в Шифрбюро, регистрируется в Шифрбюро.

2. Все протоколы и выписки из протоколов заседаний Крайкомов, Облбюро ЦК, Нац. ЦК, губкомов, Обкомов, Окркомов и Укомов, а также протоколы заседаний Бюро райкомов Москвы и Ленинграда.

3.Стенографические отчеты и [прот.] заседаний партконференций, перечисленных в параграфе 2 организаций.

4. Все закрытые письма [секретарей парторганизаций].

5. Все доклады секретарей парткомов по обследованию парторганизаций.

6. Ответы на наши секретные исходящие №№.

2. Все характеристики на парттоварищей.

3. Запросы судебных, карательных и розыскных органов об отдельных членах партии.

4. Информационные материалы ОГПУ, НКЮ, НКВД.

5. Отчетные доклады Наркоматов и крупных [хозяйственных] и общественных организаций.

6. Переписка о перемещениях и назначениях отдельных парттоварищей, проводящихся через Оргбюро.

7. Переписка о задолженности членов партии, если задолженность носит порочащий характер. Также переписка о растратах.

8. Переписка с фельдкорпусом ОГПУ, касающиеся пересылки секретной корреспонденции и дислокационных сведений.

9. Переписка о правилах конспирации, передоверии получения материалов ЦК и т. п.

[16. Вся переписка заграничных ячеек.]

Зав. секретной регистратурой т. Бреманн

Переработать, учтя теперешнюю практику, а также взаимоотношения с пра [...] делопроизводством, анализами и темами секр. ЦК

Подпись [возможно Молотов]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 542. Л. 336

Приложение X.

Приложение: к п.17 пр. ПБ № 54 от 8. 3. 23 г.

Получают закрытые письма и знакомятся с его содержанием следующие товарищи:

Знакомятся:	Получают:
Члены и кандидаты в члены ЦК	Каждый персонально
Члены и кандидаты в члены ЦКК	Президиум ЦКК в количестве 3–5 писем
Члены Президиума ЦКК	Каждый персонально
Члены УРК	Каждый персонально
Зав. и зам. отделами ЦК и ответственные сотрудники под ответственностью заведующего	Зав. отделом
Ответственные инструктора ЦК	Зав. Орготделом
Редактора: «Правды», «Известий», «Экономической жизни», «Бедноты», «Рабочей газеты».	Ответственный редактор каждой из упомянутой газеты
Члены ЦК РКСМ	Секретарь ЦК РКСМ
Зам. Председателя СТО	Каждый персонально
Члены (коммунисты) Малого СНК	Председатель Малого СНК
Члены (коммунисты) коллегий Наркоматов	Нарком
Председатель Главного концессионного Комитета	Он же
Коллегия ГПУ	Председатель
Члены коллегии ГПУ	
Нач. ПУР и зам. ПУРа	Начальник ПУР
Члены фракции Президиума ВЦИК	Секретарь
Члены фракции Президиума СОЦИК	Секретарь
Члены фракции Президиума ВЦСПС	Секретарь
Члены и кандидаты ЦК, нац. Компартий, Облбюро, Обкома, Губкома, ГКК, Губ.Рев. Ком, Ответственные инструктора Губкома, Зав. Отделами, Секретарь ГК РКСМ, Редактор, Члены фракции Президиума	Секретарь ЦК, обкома, Губкома:

ГСПС, Президиума ЦИК и Президиума ГИК, Председатель и зам. Председателя ГО ГПУ, командующий войсками округа и нач. ПУ округа	
Члены райкомов Москвы и Питера и др. промышленных пунктов по списку Орготдела	Секретарь райкома

Вместе с тем комиссия считает необходимым в препроводительном к закрытому письму отношении указать:

1). Что секретарь Губкома имеет право знакомить с содержанием письма секретарей Укомов, приезжающих в Губком.

2) Что секретарь Губкома или член Бюро Губкома может сделать на собрании активных работников инструктирующий доклад, используя материал и выводы письма».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 340. Л. 7 – 8

Приложение XI.

Круг лиц и организаций, которым надлежит рассылка стенограмм Секретариата, Оргбюро, Политбюро и Пленумов ЦК.

(Утверждено Секретариатом ЦК на заседании от 30.1–25 г.)

1.Членам и кандидатам ЦК; чл. ЦКК и чл. Ревизионной комиссии ЦК.

2. Аппарат ЦК: а) Зав. отделами ЦК, б) ответственным инструкторам ЦК, в) Зам. Зав. Орграспредом тт. Хатаевичу и Козлову и г) Секретарю ЦК РЛКСМ.

3.Секретарям Губкомов, Обкомов, Обл. Бюро, Крайкомов, Нац. ЦК, Окружкомов (согласно особого постановления С-та ЦК от 26.9.24 г. пр. № 32. П. 30; райкомов Москвы и Ленинграда, Грозненского Горкома и Бакинского комитета.

4. Секретарю общества старых большевиков; Института им. Ленина (т. Товстухе)

5. Секретарю ИККИ; Завагитпроп ИККИ и Генеральному Секретарю Профинтерна.

6. Начпуокрам, Начморсил, Замначпура.

7. Бюро ячеек Коммуниверситетов: а) КУТВ, б) Ком. Академии, в) Зинов. Ун-та, г) Свердловского Ун-та, д) Института Красной профессуры,

8. Ректоры коммуниверситетов: а) им. Зиновьева, б) им. Свердлова, в) КУТВ.

9. Центральные сов. учреждения: а) Члены и кандидаты През. ЦИК СССР; б) Наркомы СССР и их заместители; в) Пред. Административно-

Фин. Комиссий и комиссий Законодательн. Предложений СССР; г) Зампред ОГПУ; д) Пред. Госбанка СССР; е) Пред. Верх. Суда СССР; ж) Прокурор Верх. суда СССР; з) Члены и кандидаты През. ВЦИК РСФСР; и) Наркомы РСФСР; к) Зам. Пред. СНК РСФСР; л) Пред. Малого Совнаркома РСФСР.

10. Пред. Фракции Центросоюза и Сельскосоюза.

11. Печать. Редакторы: а) Роста, б) Правда, в) Известия, г) Экономическая жизнь, д) Большевик, е) Рабочая газета, ж) Гудок, з) Труд.

12. Полпреды: Германия, Англия, Франция, Италия, Швеция, Китай, Чехословакия, Польша, Турция, Персия.

13. Членам фракции Президиума ВЦСПС и Пред. ЦК Союза.

14. Персонально (с разрешения Секретариата ЦК) Демьян Бедный.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 635. Л. 20

Приложение XII.

Круг лиц и организаций, которым рассылались секретные циркуляры ЦК:
[13 февраля 1925 г.]

«126. Секретные циркуляры ЦК посылать:

1. Членам и кандидатам ЦК, членам Президиума ЦКК и чл. Ревиз. Комиссии ЦК.

2. Аппарат ЦК: а) Зав. отделами ЦК и зам. Зав. Орграспредом ЦК тт. Хатаевич и Козлову, б) Секретариат Оргбюро, в) Секретариат Политбюро, г) Секретарю ЦК РЛКСМ, д) Зам. Нач. Пура.

3. Секретарям Губкомов, Обкомов, Облбюро, Крайкомов, Нац. ЦК, Окружкомов (согласно особого постановления Секретариата ЦК от 26.9.24 г. пр. № 30 п. 32), райкомов Москвы и Ленинграда.

4. Секретарю ИККИ и Генер. Секретарю Профинтерна.

Наркомам СССР и РСФСР, Секретарям ЦИК СССР и РСФСР, Пред. Верх. Суда СССР и Прокурору Верх. Суда СССР

РГАСПИ. Ф.17. Оп.112..Д. 637. Л. 18

Список использованных источников и литературы

I. Источники

Опубликованные

1. Коммунистическая партия в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1988). ИМЛ при ЦК КПСС. 9-е изд. доп. и испр. – М. Политиздат. Т. 1. (1898 – 1917). 1983. – 637 с.

2. Коммунистическая партия в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1988). ИМЛ при ЦК КПСС. 9-е изд. доп. и испр. – М. Политиздат. Т. 2. (1917 – 1922). 1983. – 605 с.

3. Красная книга ВЧК. В 2-х томах. Т. 1. – М. 1989. 416 с.

4. Красная книга ВЧК. В 2-х томах. Т. 2. – М. 1989. 541 с.

5. В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. (1917 – 1922). Ред. В. П. Пирожков и др. / сост. Ж. Г. Адибекова и др. 2 изд. доп. ИМЛ при ЦК КПСС. – М. Политиздат. 1987. 643 с.

6. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. Сборник документов / Составители Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая. О. Хлевнюк, – М. 1995. 303 с.

7. Политбюро ЦК РКП (б)–ВКП (б). Повестки дня заседаний 1919 – 1952. В 3-х томах. Т. 1 1919 – 1929. – М. 2000. 829 с.

8. Политбюро ЦК РКП (б)–ВКП (б). Повестки дня заседаний 1919 – 1952. В 3-х тт. Т. 2. 1930 – 1941. – М. 2000. 1197 с.

9. Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний 1919 – 1952. В 3-х тт. Т. 3. 1941 – 1952. – М. 2000. 1013 с.

10. Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. Сборник документов. / Под ред. А. Н. Яковлева. – М. 1991. 461 с.

11. РСДРП (б). ЦК. Протоколы Центрального комитета РСДРП (б) (август 1917 – февраль 1918). – М. 1958. 312 с.

12. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. / Составители О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. – М. 1995. 340 с.

* * *

13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Совет Безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] / Электрон. дан. М., 2009. Режим доступа:
http://www.scrf.gov.ru/documents/99/html, свободный.

14. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: // Рос сийская газета. – 2000. 28 сент.

15. Закон Российской Федерации «О безопасности». Федеральный закон «О федеральной службе безопасности». 3-е изд. – М.: Ось-89. 2005. 48 с. (Федеральный закон).

16. Об информации, информатизации и защите информации. – М. : Ось-89. 2005. 32 с. (Федеральный закон).

17. О государственной тайне: Федер. Закон: в ред. федер. законов от 6 окт. 1997 г. № 131 – ФЗ, от 30 июня 2003 г. № 86 – ФЗ, от 11 нояб. 2003 г. № 153 – ФЗ. – М.: Ось-89. 2004. 32 с. (Актуальный закон).

18. Федеральный закон «О политических партиях». – М. : Издательство «Омега–Л». 2008. 62 с. (Законы Российской Федерации).

* * *

19. К истории осведомительной организации «Азбука» (Из коллекции П. Н. Врангеля архива Гуверовского института). Вводная статья, подготовка текста и коммент. В. Г. Бортневского. / Бортневский В. Г. // Русское прошлое. 1993. кн. 4. С. 160–193.

20. Рождение партийной номенклатуры. Публикацию документов подготовил Зеленов М. В./ Зеленов М. В. // Вопросы истории. – 2005. – № 2. С. 3–24.

21. *Лебедев В.* Правящая партия оставалась подпольной / Лебедев В. // Источник. 1993. № 5/6. С. 88–95.

* * *

22. *Агабеков Г. С.* Секретный террор: Записки разведчика / М. 1998. 336 с.

23. *Борман А. А.* Москва – 1918 г. (Из записок секретного агента в Кремле). / Русское прошлое. – 1991. – № 1. – С. 115 – 149.

24. Наши агенты от милиционера до Наркома. Воспоминания белого контрразведчика Николая Сигиды. Публикация В. Бортневского. / В. Бортневский // Родина. 1990. № 10. С. 64–68.

25. *Николаев А. Н.* Токио: суд народов. По воспоминаниям участника процесса. – М. 1990. 416 с.

26. *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. – М. 1996. 572 с.

27. *Судоплатов П. А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – М. 2001. 382 с.

Неопубликованные

Российский государственный архив социально – политической истории (РГАСПИ)

28. РГАСПИ. Ф. 17. (ЦК КПСС) Оп. 3. Д. 37, 143, 157, 244, 293, 329, 373, 407, 445, 524, 629, 633, 688, 741, 771, 772, 914, 930, 935, 970, 986, 1011.

29. РГАСПИ. Ф. 17. (ЦК КПСС) Оп. 84. Д. 176, 311, 362, 467, 488, 491, 492, 587, 682, 696, 697, 730, 733, 792, 866, 944, 1004.

30. РГАСПИ. Ф. 17. (ЦК КПСС) Оп. 85. Д. 170, 537, 538, 539, 540, 542, 544, 615.

31. РГАСПИ. Ф. 17. (ЦК КПСС) Оп. 112. Д. 81, 287, 302, 333, 356, 360, 365, 374, 385, 390, 393, 395, 397, 403, 412, 448, 452, 453, 456, 480, 482, 578, 590, 598, 621, 635, 636, 637, 670, 701, 710, 713, 716.

32. РГАСПИ. Ф. 17. (ЦК КПСС) Оп. 113. Д. 160, 163, 172, 176, 191, 205, 219, 222, 235, 238, 242, 244, 246, 259, 270, 296, 308, 337, 344, 345, 395, 582, 583, 595, 598, 603, 608, 611, 617, 621, 650, 667, 714, 746, 761, 812, 819, 823, 866, 868.

33. РГАСПИ. Ф. 17. (ЦК КПСС) Оп. 114. Д. 185, 205, 337, 340, 364, 562, 572, 575, 595, 600, 631, 635, 639.

34. РГАСПИ. Ф. 17. (ЦК КПСС) Оп. 116. Д. 8, 29, 43, 64, 67, 93.

35. РГАСПИ. Ф. 17. (ЦК КПСС) Оп. 162. Д. 2, 4, 5, 9.

II. Литература

36. *Алексенцев А. И.* Каналы и методы несанкционированного доступа к конфиденциальной информации. / А. И. Алексенцев // Безопасность информационных технологий. – 2001. № 3. С. 69–75.

37. *Алексенцев А. И.* Понятие и структура угроз защищаемой информации. / А. И. Алексенцев // Безопасность информационных технологий. – 2000. № 3. С. 79–85.

38. *Алексенцев А. И.* Сущность и соотношение понятий «защита информации», «безопасность информации», «информационная безопасность». / А. И. Алексенцев // Безопасность информационных технологий. – 1999. № 1. С. 16–20.

39. *Ананьин О. Б., Горбатов В. С., Васильева Т. Г.* Информационная безопасность и человеческий фактор. / Ананьин О. Б., Горбатов В. С., Васильева Т. Г.// Безопасность информационных технологий. – 2000. № 3. С. 60–61.

40. *Анин Б., Петрович А.* Радиошпионаж / Анин Б., Петрович А. – М. 1996. 447 с.

41. *Бабиченко Д. Л.* Секретность второй свежести. / Д. Л. Бабиченко // Итоги. – 2004. № 5 . С. 16–19.

42. *Белади Л., Краус Т.* Сталин: Пер. с венг. – М. 1989. 318 с.

43. *Беляев Е. А., Лаврухин Ю. Н., Пицык В. В.* Государственная система защиты информации в Российской Федерации от технических разведок и от ее утечки по техническим каналам. Структура, задачи и перспективы развития. / Беляев Е. А., Лаврухин Ю. Н., Пицык В. В. // Безопасность информационных технологий. – 2000. № 3. С. 25–39.

44. *Бортневский В. Г.* Разведка и контрразведка Белого Юга (1917 – 1920). / В. Г. Бортневский // Новый часовой. 1995. № 3. С. 50–58.

45. *Волков Ф. Д.* Тайное становится явным. Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы Второй мировой войны / Ф. Д. Волков – М. 1989. 367 с.

46. *Волобуев С. В.* Системный подход в решении задач защиты информации. / С. В. Волобуев // Безопасность информационных технологий. – 2000. № 3. С. 94–97.

47. *Гасанов Р. М.* Шпионаж и бизнес / Гасанов Р. М. – М. 1993. 317 с.

48. *Гинцберг Л. И.* По страницам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП (б) / Гинцберг Л. И. // Вопросы истории. – 1996. № 8. С. 16–30.

49. *Зеленов М. В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 20-е годы / М. В. Зеленов – Нижний Новгород. 2000. 540 с.

50. *Искандеров А. Н.* Два взгляда на историю. / А. Н. Искандеров // Вопросы истории. – 2005. № 1. С. 3–22.

51. Историки спорят. 13 бесед / Под. общ. ред. В. С. Лельчука. – М. 1989. 510 с.

52. Историография сталинизма. Сборник статей / Под. ред. Н. А. Симония. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 480 с.

53. *Кагарлицкий Б.* Марксизм: не рекомендовано для обучения / Б. Кагарлицкий. – М. 2005. 480 с.

54. Каррер д'Анкосс Э. Ленин: Пер. с франц. – М. 2002. 384 с.

55. Конт Франсис. К политической антропологии советской системы. Внешнеполитические аспекты./ Пер с фр. Я. Ю. Богданова. – М. 2003. 224 с.

56. *Коржихина Т. П.* Политическая система в СССР в 20–30 годы. // Политические системы в СССР и стран Восточной Европы, 20–60-ые. – / Т. П. Коржихина Т. П. – М. 1991. С. 6–17.

57. *Корнеев В. Е.* Архивы ВКП (б) в 1917 – 1941 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / В. Е. Корнеев – М. 1987. 430 с.

58. *Коэн Стивен.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938: Пер. с англ./ Общ. ред., послесл. и комент. И. Е. Горелова. – М.: 1988. 574 с.

59. *Коэн Стивен.* Можно ли было реформировать Советскую систему? / Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века. Выпуск 16. – М. 2005. 64 с.

60. *Лайнер Л.* «Венона» Самая секретная операция американских спецслужб. – М. 2003. 384 с.

61. *Леушин М. А.* Документы ВКП (б) (КПСС) как источник по истории исторической науки в СССР 1945 – 1955. Диссертация кандидата исторических наук / М. А. Леушин. – М. 2000. 421 с.

62. *Лукач Георг.* История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. / Перевод, предисловие С. Н. Земляного. – М. 2003. 416 с.

63. *Майданов И. И.* Из истории деятельности советской спецслужбы 1921–1929 гг. На материале Белорусской ССР / И. И. Майданов – М. 1995. 195 с.

64. *Морен Э.* О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя/ Пер. с франц. А. В. Карлова и М. А. Чешкова. – М. 1995. 220 с.

65. *Нежинский Л. Н.* Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов? / Л. Н. Нежинский // История СССР. – 1990. № 6. С. 14–30.

66. *Новопашин Ю. С.* Миф о диктатуре пролетариата / Ю. С. Новопашин // Вопросы истории. – 2005. № 1. С. 41–50.

67. О Доктрине информационной безопасности Российской Федерации. // Безопасность информационных технологий. – 2000. – № 3. – С. 21 – 25.

68. Открывая новые страницы. Международные вопросы: события и люди / Сост. Н. В. Попов. – М. 1989. – 432 с.

69. *Павлова И. В.* Механизм политической власти в СССР в 1920–30 годы. / И. В. Павлова // Вопросы истории. – 1998. № 11–12. С. 49–66.

70. *Павлова И. В.* Становление партийно-аппаратной системы в СССР. // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Сборник трудов. / Ответ. редактор Шишкин В. И. – Новосибирск Сибирское отделение РАН. 1990. С. 72–92.

71. *Ричелсон Джеффри Т.* История шпионажа XX века. – М. 2000. 560 с.

72. *Роуан Р. У.* Очерки секретной службы. Из истории разведки. – Санкт-Петербург. 1992. 392 с.

73. *Соболева Т. А.* История шифровального дела в России / Т. А. Соболева. – М. 2002. 511 с.

74. Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки / Сост.: В. К. Горев, В. Н. Донченко, С. А. Степанов; под ред. В. И. Купцова. – М. 1988. 704 с.

75. *Судоплатов А. П.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моем отце. В 2-х томах. Т. 1 / А. П. Судоплатов. – М. 1998. 508 с.

76. *Судоплатов А. П.* Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моем отце. В 2-х томах. Т. 2 / А. П. Судоплатов. – М. 1998. 554 с.

77. Урок дает история / Под общ. ред. В. Г. Афанасьева, Г. Л. Смирнова; / сост. А. А. Ильин. – М. 1989. – 414 с.

78. Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. / Под ред. Дорошенко И. А., Соловьева А. А., Хромова С. С. – М. 1983. – 494 с.

79. *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы / О. В. Хлевнюк – М. 1996. – 294 с.

80. *Хоскинг Дж.* История Советского Союза. 1917 – 1991 / Пер. с англ. П. Куценкова. – Смоленск. 2001. 496 с.

81. *Цакунов С. В.* В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы / С. В. Цакунов. – М. 1994. 191 с.

82. *Якушев С. В.* К истории создания партийных архивов в СССР. / С. В. Якушев // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 5. – С. 55 – 56.

83. *Beyrau Dietrich.* Schlachtfeld der Diktatoren: Osteuropa im Schatten von Hitler und Stalin. – Gottingen. 2000. 158 p.

Указатель имен

А

Абель Я.К. – 158
Агабеков Г.С. – 247
Агранов Я.С. – 94
Адибеков Ж.Г. – 246
Адоратский В.В. – 74
Алексеев И.В. – 81
Алексенцев А.И. – 18, 19, 248
Алешин – 163
Ананьин О.Б. – 18, 248
Андреев А.А. – 25, 31, 97, 183, 223
Анин Б. – 20, 119, 123, 128, 189, 248
Аустрина – 72
Афанасьев В.Г. – 251
Ашмарин – 171, 175, 195

Б

Бабиченко Д.Л. – 249
Бажанов Б. – 131, 135
Баламутов А.Д. – 133
Баламутов Д.А. – 190
Бауман К.Я. – 34
Бегеулов – 162, 163
Бедный Д. – 107, 202, 245
Бейк – 162
Белади Л. – 36, 249
Беленький – 201
Беляев Е.А. – 18, 249
Богданов Я.Ю. – 14, 249
Богословская – 72
Богуславский – 160
Бокий Г.И. – 25, 82, 94, 123, 125, 133, 141, 157, 159, 161, 162, 172, 178, 189–191, 193–195
Борман А.А. – 81, 247
Бортневский В.Г. – 81, 247, 249
Брезановский Я.Е. – 112, 131, 157, 161
Бремман – 239, 242
Брюханов Н.П. – 62
Бубнов А.С. – 72, 74, 170–172, 175, 176
Бухарин Н.И. – 31, 250
Быкова – 72

В

Вардин И.В. – 171, 175, 176
Варейкис И.М. – 158
Васильева Т.Г. – 18, 248
Власик Н.С. – 202
Вознесенский Н.А. – 163
Волин Б.М. – 171, 172, 181, 182, 195
Волков В.А. – 166
Волков Ф.Д. – 249
Волобуев С.В. – 18, 249
Ворошилов К.Е. – 53, 91
Врангель П.Н. – 120, 247

Г

Галгут – 163
Гасанов Р.М. – 249
Гелен Р. – 218
Герценберг К.Р. – 38, 40
Гинцберг Л.И. – 14, 15, 17, 249
Гитлер А. – 216, 217
Горбатов В.С. – 18, 248
Горбачев – 238
Горбунов Н.П. – 84, 96, 97, 112, 170
Горев В.К. – 251
Горелов И.Е. – 250
Гроссман – 37
Гузак – 201
Гузаков – 200
Гусев А. – 157, 159

Д

Данилов – 172
Даубер – 74
Двинский Б.А. – 32, 38, 40, 95
Деникин А.И. – 81, 218
Дзержинский Ф.Э. – 111, 123, 169, 174, 178, 179, 188, 198, 199, 251
Диманштейн С. – 98
Димитров Г. – 136
Донченко В.Н. – 251
Дорошенко И.А. – 251

Е

Ежов Н И. – 53, 115

Ж

Жданов А.А. – 183, 185

З

Зеленов М.Н. – 15–17, 52, 65, 68, 71, 87, 168, 169, 173, 207, 247, 249
Земляной С.Н. – 250
Зиновьев Г.Е. – 72, 244

И

Икрамов А.И. – 163
Ильин А.А. – 251
Ингулов – 172
Искандеров А.Н. – 249

К

Каганович Л.З. – 31
Каганович Л.М. – 34, 39, 40, 53, 71, 132, 223
Кагарлицкий Б. – 249
Кадыр-Алиев – 161
Кактынь – 84
Калинин М.И. – 169
Каменев Л.Б. – 38, 72, 81, 169
Канатчиков С.И. – 71–74
Каннер Г. – 138
Канторович – 138
Каплан Ф. – 199
Карахан Л.М. – 90
Карлов А.В. – 250
Каррер д'Анкосс Э. – 249
Каштанов – 161
Квасников – 219
Квашонкин А.В. – 18, 22, 34, 38, 40, 41, 53, 65, 93, 103, 113, 115, 117, 144, 163, 246
Керзон Дж. Н. – 52, 90, 127
Киров С.М. – 113, 202
Козлов – 130, 244, 245
Колтунов Л.Г. – 162
Конт Ф. – 13, 14, 249
Коржихина Т.П. – 12, 249
Корнеев В.Е. – 249
Косиор С.В. – 31, 42, 92, 131, 145, 162, 178, 192, 236
Кошелева Л. – 18, 22, 34, 38, 40, 41, 53, 65, 93, 103, 113, 115, 117, 144, 163, 246
Коэн Ст. – 250
Краус Т. – 36, 249
Крестинский Н.Н. – 81, 82
Кржижановский Г.М. – 84, 170
Крумин – 172
Крупская Н.К. – 168
Крючков В. – 220, 221
Ксенофонтов И.К. – 25, 70, 89, 198
Кубяк Н.А. – 90, 91, 110
Куджиев – 162
Кудряшов К.М. – 158
Куйбышев В.В. – 28, 84, 85, 87, 140, 154, 170, 173
Купцов В.И. – 251
Куренков Г.А. – 4, 15, 17, 172
Курчатов И.В. – 219
Кучеров – 162

Л

Лаврухин Ю.Н. – 18, 249
Лайнер Л. – 128, 250
Лебедев В. – 17, 18, 247
Лебедев-Полянский П.И. – 170–172, 175
Леверкюн – 166
Лежава А.М. – 84, 160, 169
Лельчук В. – 246, 249

Ленин В.И. – 15, 16, 38, 40, 65, 75, 77–79, 81, 84, 87, 107, 120, 168, 187, 198, 199, 205, 218, 244, 246, 249
Леплевский – 160
Леушин М.А. – 250
Литвинов М.М. – 90, 110
Литовский – 171
Лобанов М.А. – 162
Лукач Г. – 250

М

Мадер Ю. – 212, 216, 217
Майданов И.И. – 197, 198, 207, 250
Маленков Г.М. – 183
Мануильский Д.З. – 99
Маркс К. – 40, 77–79
Матвеев – 130
Мехлис Л.З. – 31, 42, 44, 71, 72, 97, 155, 183, 200, 210, 239
Мещеряков Н.Л. – 26, 170, 171
Микоян А.И. – 53
Миллер В.А. – 199
Молотов В.М. – 28, 31, 34, 35, 53, 91, 169, 223, 242, 246
Морен Э. – 250

Н

Назаретян А.М. – 31, 44, 85, 98, 125, 126, 138, 139, 141, 191, 210, 237
Нарбут В.И. – 172, 174
Наумов В. – 246
Наумов О. – 246
Нежинский Л.Н. – 250
Николаев А.Н. – 247
Новицкий – 172
Новопашин Ю.С. – 250
Носкова А.Ф. – 12

О

Орджоникидзе Г.К. – 91, 178
Осинский В.В. – 163

П

Павлова И.В. – 12, 13, 17, 250
Паршин – 238
Петерсон – 200, 201
Петрович А. – 20, 119, 123, 128, 189, 248
Пирожков В П. – 246
Пицик В.В. – 18
Пицык В.В. – 249
Подвойский Н.И. – 161
Полонский В.И. – 94
Поскребышев А.Н. – 22, 32, 38, 40, 44, 94, 117, 210
Пятаков Г.Л. – 84, 98, 170
Пятницкий И.А. – 90, 91, 94

Р

Радек К.Б. – 98, 169
Разумов М.О. – 159
Рейган Р. – 20
Ричелсон Дж. Т – 218, 250
Роговая Л. – 18, 22, 34, 38, 40, 41, 53, 65, 93, 103, 113, 115, 117, 144, 163, 246
Ройзейнман Б.А. – 94
Роуан Р.У – 250
Румянцев – 130
Рыков А.И. – 72

С

Самсонов Т.П. – 76
Сафаров Г.И. – 98
Свердлов Я.М. – 218, 244
Сигида Н. – 247
Симония Н.А. – 249
Симонов – 163
Смирнов Г.Л. – 251
Смирнов И.Н. – 34
Соболева Т.А. – 218, 250
Соловьев А.А. – 251
Спиридонов – 175
Сталин И.В. – 15, 16, 22, 27, 28, 31, 32, 34–40, 44, 45, 47, 52, 53, 62, 71–73, 81, 84, 87, 90, 93, 98, 99, 103, 109, 113–115, 127, 131, 134, 135, 141, 163, 169, 189, 202, 204, 210, 211, 214, 218, 223, 246, 249
Стасова Е.Д. – 81
Стевенсон В. – 214

Степанов С.А. – 251
Стецкий А.И. – 163
Стоклинский – 171
Судоплатов А. – 21, 136, 199, 202, 214, 215, 251
Судоплатов П.А. – 21, 136, 199, 202, 214, 215, 247, 248, 251
Сухова Е. – 115

Т

Товстуха И.П. – 22, 31, 32, 34, 37, 38, 44, 51, 71–73, 90, 94, 98, 99, 110, 114, 124, 131, 132, 141, 157, 194, 201, 210, 236, 244
Трилиссер М.А. – 94, 191
Троцкий Л.Д. – 61, 72, 81, 84, 93, 98, 99, 169, 199, 214, 215, 218

У

Угланов Н.А. – 31
Ульмасабаев – 130
Уншлихт И.С. – 90, 110, 178, 195

Ф

Федоров – 131
Феттерлейн – 119, 123
Фрунзе М.В. – 84, 120

Х

Харкевич П.Х. – 189
Хатаевич – 245
Хлевнюк О.В. – 13, 17, 18, 22, 34, 38, 40, 41, 53, 65, 93, 103, 113, 115, 117, 144, 163, 246, 251
Хоскинг Дж. – 251
Хромов С.С. – 251

Ц

Цакунов С.В. – 12, 13, 251
Цибизов – 138, 157, 159, 161, 162, 189, 191, 193, 194

Ч

Черчилль У. – 209
Чечулин С.Ф. – 125, 131, 194
Чешков М.А. – 250
Чиков В.М. – 219
Чистяков С.Ф. – 124
Чичерин Г.В. – 84, 120, 168
Чубарь В.Я. – 53
Чугунов М.М. – 124, 240

Ш

Шверник Н.М. – 31
Шебаршин Л.В. – 20
Шеболдаев Б.П. – 97
Шеленберг В. – 217
Шефлер – 160
Шипек – 163
Шишкин В.И. – 13, 250
Шкирятов М.Ф. – 42, 200
Штейнингер В.И. – 198
Шульгин В.В. – 81

Щ

Щербаков А.С. – 183

Э

Энгельс Ф. – 40, 77–79
Этингоф Б.Е. – 170–172

Ю

Юденич Н.Н. – 198
Юркин – 115

Я

Ягода Г.Г. – 90, 199, 200
Яковлев А.Н. – 246
Яковлев Н.Н. – 20, 214, 220
Яковлев Я.А. – 171
Якушев С.В. – 251
Ямченко – 120
Янсон – 192

Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)
Проект Стивена Коэна и Катрины ванден Хювел

Серия «АИРО – монография»

Г. А. Куренков

От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП(б) – ВКП(б)

1918 – 1941 гг.

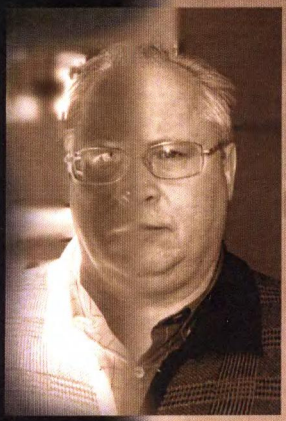
Научное издание

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

Подписано в печать с оригинал-макета 21.01.2015.
Формат 60x84 1/16. Бум. офс.
Усл. печ. л. 11,5. Тираж 700 экз. Заказ 574

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: 8-917-547-84-24.
e-mail: andmak@airo-xxi.ru
http: www.airo-xxi.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10

АИРО-МОНОГРАФИИ
АИРО XXI
ТОМ 37

КУРЕНКОВ Геннадий Александрович

1962 г.р.
Сотрудник Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук.
В 1989 году закончил факультет архивного дела Московского государственного историко – архивного института (МГИАИ) по кафедре Истории СССР советского периода. По окончании института работал в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС, (после 1991 года РЦХИДНИ – РГАСПИ) до 1998 г., затем в различных архивах и документоведческих (делопроизводственных) структурных подразделениях от государственных организаций федерального и московского уровней до частных (архивных) фирм. В 2010 году защитил кандидатскую диссертацию в РГГУ по специальности «Отечественная история». С 2012 г. снова в РГАСПИ. Основная тема исследований – «История и организация защиты информации в партийных и государственных органах в советский период».